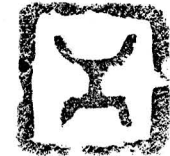

Л.С.Клейн

ФОРМУЛА МОНТЕЛИУСА

(шведский рационализм в археологии Мальмера)

Донецк 2010

ББК Т4(о)в
К482

Клейн Л.С. Формула Монтелиуса (шведский рационализм в археологии Мальмера). – Донецк: Донецкий национальный университет, 2010. – 258 с.

ISBN 978-966-639-400-5 (серия)

ISBN 978-966-639-438-8 (т.2)

Научная серия: Теоретическая археология. Т.2.

Ответственный редактор серии Евглевский А.В. (Донецк, ДонНУ)

В этой книге известный российский археолог проф. Л.С.Клейн анализирует творчество шведского археолога Матса Мальмера (1921-2007), причисленного к великим археологам. Многие из этого творчества плохо известно в России и мире, и ознакомление с его достижениями поможет обогатить наш методический арсенал. Мальмер усовершенствовал типологический метод Монтелиуса, названного в свое время “королём археологии”. Автор считает, что именно с Мальмера начинается модернизация археологии, но лавры основоположников Новой Археологии достались англичанам и американцам. Стремясь понять причины этого, автор критически рассматривает методологию Мальмера и показывает, почему преимущества были отданы другим. Поскольку промахи Мальмера повторяются многими археологами, критический анализ его работ – хороший урок для всех.

Книга рассчитана на археологов и антропологов, но, вероятно, будет любопытна всем, кто интересуется методологией науки.

ISBN 978-966-639-400-5 (серия)

ISBN 978-966-639-438-8 (т.2)

© Клейн Л.С., 2010

© Донецкий национальный университет, 2010

© Автор проекта серии Евглевский А.В., 2010

Предисловие

Между “Формулой Монтелиуса” и “Кодом да Винчи” нет ничего общего, кроме того, что обе книги повествуют о секретах мастерства и попытках их разгадать. В сюжете этой книги нет ни убийства, ни погони, ни ереси, ни вмешательства церкви и власти, ни лихо закрученной интриги. Но загадочная ситуация налицо. Для человека с тягой распутывать сложные коллизии здесь есть, над чем поразмышлять. Если, конечно, ему интересны проблемы археологии.

Шведского археолога Монтелиуса называют “королём археологии” (рис. 1). В энциклопедии “Великие археологи” помещена его биография. Придуманный им типологический метод выражают простой формулой – ABCDEFG. На деле формула его совсем не столь проста. Монтелиус умер в 1921 году. В том же году родился другой шведский археолог, Матс Мальмер, тоже занесённый в энциклопедию “Великие археологи” – единственным из скандинавских археологов XX века. Он усовершенствовал типологический метод Монтелиуса, расширил его применение. Но его идеи модернизации археологии не восприняты наукой. Лидерами Новой Археологии стали другие. Есть подозрение, что формулу Монтелиуса он не разгадал, и помешали как раз его новаторские идеи. Всё это происходило на глазах моего поколения, и в этом нужно разобраться.

За последнее время несколько моих книг, написанных 40 и 50 лет назад и не изданных в своё время, неожиданно оказались востребованными и находят путь к читателю. Между тем за столь длительный период такая наука, как археология, удваивает свои источники, совершенствует методы, сменяет теории, и книги должны неимоверно устареть. Если издательства их охотно берут для публикации, то это, вероятно, потому, что они посвящены

Рис. 1. Оскар Монтелиус (Gräslund 1987, Fig. 35).

основным теоретическим проблемам археологии, не стареющим и не отменяемым. В этих книгах я рассмотрел сочувственно и критически важнейшие вклады Западной археологии в мировую науку, а это в советское время считалось у нас вообще нежелательным. С тех пор в Западной археологии появилось много нового (новые вклады я рассматриваю в других книгах), но старые достижения не исчезли, они живут в науке, и надо их, по меньшей мере, знать. Надо устранять пробелы. Надо использовать их достижения, учитывать их уроки, не повторять их просчёты.

Одну из этих книг я посвятил Новой Археологии – бурному и плодотворному творчеству блистательной плеяды американских и английских археологов, начиная с середины 60 годов XX в. форми-

ровавших облик мировой археологии и выдвинувших свои страны на передовые позиции в этой науке (Клейн 2009б). Они старались трансформировать археологию так, чтобы она отвечала потребностям века и уровню развития техники и естественных наук. Они подготовили её к органическому освоению компьютеров.

Для этого они взяли на вооружение методологию науки, разработанную философами-неопозитивистами и постпозитивистами – Гемпелем, Нагелем, Поппером, отчасти Витгенштейном, – философию интересную, но отнюдь не безгрешную. Все археологи в нашей стране, по крайней мере, знают о существовании Новой Археологии, о её лидерах – Бинфорде, Кларке, Флэннери, Ренфру. Поэтому мою книгу “Новая Археология” покупают с интересом, зная, о чём там будет речь.

Значительно меньше знают о том, что движение к модернизации археологии, к её сциентификации (уподоблению точным наукам – Science) началось не с Новой Археологии и не с середины 60 годов, а чуть раньше – с середины века, и застрельщиками были не американцы и англичане, а французы и шведы. И философию они взяли не неопозитивистскую, а неорационализм, восходящий, в конечном счете, к Декарту.

Лидер французского течения, внесшего заметный вклад в модернизацию археологии, Жан-Клод Гарден, всё же известен нашим археологам. Один из его трудов, “Теоретическая археология”, переведен на русский язык и издан (Гарден 1983). Но основная фигура аналогичного шведского течения, основанного на рационализме, Матс Мальмер, совершенно неизвестен у нас. Между тем Швеция – наш близкий сосед, страна, издавна связанная с нашей историей, с нашими археологическими культурами, с нашей научной традицией.

Все наши археологи знают, что виднейший шведский археолог прошлого века Оскар Монтелиус носит прозвище “короля археологии”. Но вот вам современный шведский археолог, которого, быть может, в будущем будут ставить на одну доску с Монтелиу-

сом. Профессионалу стыдно не знать его трудов, не разбираться в его взглядах, не понимать, в чём его сила, не уметь критически оценить его вклад. А многое из его нововведений может просто пригодиться многим в собственной работе. По-шведски у нас читают немногие, но основные его труды изданы на немецком и английском. И всё же их не читают.

Вот почему я в начале 70 годов написал небольшую книжку о теории и методах Матса Мальмера, в основном о его трудах начала 60 и более поздних, и пытался издать. Тогда это было для меня недостижимым. А жаль. Тогда ознакомление русских археологов с нововведениями Мальмера и критический анализ его трудов сильно продвинули бы вперед нашу науку. Да и сейчас это остается интересным. Сейчас издание оказалось возможным и по-прежнему нужным.

С Матсом Мальмером я знаком лично. Мы переписывались, обменивались печатными работами, обсуждали научные проблемы. Он знал, что я написал книгу о его творчестве, имел представление о содержании книги – о поддержке его вклада в типологию, о критике его версии типологических исследований. Но прочесть книгу не мог, так как не владел русским языком, а добиваться перевода и издания книги о себе ему было неудобно.

В поздне-брежневское время (когда советские войска вошли в Афганистан, и разрядка напряжённости была сорвана), я был арестован. Когда я вышел из тюрьмы и лагеря, мои степень, звание и преподавательская должность в университете были утрачены, и я не мог найти никакой работы, даже чернорабочего. Я думал, что придётся эмигрировать. Мальмер тогда прибыл в Ленинград, и мы бродили с ним по улицам и обсуждали, что делать, как подготовить мой отъезд из СССР. Мальмер, уезжая, даже взял с собой заранее небольшое число книг моей личной библиотеки. Я припоминаю, что некоторые другие иностранные коллеги (из американцев) боялись принять от меня на вывоз даже рукопись. Но с падением советской власти дело приняло совсем другой оборот...

В начале 90 годов я посетил его в Швеции, был у него дома. Он был уже стар, к сожалению, болен, и его уже невозможно было увидеть в Университете. Он ещё издал в 2002 г. одну книгу и умер в 2007, за 15 дней до своего 86-летия.

Труды Мальмера я изучал с восхищением и огромным уважением, но это не мешало мне относиться к ним критически, и читатель найдёт в моей книге больше критики, чем принятия. Но это потому, что я стремился освоить вклады и уроки Мальмера творчески, и эта работа помогла мне в дальнейшем, когда я делал “Археологическую типологию” (Klejn 1982; 1991).

В отличие от “Новой Археологии” и “Спора о варягах”, которые я опубликовал в неизменном виде, книгу о Мальмере пришлось немного подработать – появились новые работы самого Мальмера, кое-что новое о нем, несколько изменились мои представления о Монтелиусе, но основное содержание книги осталось прежним. Эта книга (о шестидесятых) – продукт семидесятых. Не моя вина, что она досталась читателю так поздно. Но коль скоро ничем более новым это место не занято, книга будет читаться в XXI веке, а мне незачем писать другой вариант. Возможно, я написал бы его иначе, но это не значит – лучше. Восприятие современника имеет свои преимущества. Эта книга – артефакт эпохи, начавшейся полвека назад. Она возрождает дискуссии, надежды и размышления, с которыми мы вступали в эту эпоху и которые после периода забвения и других увлечений опять напоминают о себе – с каждым новым поколением. Оказывается, они ещё с нами.

Моя глубокая признательность не только покойному Матсу Мальмеру, присылавшему мне свои труды, но и его супруге Брите и другим шведским коллегам – Марии-Луизе Стиг Сёренсен, Мартину Рундквисту, снабжавшим меня недостающими произведениями Мальмера.

I. Шведский рационализм и революция в археологии

1. Истоки шведского рационализма. Можно спорить о том, с чего начинается научная революция (Kuhn 1962; Кун 1978; Schwartz 1978; Клейн 2004: 13-14, 314-315 и др.). Но яркая научная революция в археологии, повернувшая её лицом к компьютерному веку (Renfrew 1970-71; 1973; Martin 1971; Клейн 2009б: 294-317 и др.), не обошлась без освоения философских идей.

Оба философских течения, на которые опирается нынешняя модернизация археологии, происходят из Франции: *позитивизм* и *рационализм*. Правда, позитивизм воздействовал на нынешнюю археологию уже в виде *неопозитивизма* и *постпозитивизма*, а их очаг – это Австрия, но, в конечном счете, это ответвления широкого течения позитивизма. Родоначальник позитивизма – Огюст Конт, родоначальник рационализма – Рене Декарт. Конт – XIX век, Декарт – XVII. В археологию оба течения вошли значительно позже, но в той же последовательности – сначала рационализм.

С освоения неопозитивистской методологии начали свою революцию в археологии учёные Англии и Америки, зачинатели Новой Археологии. Но рационалистической методологией, также нацеленной на внедрение математики и научности, чуть пораньше увлеклись археологии Франции и Швеции. Наряду с Францией Швеция – страна, в которой рационализм также представляет собой давнюю и сильную традицию. Почему эти две страны оказались рядом в этом деле? Так ведь в XVII в. это были две самых мощных страны Европы, их соперничество определяло собой всю политическую историю Европы, они конкурировали во всем, в том числе и в науках.

Философия Декарта ставила во главу угла ясность рассудка и логику. Его главный труд – “Рассуждение о методе”. Главным средством познания и образцом для всех наук Декарт считал математику.

Воплощение французской ясности рассудка Декарт умер на чужбине – в Швеции. В 1649 г. королева Кристина, увлекавшаяся философией, послала за знаменитым Декартом военный корабль, и Декарт на свою беду прибыл в Швецию и стал учителем королевы. Вынужденный в северной стране вставать до рассвета, чтобы поспевать ко двору для уроков королеве спозаранку, он уже через год простудился и умер. Но философия его пустила корни в Швеции, в частности в Упсальском университете. Шведские профессора, особенно медики, старались приложить к практическим наукам учение Декарта о путях познания посредством рассудка, логики и математики, видя в природе не чудеса, а механизмы.

Через полтора века швед Турильд встретил Великую французскую революцию с таким энтузиазмом, что ему пришлось покинуть Швецию. В 1800 г. он издал “Архиметрию”, в которой писал, что человек часто примеряется, но не измеряет, а для познания нужно измерять, ибо лишь математика дает надежное знание.

В конце XIX – начале XX в. в Швеции сложилась так называемая Новая Упсальская школа. Её называют первым ростком неопозитивизма (Мысливченко 1972: 159), на 15-20 лет опережающим Венский кружок, с которого неопозитивизм обычно ведет своё начало. Однако при этом отмечают существенные отличия идей Новой Упсальской школы от логического позитивизма. На деле она ближе к *неорационализму*. Лидер этой школы Аксель Егерстрём (Хегерстрём – Axel Hägerström, 1868-1939) ставил задачу изжить из теории познания субъективизм. В сочинении 1908 г. “Принцип науки. Реальность” он писал, что чувства являются источником многих заблуждений в познании, а “суждение есть улавливание реальности” (Hägerström 1908: 77). Наше сознание

само придаст предмету познания ту форму, в которой он становится познаваемым, и в этом смысле оно создаёт предмет познания. Реальность появляется для познания в результате логической операции – определения, дефиниции.

Позиция Егерстрёма несколько отличалась от неопозитивистской. Неопозитивисты изо всех сил стремились изгнать из науки скрытые за явлениями сущности. Для них мир был плоским: что наблюдаем, то и есть, что сверх того – то от нечистого. Они были убеждены, что науки о природе традиционно построены на признании этого. Но все науки, по их представлениям, однотипны, так что и гуманитарные нужно построить именно так, а образцом является физика. Они уповали на то, что различные методические и технические средства познания сложатся в некую машину формализации, которая и устранил мировоззренческие компоненты знания, субъективизм и произвол. Если Егерстрём полагал во главу угла дефиниции, улавливающие реальность, то неопозитивисты упирали на дотошную логическую процедуру проверки гипотез – такую же, как в физике.

Неорационалисты же (Гастон Башляр и др.) также выдвигая лозунги борьбы с субъективизмом, формализацию и математизацию науки, признавали разные пути познания для разных наук и для разных этапов познания. Они не считали физику образцом для всех наук. Башляр даже разрабатывал методологию приближительного знания, которое тоже дает понимание.

Это, скорее, неокантианский тип мышления, то есть другая ветвь *рационалистической* традиции, ведущая от Декарта через Канта к Когену. Герман Коген, лидер марбургской школы неокантианцев, писал в 1883 г.: “Определяющей идеей идеализма является тезис: не существует вещей иначе, чем в мышлении и из мышления”. Но это же утверждает и догматический идеализм, а отличия своего “критического идеализма” Коген видит

“исключительно в ссылке на науку; это только в ней вещи даны и доступны для философских вопросов: звёзды даны не в

небе, а мы характеризуем в науке астрономии в качестве данных те предметы, которые отличаем ... от продуктов мышления как основанных на чувственности. Чувственность коренится не в глазу, а в *raison d'astronomie*” (Cohen 1883: 126-127).

Это есть та философско-методологическая основа, которую усваивали шведские студенты-археологи в межвоенное время от своих университетских профессоров. Потом они сами становились профессорами.

В начале 1960 годов в Швеции была предложена археологическая концепция, которая в ряде аспектов была близка концепции Гардена – также со специальным упором на строгую логику, на формальные дефиниции, на математику. Эта концепция была предложена в работах Матса Мальмера, анализу которых посвящена данная книга.

В теоретических и историографических трудах, следуя моей “Панораме теоретической археологии” (Klejn 1977), Мальмера рассматривают вместе с Гарденом как предшественника Новой Археологии и, коль скоро Новая Археология проникнута философией неопозитивизма и постпозитивизма, обоих характеризуют как неопозитивистов. В частности как приверженцев аналитической философии. О Мальмере два шведских профессора археологии А.Андрен и Э.Боду пишут в некрологе “Матс Мальмер – блестящий археолог”, что он находился “под влиянием аналитической философии, не в последнюю очередь Витгенштейна” (Andrén and Baudou 2007). Но в трудах Мальмера ни Витгенштейн, ни аналитическая философия не упоминаются, а есть ссылки на совсем другие философские труды.

Методологические декларации как Гардена, так и Мальмера криком кричат: я не позитивист, я рационалист. А Мальмер и прямо называет свою философию и методологию “рационализмом”.

Как видим, давнее путешествие Декарта на север заложило корни методологических оснований сходства науки в этих двух странах и вот дало через три века схожие плоды.

2. От 2М к 3Н. К этому времени богатая типологическая традиция в шведской археологии продолжалась дальше. Ученики Оскара Монтелиуса – Нильс Оберг, Бернгард Салин и позже Хольгер Арбман – разрабатывали конкретные типологические штудии, образцовые для всей Европы. Но в Швеции этого времени не отвергалась и соперничавшая со шведской археологической традиция датчанина Софуса Мюллера (хотя Дания в целом враждовала со Швецией). Позже, во второй половине XX в., даже появился шведский исследователь Бо Грэслунд (Bo Gräslund), который утверждал, что методика датчанина Софуса Мюллера совершеннее. Он выяснил, что Монтелиус, когда он делал свои практические открытия, на конкретном материале, вовсе не применял свой типологический метод, а пользовался втихую тем самым методом (комбинаторным), который провозглашал его противник Софус Мюллер (Gräslund 1974; 1987). Вся скандинавская археология была, собственно, археологией двух М – Монтелиуса и Мюллера.

Однако с середины XX в. шведская археология начала всё больше испытывать влияние новых географических идей. Ничего удивительного: к этому времени археология в других странах была уже давно под влиянием географии – в Германии (Эрнст Вале и его последователи), в Англии (*энвайронментализм* – Крофорд, Фокс и Грэм Кларк), частично в Соединенных Штатах (Франц Боас, Кларк Уисслер, ещё больше *многолинейный неэволюционизм* – Джулиан Стюард). Но в Скандинавии со времен Монтелиуса и Софуса Мюллера преобладал *диффузионизм*. Энвайронменталисты разрабатывали географические аспекты, мало связанные с самой диффузией. Даже диффузионисты, как Вале или Боас, географические аспекты самой диффузии затрагивали мало. И естественно: идея диффузии проникла в археологию первоначально от биологов (миграции животных) и филологов (странствия сюжетов).

В Скандинавии географы на современном материале развили именно диффузионистские идеи: эти географы подсчитывали ско-

рость диффузии, устанавливали её законы. Они построили теорию диффузии. Они разработали также данные о территориальном распространении экономических характеристик населения. Это были скандинавские географы: датчанин Гудмунд Хатт и шведы Торстен Егерstrand и Давид Ханнерберг (Hatt, Hägerstrand, Hannerberg). Теорию диффузии особенно развивал Егерstrand. Вся эта плеяда географов сильно воздействовала на скандинавскую археологию. Шведский археолог Карл-Аксель Муберг сформулировал это так: “Археология двух М, в которой доминировали Монтелиус и Мюллер, замещается археологией трёх Х, в которой много важных влияний исходит от не-археологов...” (Moberg 1981a: 218) (в шведском фамилии всех трех географов пишется с одной буквы – Н).

Таким образом, в Швеции слились воедино разные течения: диффузионизм, географический подход и кое-что ещё, но шведские археологи не ограничились прилежным заимствованием.

В ноябре 1921 года умер Оскар Монтелиус. В октябре 1921 г. родился Матс Мальмер. Судьба как бы послала его на смену Третье М.

3. Матс Мальмер как трансмиссионист. Полное имя – Матс Эрик Густаф Сигурд Петерсон Мальмер (Mats Erik Gustaf Petersson Malmer), а короче – Матс П.Мальмер (рис. 2). Родившийся в семье учителя в Стокгольме, он старше Гардена на 4 года. После армии и учёбы в Лундском университете он начал свои раскопки, в частности исследовал средневековую больницу (лепрозорий). Его первая же публикация, вышедшая в 1948 г., стала благодаря строгим методам раскопок классикой шведской археологии. С 1946 по 1980 г. он раскапывал (с перерывами) известное ныне свайное неолитическое поселение Альвастра с орудиями и оружием культуры воронковидных кубков, но с ямочной керамикой. Он интерпретировал его как святилище. В начале 1950 годов появились статьи Мальмера, где нашли выражение его тесные связи с палеоботаниками. Среди этих статей было первое в мире описа-

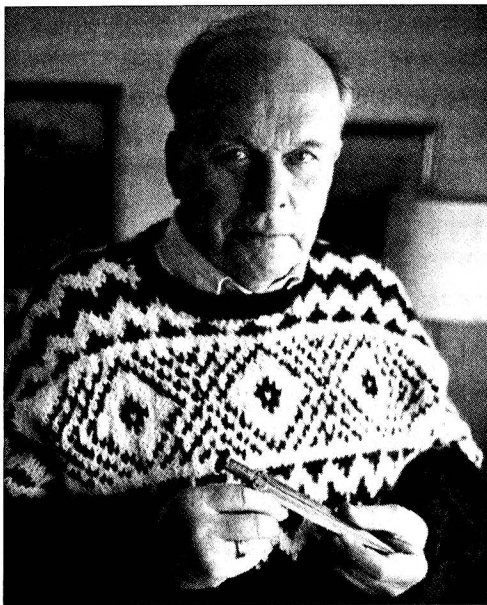

Рис. 2. Мальмер с моделью бронзового меча в руках.

ние микролита, найденного прямо на древке, – так было доказано, что микролиты являлись наконечниками стрел.

В 1957 г. Мальмер опубликовал в статье свои хронологические (пространственные) исследования с новой для археологии техникой картирования – *изарифмами*, которую он заимствовал у географов. Я далее рассмотрю подробно эту методику. Мальмер показал в этой работе, что неолитическая культура боевых топоров занимала те же самые плодородные земли, что ранее были охвачены культурой воронковидных кубков, так что её носители обладали схожей экономикой.

Эти мысли он развил далее в своей колоссальной книге “Исследования по развитому неолиту”, напечатанной в 1962 г. (“Jung-

neolithicen Studien” – Malmer 1962, сокращённо далее: JS). Тема этого тома – культура бронзового века (культура боевого топора) в Швеции, её происхождение и развитие. Как и Мюллер, и Монтелиус (да и Чайлд), Мальмер – диффузионист. Он признаёт, что культурные нововведения продвигались в Швецию с юга, с европейского континента. Так что в труде явно проводится *диффузионизм*, но лишь как *трансмиссионизм*: учитывается влияние, миграция отвергается. Диффузия рассматривается в соответствии с принципами, разработанными в географии.

Мальмер вознамерился доказать, что культура боевого топора не принесена с новой экономикой в Швецию с юга вторгшимся народом, что прежде было принято почти всеми, а продолжала прежнюю культуру этой местности. Что с юга принесены только культурные влияния. Он устанавливал преобладание от местного населения. В основном культура развивается у него автохтонно, население сидит на том же месте, только влияния идут волнами с юга на север. Это трансмиссия изобретений – как у Егерстранда.

То есть Мальмер отверг методику этнического истолкования культур, наиболее рьяно проводившуюся Косинной. Диффузия идей вместо миграции. Я сейчас отвлекаюсь от вопроса, представляется ли мне это верным или неверным, но всю вторую половину XX в. западные археологи верили, что это так, и штудии Мальмера были в числе тех, на которых это мнение было основано.

Мальмер, однако, очень оригинальный мыслитель, и его работа и значение гораздо шире, чем просто отражение географических влияний. Том “Исследований по развитому неолиту” исключительно богат разными аспектами археологического содержания. Есть много заключений о культуре боевого топора, её происхождении, экономике и т.д.

В 1962 г. он получил докторскую степень за эту книгу. Вряд ли кто-либо когда-либо получал степень за более солидный труд.

В следующем году появилась другая его книга – “Методические проблемы (Metodproblem) искусства скандинавского железного века”, на сей раз на шведском с пространным английским резюме (Malmer 1963, сокращенно далее: МР). Это было исследование предметов искусства железного века – фибул, рунических камней, золотых брактеатов. Брактеаты – это были односторонние монеты, чеканенные из тонких серебряных или золотых пластинок так, что выпуклым изображением было только с одной стороны, а на другой стороне то же изображение получалось вогнутым. По вариациям изображений исследователь старался определить центры изготовления брактеатов и пути их распространения.

Через два десятилетия после двух мальмеровских книг начала 60 годов вышло его большое хорологическое исследование скандинавских петроглифов – “A chorological study of North European rock art” (Malmer 1981, сокращённо далее: ChSt). Заметьте, исследование именно хорологическое, то есть в территориальном плане. Обычно петроглифы изучают в содержательном плане – с точки зрения соответствия изображений реальности, в плане стиля и хронологии, а тут хорология. С этой стороны никто петроглифы не изучал. И главным вопросом этого изучения стал вопрос: откуда – куда.

Основная идея, легшая в основу труда, высказана уже в его начале:

“Археологическая литература слишком часто видела новую идею или инновацию как поражающую какой-то регион (даже разницей со Скандинавию) со скоростью молнии, воздействующую одновременно на её разные территории. Это никогда не может быть верным: каждый археологический тип сперва производился одной личностью, жившей в определенном месте и в определенное время; отсюда новая идея распространялась на её ближайшие окрестности, а оттуда всё расширяющимися кругами, пока не достигала пределов нашей карты распространения. Поэтому чтобы установить хронологию и дать интерпретацию, необходимо анализировать процесс инновации и направление, в котором он распространялся”.

И он отвечает на вопрос, поставленный Мубергом в 1977 г., и, по Мубергу, решающий для самого существования археологии: должны ли схожие находки вести к схожим интерпретациям? (Moberg 1981b). Мальмер отвечает, сводя, однако, вопрос к наличию конвергенции:

ф 2. (“Очевидно, что схожие экономические, технические, социальные, религиозные и другие условия могут порою вести к созданию схожих (хотя и никогда полностью не совпадающих) типов в разных местах. Но и в этих случаях нужно установить центры инноваций и распространение идей из них” (ChSt, 1).

Этой позиции он придерживался всю жизнь. В статье 1991 г. (“Ментальность центра и периферии”), отстаивая идею постоянной диффузии из Дании в Швецию, он пишет:

“В течение последних 50 лет или около того сама идея диффузии отвергнута многими археологами (ссылки на Триггера и др.). Это отвержение противоречит рассудку. Весь опыт показывает, что идеи, моды, технические знания и конфигурации передаются. Очень немногим индивидам когда-либо приходит в голову оригинальная идея; мы заимствуем идеи друг от друга и, в конечном счете, от редких индивидов с творческой способностью. Чтобы дискредитировать идею диффузии, утверждается, что диффузионисты думают, будто влияния текут, как вода. Сомнительно, чтобы хоть один диффузионист так думал... Влияния вообще не текут; они принимаются или отклоняются” (Malmer 1991: 47).

Следуя Чайлду, который постулировал странствующих металлургов бронзового века, Мальмер постулирует странствующих художников наскального искусства, разносивших мотивы и стили этого дела по широким территориям (ChSt, 2).

Между тем с 1959 г. Мальмер возглавлял секцию каменного и бронзового века в Музее национальных древностей в Стокгольме, с 1970 г. был профессором в Лунде, с 1973 г. получил кафедру археологии в Стокгольмском университете.

В 1987 г. 66-летний Мальмер ушел в отставку, и его ученики поднесли ему в этот момент большой фестшриффт, в котором рассматриваются разные стороны его вклада (опубликован в BAR, Оксфорд, – Burenhult et al. 1987). Ещё через 20 лет он ушёл из жизни, но за пять лет до того ещё вышел на английском его “Неолит Южной Швеции” (Malmer 2002). В этом труде Мальмер рассмотрел факты и непосредственно следующие из них интерпретации трёх основных неолитических культур Южной Швеции – мегалитической культуры воронковидных кубков, культуры ямочной керамики и культуры боевого топора. Первая и третья – земледельческо-скотоводческая, а вторая – культура неолитических охотников и рыболовов. С точки зрения Мальмера, хотя они земледельческо-скотоводческие культуры и сменяли друг друга почти молниеносно сразу на всей территории, они обе сформировались на месте. Сменялась только культура, идеи, поведение, но не население. Это был процесс повального и быстрого распространения инноваций на огромные территории (Malmer 2002: 18).

Единственный из современных скандинавских археологов Мальмер отмечен прижизненно статьёй в энциклопедии “Великие археологи” (Sørensen 1999). Что он совершил, представляет огромный вклад в науку.

4. Cherchez la femme. Money, money, money ... В жизни Матса Мальмера, всегда необычайно спокойного, работающего и доброжелательного, огромное место занимает семья, дом, жена Брита. Именно эта женщина обеспечивала его постоянное равновесие, рабочее настроение и уверенность.

Мальмеру повезло в том, что его супруга была не только его любящим и заботливым спутником по жизни, но и ценным сотрудником, чертившим изображения и диаграммы для его книг (см. ChSt, Foreword). И несомненно интересным собеседником. Брита Мальмер – крупнейший археолог-нумизмат Швеции, специалист по раннесредневековым монетам Скандинавии. Млад-

ше Матса на 4 года, она на 4 года позже мужа защитила диссертацию в Лунде по средневековым монетам. В год выхода “Исследований по развитому неолиту” она поступила на работу в королевский Мюнцкабинет и через 9 лет стала его директором, с 1979 г. – профессором Стокгольмского университета. Её монографии по монетам времени викингов стали очень известны и влиятельны. По её популярной книжке “Монеты и люди” молодые шведы получают представление о нумизматике в те же годы, когда о современных функциях монет узнают скорее из популярной песенки группы АББА. В 2002 г., когда вышла последняя монография Матса Мальмера, Брита Мальмер получила медаль Монтелиуса.

В недавней переписке я задал Брите Мальмер вопрос, не повлияло ли на формирование взглядов Матса Мальмера сотрудничество с таким выдающимся нумизматом – ведь его тяга к точности, к чётким дефинициям, математическим подсчётам очень напоминает параметры нумизматики. Брита ответила мне (цитирую с её разрешения):

“Это Матс открыл мне новый мир научных возможностей, определённо не наоборот. Но Матс интересовался нумизматикой тоже, как и всеми дисциплинами, близкими к археологии. А свой интерес к математике он получил от отца, который был дома даровитым математиком, хотя и не профессиональным” (письмо от 24 июля 2009 г.).

И позже добавила:

“Когда я встретила Матса в 1947 г., я ничего не знала о нумизматике. А Матс знал. Он незадолго до того проводил археологические раскопки лепрозория с церковью и церковным погостом XIII-XIV в. в Охусе в Восточной Сконе. Там было найдено множество монет, средневековые датские монеты без надписей, очень трудные для определения. Но Матс был уже специалистом. Так что в нумизматике это я была под влиянием Матса, а не наоборот” (письмо от 28 июля 2009 г.).

Всё это, несомненно, так и было, но несомненно также, что постоянное присутствие рядом друга-соратника с нумизматическими интересами побуждало Матса Мальмера думать над проблемами нумизматики, быть в курсе нумизматических дискуссий – и вот же одна из первых больших книг Мальмера имеет главной темой золотые брактеаты. Она посвящена Брите. Насколько вообще нумизматическая научная традиция сказывается на археологических взглядах Мальмера?

Нумизматика выделилась раньше как отдельная наука. В ней раньше появились некоторые важные идеи, формировавшие облик археологии. Уже в середине XIX в. Джон Эванс продемонстрировал градацию изображений, точнее – деградацию: реалистические изображения на античных монетах постепенно теряли опознаваемость на варварских подражаниях и превращались в бессмысленные наборы знаков. Идея градации фибул и других вещей лишь в 70-е годы была введена в археологию Гильдебрандом (сыном нумизмата) и Монтелиусом. Они же стали первыми в археологии употреблять термин *тип*, но до того этот термин уже употреблялся по прямому значению в нумизматике “тип” как ‘чеканка’, ср. “типография”). Характерно, что градационно-типологический метод Монтелиуса стал одним из основных сюжетов теоретико-методологических размышлений Мальмера.

В целом, именно нумизматика с её (естественной для работы с монетами) математической точностью подсчётов, списков, каталогов и формулировок, со стандартами чеканки могла повлиять на формирование научного стиля Мальмера, а тем самым – на принципы его методологической концепции.

5. Упущенные лавры. Когда просматриваешь жизненный путь и колоссальный вклад Мальмера в науку, когда резюмируешь его итоги, не оставляет впечатление проигранной войны. Ну, может быть, война и не проиграна, но лавры победителя точно упу-

щены. В самом деле, столько вложено труда, изобретательности и эрудиции, написаны огромные монографии, внедрены блестящие методологические открытия, переворачивающие весь уклад археологии, создана именно новая археология, и всё это проделано за десятилетие до англичан и американцев. Но ни Мальмер, ни Гарден не числятся основоположниками Новой Археологии. Честь эта принадлежит Люису Бинфорду и Дэвиду Кларку. В сущности, творчество Мальмера и Гардена есть новая археология до Новой Археологии. Почему же она не признана таковой?

Я задавал и этот вопрос Брите Мальмер. Она отвечала, что, по её мнению, виной языковой барьер.

Действительно, сразу же приходит на ум общая несправедливость распределения благ и внимания в современной науке. Замечается только то, что сделано в Англии и Америке, только то, что выполнено на английском языке. Хочешь, чтобы о тебе заговорили в мировой науке, чтобы твоё открытие широко обсуждалось, пиши на английском. Добейся публикации в англоязычном журнале, дождись перевода твоих трудов на английский и печатания в престижном американском издании. Английское или американское – значит международное. Более того, под американским понимается выполненное в США. Мексиканское или, скажем, костариканское – уже не американское.

Это положение вызвало протестное движение среди молодых археологов малых стран, особенно скандинавских, своеобразный археологический антиглобализм.

В 1991 г. норвежец Бйорнар Ольсен напечатал статью “Метрополии и сателлиты в археологии: о власти и асимметрии в глобальных археологических исследованиях”. Он присоединился к представлению канадского археолога-марксиста Брюса Триггера об “империалистической археологии” XIX и XX веков. Триггер писал, что “природа археологических исследований сформирована в значительной степени ролями, которые те или иные национальные государства играют в экономической, политической

и культурной жизни как взаимозависимые части современной мировой системы” (Trigger 1984: 356).

Ольсен возмущённо спрашивает:

“Как это так, что конференции, посещаемые британскими и североамериканскими археологами, или доклады по юго-западной археологии [США], публикуемые в «Америкен Антиквити», почему-то рассматриваются как «international» (международные) – тогда как конференции, посещаемые, скажем, норвежскими и шведскими археологами, – нет? И даже ещё загадочнее: почему последние принимают вклад первых как более «интернациональный», чем собственный? И второе, как это так, что археологи из большинства стран рассматривают границы своих стран как рубеж, определяющий, где копать, а представители из нескольких других стран – явно нет?” (Olsen 1991: 211).

Ольсен называет различаемые им группы стран “метрополиями” и “сателлитами”, а всю ситуацию определяет как “научный колониализм”. Он так конкретизирует свои положения:

“Быть кембриджским археологом, например, это очень своеобразный и конкретный способ быть в свете. Это способ владеть реальностью, языком и мышлением. Это делает возможным некий стиль, которые непонятен без или вне своего размещения относительно институционально унаследованной интеллектуальной или политической силы... Учитывая эту перспективу, размещение автора этой статьи хорошо объясняет, почему тема гегемонии выдвинута мною, а не кем-либо из моих английских или североамериканских коллег” (Olsen 1991: 212).

Ольсен приводит гордое заявление Ренфру в его инаугурационной лекции в Кембридже о том, что выпускники Кембриджа занимают руководящие посты в университетах по всему миру. “Археологи вне метрополий, – добавляет Ольсен, – всегда кажутся зафиксированными в состоянии вторичности, всегда их должны оценивать, судить и рецензировать по стандартам метрополий с точки зрения развитости или стагнации” (Olsen 1991: 216). Чтобы тебя прочли во всём мире, нужно напечататься на английском

языке и притом в известном британском или американском издательстве. Иначе ты пишешь для небольшой горстки археологов своей страны и местных любителей.

Он считает это положение нетерпимым и требующим изменения, поскольку, с его точки зрения, это неравенство археологов является не только отражением экономического и социального неравенства, но и средством укрепления и репродуцирования этих отношений.

Как археолог из России я мог бы очень заинтересованно присоединиться к этим констатациям.

Пока существовал Советский Союз и отделённый железным занавесом социалистический лагерь, советские археологи могли не обращать внимание на то, что их наука изолирована от мировой. Большинству это казалось нормальным, хотя и тогда отдельные археологи (я в том числе) стремились преодолеть эту замкнутость. Русский язык был языком общения для всего соцлагеря.

Но с тех пор, как занавес рухнул, идейное и материальное богатство тамошнего мира, реализуемое на английском языке, стало очевидным для всех, хотя и для них незнание нашей археологии всё больше ощущалось как печальное наследие раскола мира. Раскол на два лагеря тает, но в археологии (и не только в ней) разделение на “метрополию” и “сателлиты” растёт. На русском языке выходит всего несколько археологических журналов (“Российская археология”, новосибирский журнал да “Стратум-plus”) и несколько серийных изданий. На английском языке – сотни журналов только в Англии и Америке, а ещё в Канаде, Австралии, Южной Африке, Индии, где это государственный язык, и десятки изданий в малых странах Европы. В них невыгодно издавать профессиональные журналы на отечественном языке, потому что их прочтёт всего сотня специалистов, а на английском они сразу же доступны всем специалистам мира. Самолюбивое ворчание “Хотят изучать русскую археологию – пусть изучают русский язык!” смешно: изучать нужно археологию всех стран, а все языки не

изучишь, и в первую очередь будут изучать те языки, на которых больше литературы. Это, увы, не русский.

В том же положении оказываются ныне и немцы, и французы, не говоря уже о поляках, норвежцах и, по словам Маяковского, “разных прочих шведах”.

Увы, всегда были ведущие страны и страны периферийные. Были великими державами и Австрия, и Испания, и Дания, и Франция, и Швеция, и Россия/СССР. Ведущие языки сменяли друг друга – то это была латынь, то немецкий, французский, теперь английский. На каких-то территориях – арабский, испанский и русский. Какой будет в будущем, трудно сказать. Возможно, японский или китайский.

На мой взгляд, сейчас есть только один путь преодоления собственной периферийности – овладевать английским, пробиваться в печать в англоязычные издания и так развивать археологию собственной страны, чтобы она была захватывающе интересна для всего мира, и так ввязываться в полемику на общемировые темы, чтобы с этим считались все. В эпоху, когда Швеция и Дания уже не были великими державами, Монтелиус и Софус Мюллер стали общепризнанными лидерами мировой археологии. Когда французский язык уже не был ведущим, методику Борда применяли во всем мире. Нужно быть мастером своего дела и считаться с мировыми реалиями, а не игнорировать их.

Загвоздка, однако, в том, что Мальмер-то как раз издавал свои главные труды на ведущих языках Европы и мира! Его самый большой труд “Исследования по развитому неолиту” издан на немецком. Правда, Брита Мальмер считает, что нужно было издавать на английском:

“Слишком поздно Матс осознал, что в это время немецкий был уже неподходящим языком для Западной Европы. Даже сегодня очень мало кто из ученых в США и Западной Европе, включая Швецию, знает немецкий. Они просто не могут читать главный труд Матса, даже если бы хотели. В Швеции, я думаю,

меньше 1 процента всех студентов в университетах способны прочесть хоть несколько строк на немецком. Но они очень хорошо разбираются в английском” (письмо от 28 июля 2009 г.).

Но ведь вторая монография Мальмера, вышедшая на год позже, – “Методологические проблемы” должна была оказаться доступной. Она, правда, на шведском, но с огромным английским резюме. “Хорологическое исследование” петроглифов и другие монографии – на английском. Многие статьи тоже.

Значит, причина его неприятия – не в языковом барьере, а в чём-то ином. Возможно, в каких-то просчётах его работы, в каких-то особенностях его концепции. Выяснить это – важная и интересная задача.

6. Материал: норманны до норманнов? У русских археологов интерес к творчеству Мальмера особый. Разумеется, нам интересен Мальмер как теоретик археологии, как преобразователь методического аппарата археологии. Но для России Мальмер важен ещё и как исследователь материала культур, тесно связанных с культурами России.

Правда, не найдено в России средневековых лепрозориев, хотя проказа поражала и русских, а коль скоро прокажённых опасались, существовали, вероятно, и какие-то резервации для них.

Золотые брактеаты, которыми Мальмер занимался в одной из монографий, в России практически не представлены, хотя античная нумизматика в целом изучается и в России на её богатых материалах. Но брактеаты – это лишь один из сюжетов этой книги. В ней идёт речь также о фибулах, различающих тевтонов и готов, а готы хорошо представлены на нашей территории, и споры о них в российско-украинской археологии заняли весь XX век. Идёт в ней речь также о рунических камнях – они также попадают и на нашей территории. Разбирается в ней и вендельский стиль орнаментации, а вендельский период – это период, предшествующий

времени викингов в Скандинавии, т.е. это время созревания и подготовки норманнской экспансии, которая серьёзно задела и нашу страну, дав нам Рюриковичей и варягов (см. Клейн 2009в). Что собой представляли норманны до времени викингов, так сказать, норманны до норманнов, нам чрезвычайно интересно. Этому посвящена специальная монография Г.С.Лебедева (1985/2005).

Всё остальное находит близкие аналогии в российской археологии. Неолитическое свайное поселение Модлона и другие раскопаны в российских торфяниках, и опыт раскопок Мальмера в Альвастре чрезвычайно интересен для русских археологов. Культура ямочной керамики, исследованная Мальмером в Швеции, – это ближайшая родственница культуры ямочно-гребенчатой керамики лесной полосы Европейской части России.

Петроглифы широко представлены не только в смежных со Швецией областях – в Карелии, на русском Севере, но и в отдалённых областях России – в Южной Сибири, а также в смежной Средней Азии, где их также интенсивно изучали российские археологи. Эти петроглифы очень близко схожи со скандинавскими – те же мотивы, те же стили, та же техника нанесения. Есть и отличия, но сходство очень уж близкое, чтобы его можно было обойти. Какое-то объяснение требуется.

Но особенно интересным (по крайней мере, для меня) оказывается материал, которому Мальмер посвятил свою первую и самую крупную монографию – “Исследования по развитому неолиту”, а также другие статьи и книги. Это культура боевого топора и шнуровой керамики Швеции и Норвегии. Культуры боевого топора распространены почти по всей Европе – они есть в Германии, Дании, Голландии, Польше, Австрии, Чехии, Прибалтике, России – от Верхнего Поволжья до Северного Кавказа, на Украине.

Культуры эти группируются по своим особенностям в несколько блоков (Klejn 1969). В центре Европы располагаются *амфорные культуры* – в их керамике выделяются две отчетли-

вые группы: кубки и амфоры. В Ютландии и полосой на восток и юго-восток располагаются *кубковые культуры* – здесь амфоры отсутствуют. Различаются эти две группы и по типам каменных боевых топоров. Это всё курганные культуры. Скандинавию и Верхнее Поволжье занимают бескурганные *культуры ладьевидного топора*. В степях Украины и России распространены *степные культуры* с боевым топором и шнуровой керамикой, но резко отличных типов. Отличаются они от других культур боевого топора и по обряду погребения: в тех разнополюе покойники чётко различались способом погребения (клялись с противоположной ориентировкой и не на одном и том же боку), в этих – погребались одинаково.

Так вот существенно, что культура боевого топора Швеции и Норвегии и фатьяновская культура Верхнего Поволжья (с заходом в Среднее) принадлежат к одному блоку – *культур ладьевидного топора*. Они близко родственны. Обе бескурганные, погребения в обеих скорченные на боку, женщины – головой на север или северо-восток на левом боку, мужчины – на юг или юго-запад, на правом боку, те и другие – лицом к востоку; схожи топоры обеих культур, боевые (рис. 3-5) и рабочие, схожа керамика – со шнуровым геометрическим орнаментом.

Более того, в керамике шведско-норвежской культуры боевого топора Мальмер прослеживает динамику. Ранние сосуды похожи на датскую керамику культуры одиночных погребений, плоскодонную. В течение существования культуры воронковидных кубков, а потом – шведско-норвежской культуры сосуды все уменьшали диаметр донца, пока оно не стало совсем крохотным (рис. 6-8). Мальмер его называет *дими́нутивным* (уменьшенным), а на некоторых сосудах оно просто сошло на нет – на круглом дне просто остался венчик лучевого орнамента от придонного орнамента плоскодонных сосудов (рис. 9-10). Дальнейшее развитие (при чем не самых поздних стадий) представлено в фатьяновской посуде (рис. 11). Там керамика большей частью бомбовидная: ша­рообразная и с круглым дном, но есть и дими́нутивное донышко.

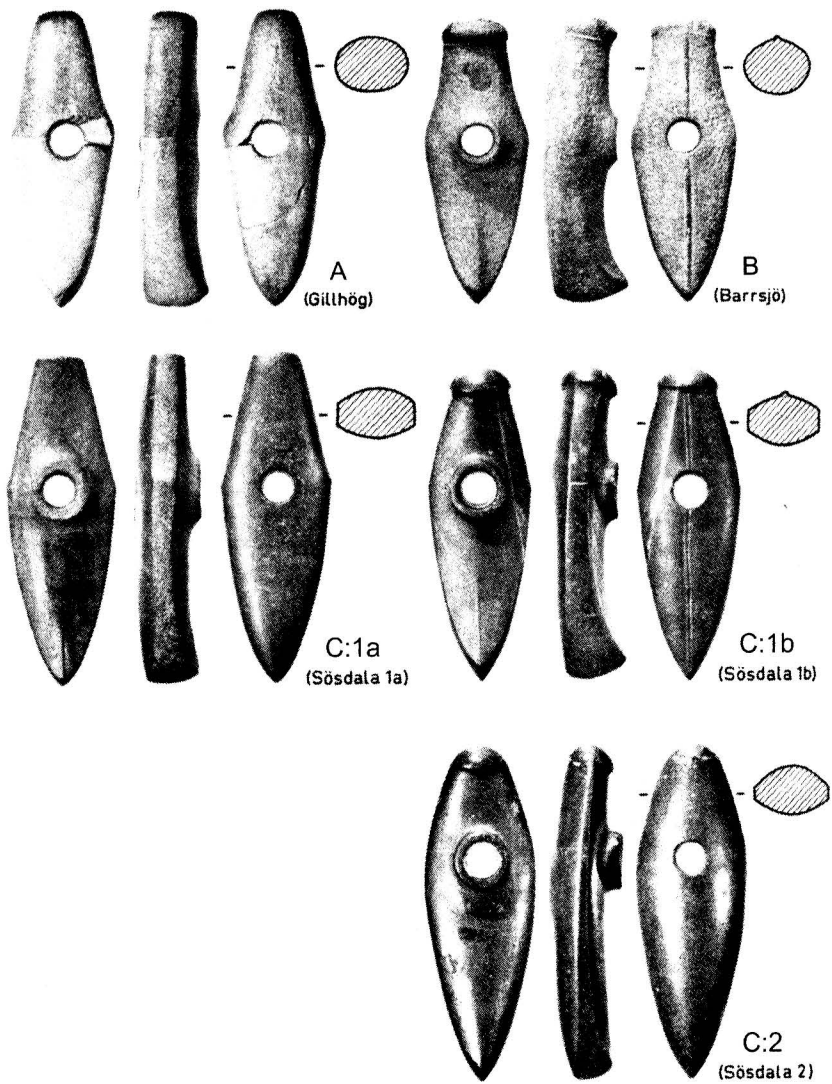

Рис. 3. Боевые топоры шведско-норвежской культуры боевого топора, группы А, В и С (Malmer 1962, Abb. 110).

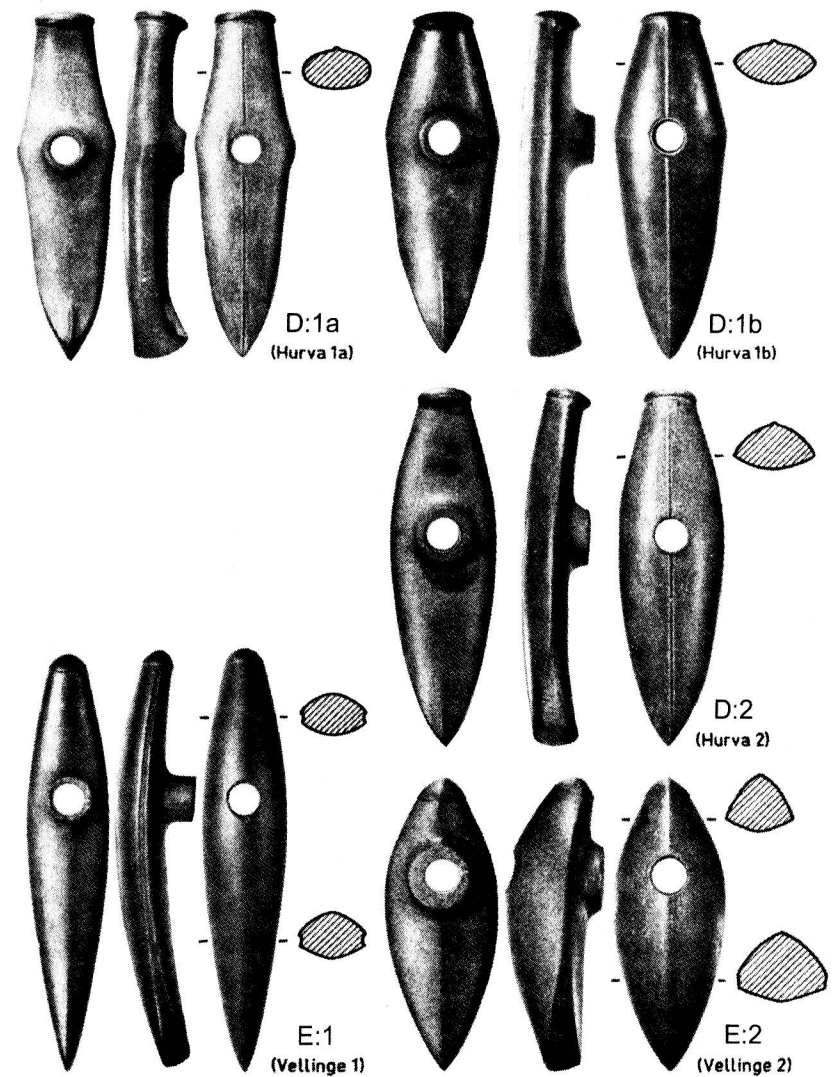

Рис. 4. Боевые топоры шведско-норвежской культуры боевого топора, группы D и E (Malmer 1962, Abb. 111).

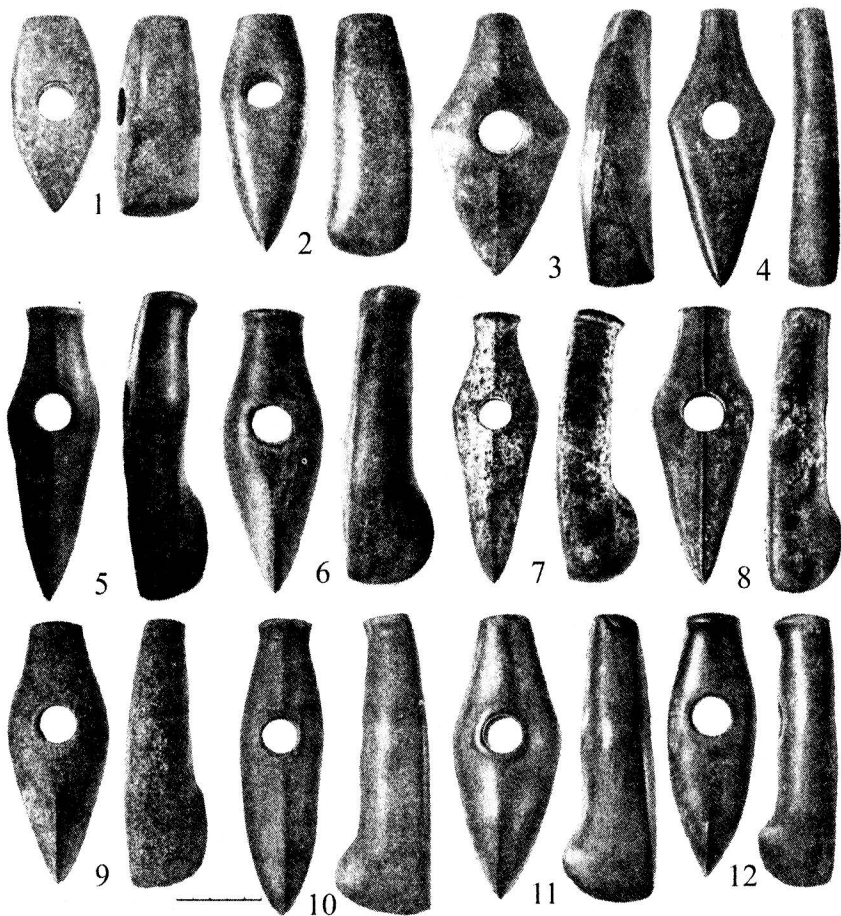

Рис. 5. Боевые топоры фатьяновской культуры Верхнего Поволжья (Крайнов 1972, рис. 23).

Рис. 6. Сосуд шведско-норвежской культуры боевого топора (Malmer 1962, Abb. 27).

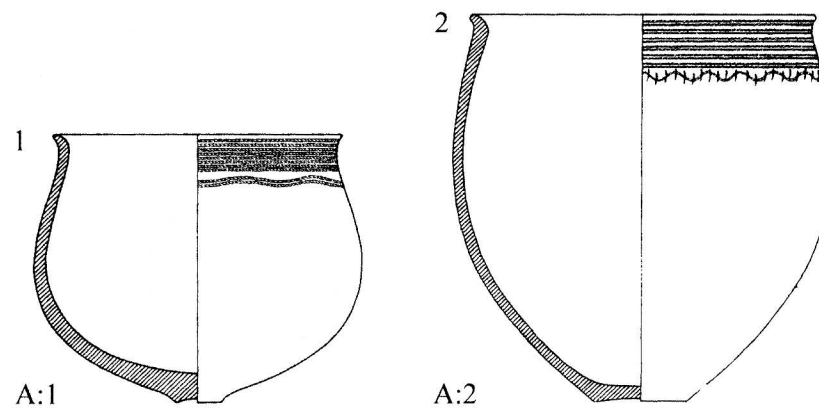

Рис. 7. Керамика шведско-норвежской культуры боевого топора, группа А (Malmer 1962, Abb. 1).

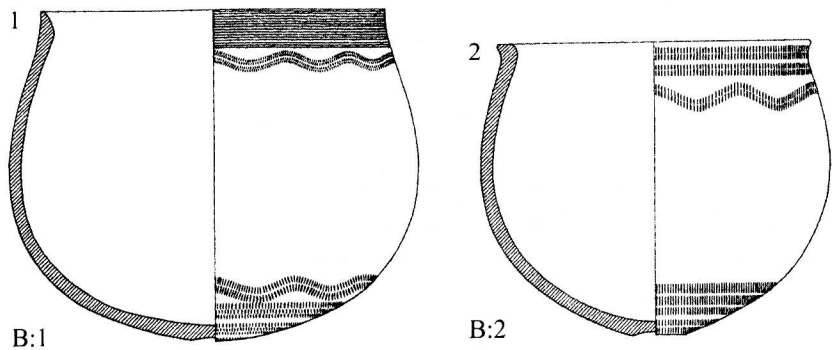

Рис. 8. Керамика шведско-норвежской культуры боевого топора, группа В (Malmer 1962, Abb. 2).

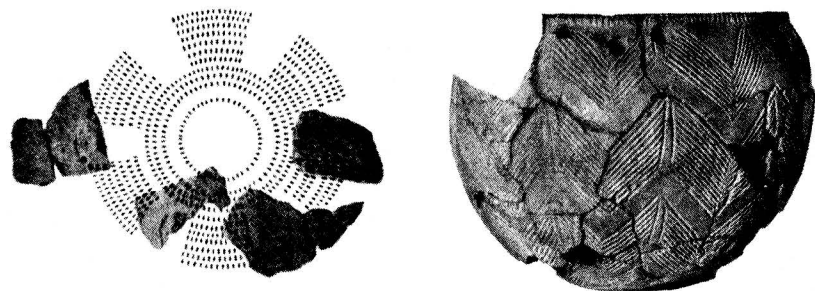

Рис. 9. Керамика шведско-норвежской культуры боевого топора, группа В:1 – сосуд с рисованным доньшком (Malmer 1962, Abb. 3).

Рис. 10. Керамика шведско-норвежской культуры боевого топора, группа G – сосуд с рисованным доньшком (Malmer 1962, Abb. 34).

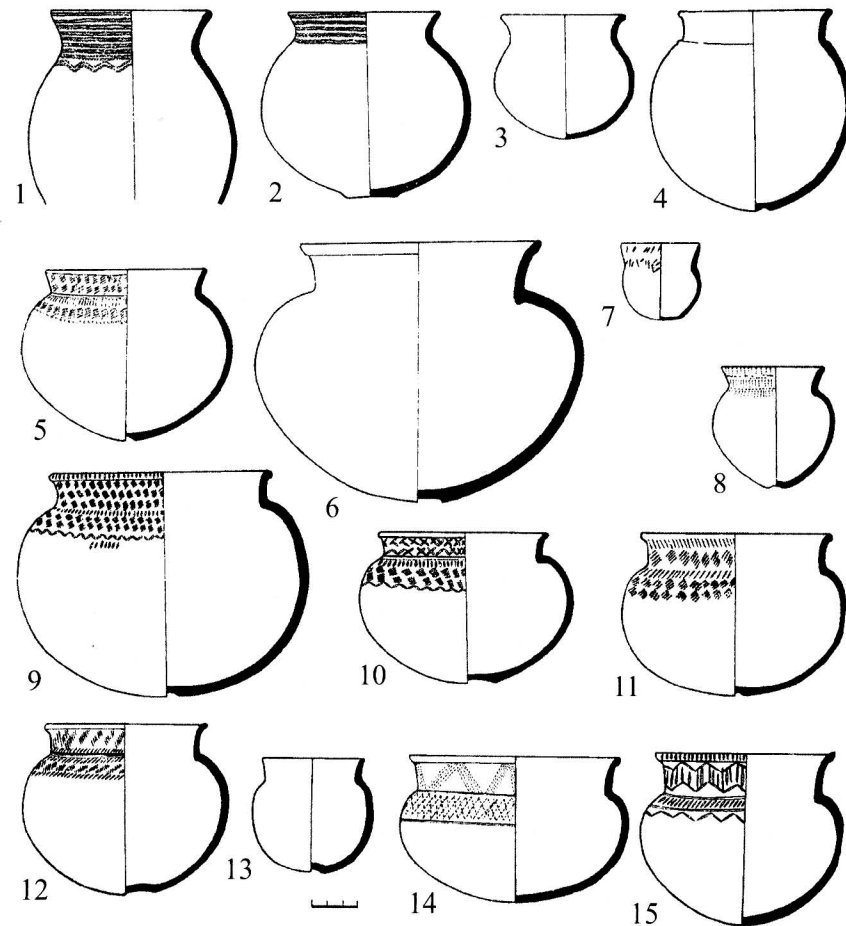

Рис. 11. Основные типы фатьяновских сосудов (Крайнов 1973, рис. 38).

Есть и отличие: у многих фатьяновских сосудов выделена невысокая шейка.

Таким образом, по-видимому, фатьяновская культура в ядре своём является продолжением некой ранней стадии скандинавской культуры ладьевидного топора. В Верхнем Поволжье она явно пришлая, её носители и антропологически резко отличаются от старого местного населения (ямочно-гребенчатой керамики). Но до сих пор наши исследователи выводили её то из Среднего Поднепровья (из среднеднепровской культуры шнуровой керамики), то из прибалтийской культуры. Она и получается из Прибалтики, только не из Восточной, где сейчас три прибалтийские республики, а из Северо-Западной – где ныне Швеция. Неужто это и впрямь норманны до норманнов – на две-три тысячи лет раньше викингов?

Я пытался трактовать фатьяновскую культуру как тохарскую (Клейн 2000), но от этого пришлось отказаться (Клейн 2010). А вот скандинавско-германское происхождение фатьяновской культуры – вполне реалистичная гипотеза. Ведь северо-германская атрибуция шведско-норвежской культуры боевого топора очень вероятна, так как других вторжений в Скандинавию с тех пор не было. Соответственно нужно проверить на эту атрибуцию и фатьяновскую культуру (топонимикой и антропологическими анализами). Это может очень продвинуть поиски индоевропейской прародины.

Вот какие соображения рождает материал, исследованный Мальмером. Так что для нас Мальмер – это не только новая археология до Новой Археологии, но и, возможно, норманны до норманнов. Словом, изучая Мальмера, мы ищем истоки некоторых явлений, с которыми связаны важные проблемы.

II. Труд и борьба Мальмера

1. Принципы “Исследований по развитому неолиту”. Одним из крупнейших событий XX в. в теоретической археологии было появление капитального труда Мальмера (1962 г.) и серии других работ (1963-1967). Кроме предложенного Мальмером решения конкретных вопросов первобытной истории – происхождения культур, их взаимодействия со средой, их экономики, кроме выбора между несколькими общими концепциями, в этих трудах археологи увидели Мальмера как теоретика и методолога. В них этот шведский учёный предложил, теоретически обосновал и применил к различным материалам (сначала к культуре боевого топора, затем к художественным изделиям железного века, ещё позже к петроглифам) новую систему методов археологического исследования. И начал за них борьбу.

Его первая статья с изложением некоторых разделов новой методики появилась ещё в 1957 г. (“Применение понятия плиона в изучении преисторического процесса инновации”), она была напечатана на шведском языке (Malmer 1957) и, вероятно, поэтому прошла незамеченной.

Полную систематическую разработку своих теоретических взглядов и своей методики и её испытание на изучение шведско-норвежской культуры боевого топора Мальмер изложил в капитальном труде “Исследования по развитому неолиту” (*Jungneolithische Studien*, далее сокращенно JS), выполненном в 1956-58 г., но изданном только в 1962 г. на немецком языке (Malmer 1962). Этот труд и открыл широкую дискуссию. Название трудно точно перевести на русский язык: *Jungneolithikum* (буквальный перевод *младший неолит* в русской литературе не употребителен) обычно переводится как *поздний неолит*, но Мальмер противопоставляет его не только *раннему неолиту* (*Altneolithikum*), но и

позднему неолиту (*Spätneolithikum*), входящему в него в качестве последнего этапа.

Но всех археологов, вне зависимости от специализации, должно привлечь теоретико-методическое содержание тома. В нём очень детально разработаны общеархеологические проблемы типологии и в духе рационализма выдвинуты требования точности и количественной определенности исследований. Мальмер со всем пылом выступает против того, что он именует археологическим “импрессионизмом”.

Как уже сказано, на следующий год Мальмер дополнил этот труд ещё одной книгой – “Методологические проблемы в истории искусства железного века” (Malmer 1963b, далее в ссылках сокращённо МР). В ней рассматривается эволюция брактеатов как художественных изделий, а также других произведений искусства – от фибул до плетеночного орнамента на рунических камнях (рис. 12). В обеих его частях (шведской и английской) вновь систематически изложены основные принципы учения Мальмера. Судя по названию, методические проблемы здесь вышли на первый план, оттеснив эволюцию и распространение типов брактеатов на второй, но на деле основные методические нововведения были разработаны именно в первом томе – в исследованиях по развитому неолиту.

Неолитические культуры боевого топора и позже оставались в центре его интересов. В 1975 г. он опубликовал на шведском обобщающую книгу “Культуры боевого топора в Швеции и Норвегии” (Malmer 1975). Ещё позже вышел его труд по петроглифам (Malmer 1981).

2. Дискуссия. Выступление Мальмера породило дискуссию, вызвав у одних бурные восторги, у других – язвительный скепсис, у – третьих весьма смешанные чувства и нелёгкие раздумья.

Г.Христиансон (Christianson 1968: 41) в “Шведской археологической библиографии”, беспристрастно аннотируя книгу

Мальмера, отмечает лишь, что это “один из наиболее пространных археологических трудов, доселе опубликованных” (действительно, в нём без малого тысяча страниц текста). Один из рецен-

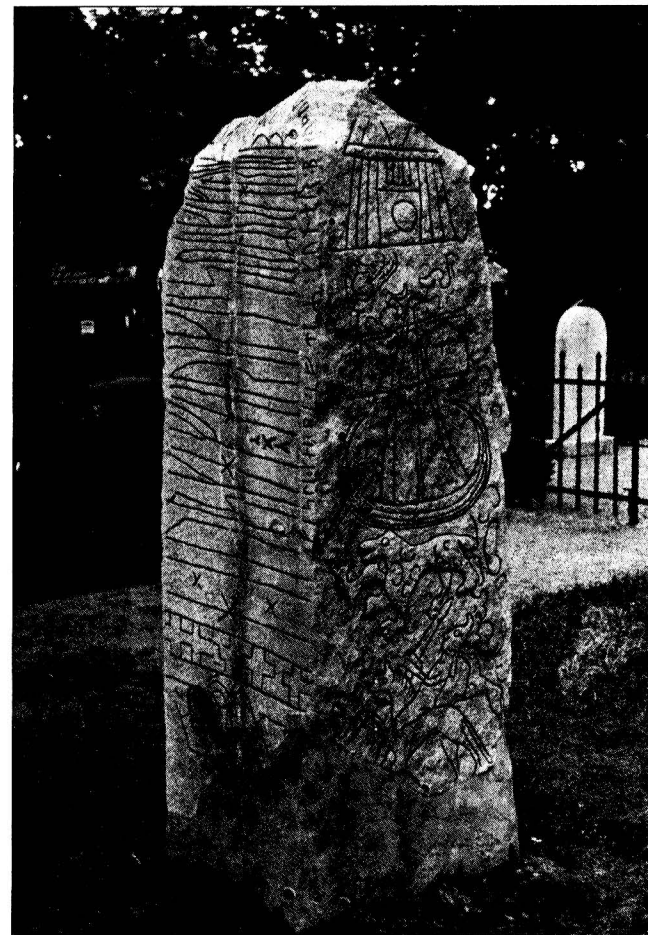

Рис. 12. Камень с рунической надписью во дворе музея (Malmer 1963b, fig. 14).

зентов (С.Э.Томас, журнал “Антикуити” – Thomas 1964: 234-236) характеризует труд Мальмера как “фундаментальный пересмотр типологического и статистического методов” и полагает, что этот труд, подобно тому, как это было в прошлом веке с работой Софуса Мюллера, начнет “новую фазу в преисторической археологии”.

“Его типологически-статистический метод, – пишет другой рецензент (нумизмат Р.Бергхаус из Гамбурга), – ...в своей всеобъемлющей точности не имеет предшественников” (Berghaus 1966: 670). Ещё один гамбургский рецензент – археолог Г.Польгаузен находит, что труд Мальмера “по методике, пожалуй, наверняка будет означать веку в истории преисторической науки”. Он считает, что “Мальмеру удалось создать в своём методе описания и анализа преисторического материала чрезвычайно ценный и удобный инструмент. В этой книге Мальмера означает необходимый и крупный прогресс в развитии нашей науки”. В то же время, по мнению рецензента, неудачей Мальмера является “отчасти катастрофическое применение самого по себе выдающегося метода”, ибо Мальмер везде “находит ... уловку, как простые и ясные свидетельства материала обойти или перекрутить, если материал противоречит его предвзятому мнению” (Pohlhausen 1963: 67, 73, 76).

Несколько дальше пошёл К.-Ф.Мейнандер, который отмечает, что у Мальмера “аргументация монументальна в своей односторонности” (Meinander 1964), что же касается метода, то “применимость новых методов испытывается на проверке результатов, которые этими методами достигаются”, а результаты “вызывают сомнения” (Meinander 1965: 81).

Первый отзыв австрийского археолога Р.Питтиони был ещё суровее: “Так просто, даже почти примитивно, феномен культуры боевого топора вряд ли можно разрешить, даже если с невероятной педантичностью в мелочах, как это делает автор, уверовать, что создал факты для учёной гипотезы. Я поэтому не решаюсь со-

ставить суждение, движет гипотеза Мальмера науку вперед или нет, мне кажется, что скорее другие аспекты в преисторической науке заслуживают предпочтения” (Pittioni 1963: 88-89). Впрочем, после появления второй книги Мальмера Питтиони несколько повысил свою оценку, признав, что во всяком случае “наука ... вряд ли может пройти мимо выводов автора” (Pittioni 1965: 128).

Тем не менее, крупнейшие археологические журналы мира “прошли мимо”, промолчали. Ничем своевременно не отозвались “Германия”, “Прехисторише Цейтшрифт”, “Святовит”, “Американ Журнал оф археолоджи”, “Советская археология” и прочие; “Археологице розхледы”, “Ль’Антроположи” и некоторые другие поместили лишь краткие аннотации. В энциклопедии “Великие археологи” кембриджский археолог Мария Луиза Стиг Сёренсен пишет: “Работа Мальмера в археологической методологии явно имеет много общего с Новой Археологией. Это общепризнано, хотя его работа не используется так интенсивно, как она того заслуживает, и её значение международно признано лишь небольшим кругом теоретиков, таких как Лев Клейн” (Sørensen 1999: 784). Сёренсен защищает все его выводы.

Сам Мальмер отстаивал и пропагандировал своё учение со страстью и неутомимостью, постоянно добиваясь перевеса в спорах со своими оппонентами, по крайней мере, в защите методов (в какой мере это объясняется совершенством методов, в какой – слабостью предъявлявшихся теоретических контраргументов, предстоит выяснить). Не ограничившись вескими томами, он принял участие в дискуссии.

Кратко он изложил свои выводы в 1965 г. в немецком журнале “Хелиниум” в виде статьи “Главные тезисы Исследований по развитому неолиту” (Malmer 1965a). Собственно, это явилось ответом на рецензию К.-Ф.Мейнандера в том же журнале. Верный правилу не оставлять без ответного удара ни одного развёрнутого критического выступления, Мальмер опубликовал ещё два ответа на рецензии: один – тому же Мейнандеру и под тем же названием,

но в финском журнале на шведском языке (Malmer 1964), другой – немцу Р.Польгаузену в Сообщениях Исторического музея Лундского Университета на немецком языке; ответ назван: “Метод и результат” (Malmer 1965b). В этих ответах Мальмер продолжает воевать с главным противником своего рационалистического учения – археологическим “импрессионизмом”.

Отвечая своему рецензенту Польгаузену, Мальмер выразил надежду, что это ему пришлось в последний раз взяться за перо в данной связи: “в будущем пусть «Исследования по развитому неолиту» сами за себя говорят” (Malmer 1965b: 200).

Его гордые слова вполне оправданы: “Исследования по развитому неолиту” сами за себя говорят и будут говорить. Но говорить они будут не всем и не по всем вопросам. И самому Мальмеру ещё не раз пришлось взяться за перо.

Для характеристики постепенного поворота Мальмера лицом к другому противнику (Мальмер называет его “эмпиризмом”) интересны две небольшие статьи Мальмера: “Эмпиризм и рационализм в археологических исследованиях” (Malmer 1963a) – это выступление на симпозиуме 1962 г. по Каттегату и Скагерраку, и “Корреляция между дефинициями и интерпретациями в неолитических культурах в Северо-Западной Европе” (Malmer 1967) – это выступление на II Атлантическом коллоквиуме 1964 г.; первая статья – на шведском языке с английским резюме, вторая – на английском.

Вторая половина 60-х и 70-е годы проходили под знаком бурной активности Новой Археологии (процессуальной археологии) и её утверждения в ведущих западных странах. Мальмер начал движение к более научной археологии, но инициатива была перехвачена археологами, выступавшими с идеями другой научной методологии – неопозитивистской и постпозитивистской. Мальмер должен был продумать базу для своей конкуренции с этой массовой силой. Вначале он просто упирал на свою приверженность рационализму (Malmer 1962; 1963a; 1963b).

Позже он стал искать в своих методологических принципах проявление если не той же философии, то близкой – позитивизма. В первой половине 80 годов появилась его статья “Археологический позитивизм”, в которой своим скандинавским предшественником он называет Кристиана Томсена (Malmer 1984). С большим основанием мог бы назвать Софуса Мюллера и Монтелиуса. В 90 годы он называл и Ранке своим предшественником (Malmer 1997: 7). Словом, в это время он искал в ранних позитивистах своих предшественников и союзников.

Но в неопозитивизме и постпозитивизме он всё больше видел соперников и отмечал с удовлетворением, что эта философия (правда, он называл её просто позитивизмом) устарела ещё до своего внедрения в археологию и остро критикуется в английской и американской литературе (Malmer 1993b: 146). Он ищет более современную опору, обращаясь к философии реализма (Malmer 1993b: 147-148), о которой ещё будет речь.

3. Методические нововведения: изарифмы. Об изобретательности Мальмера в методике исследований, о новизне и важности вводимых им приёмов может дать представление следующий пример.

Мальмер довёл до высокой степени совершенства технику археологического картографирования и построения корреляционных полей, устранив из обоих субъективность определения средоточий, а из первого, кроме того, – и влияние такого искажающего фактора, как степень изученности территории.

В старину распространение тех или иных археологических явлений (типов, культур и т.п.) на картах обозначалось сплошной заливкой или штриховкой соответствующих территорий, или обведением этих территорий четкими границами. Границы проводились либо вокруг территории, наиболее густо занятой находками или памятниками данного типа, либо по крайним пунктам. Если на карту

наносились культуры, то в первом случае они обычно оказывались разделенными свободным пространством, во втором – их ареалы заходили друг на друга. Иногда границы между ними проводились посередине – тогда вся территория оказывалась разграниченной и распределённой, как на современной политической карте. Всё это делалось в основном на глазок и по субъективным впечатлениям.

Сходным образом на корреляционных полях (точнее, таблицах сопряжённости) заштриховывались клеточки, давшие сильное совпадение сопоставляемых факторов. Сила определялась на глазок.

Позже, чтобы устранить субъективизм, археологи перешли от заливки, штриховки и обводки к точечным картам (рис. 13) и таким же корреляционным полям. На карты наносятся все наход-

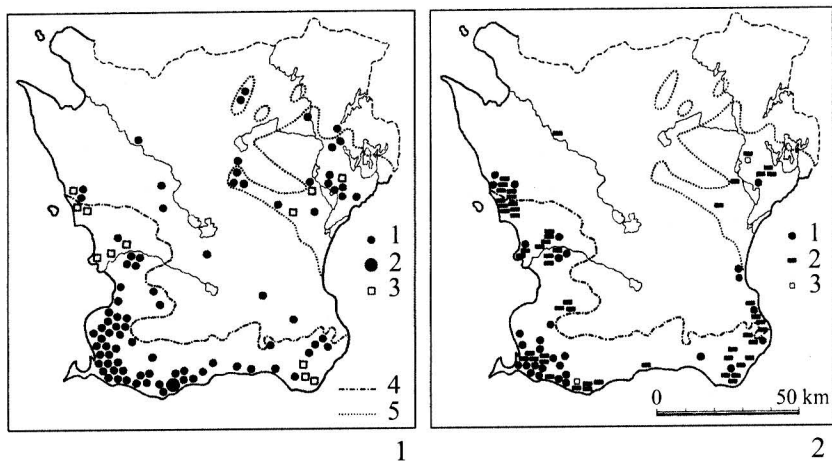

Рис. 13. Точечные карты распространения погребений шведско-норвежской культуры боевого топора (1) и более ранней культуры воронковидных кубков (2) в области Сконе (Швеция). На картах с юга отграничена территория южных морен, а с востока – известняков. На последней культура воронковидных кубков плохо представлена (Malmer 1962, Abb. 117-118).

ки или памятники данного типа, на корреляционные поля – все случаи совпадения тех или иных вариаций сопоставляемых факторов (“функции и аргументы”), и читателю самому предоставляется судить, насколько убедительно трактуется их распределение автор, проверять его выводы. Здесь контроль над субъективизмом больше, но всё же критерий проверки тоже остается субъективным: личные впечатления автора контролируются коллективными впечатлениями его коллег.

Для дальнейшего усиления объективности составители корреляционных полей перешли к цифровой формализации результатов (разнообразные расчеты коэффициентов сопряжённости, силы связей и т.п.), а к картографированию этот приём у нас давно применил А.В.Арциховский (1937). Эта техника обеспечивала объективность и высокую точность, но за счёт наглядности.

Мальмер, опираясь на методику лундской географической школы, предложил другой путь – графический: построение *изарифмических* карт и диаграмм.

Этот приём заключается в следующем. На карту или корреляционное поле налагается равномерная произвольно выбранная, но достаточно подходящая к случаю (не слишком густая и не слишком редкая) сеть ячеек, и затем вычерчиваются *изарифмы* – линии, соединяющие клетки (или ячейки) сети с одинаковыми количествами оказавшихся в этих клетках точечных обозначений, через определенные (опять же произвольно выбранные, но подходящие к случаю) интервалы. Вычерчивая эти линии, Мальмер применяет обычно технику интерполяции и генерализации кривых. Остаётся только образовавшиеся зоны заштриховать или закрасить с убывающей интенсивностью от наибольшей густоты (соответственно от наиболее высоких количественных значений) к наименьшей, чтобы получить достаточно точное, объективное и очень наглядное распределение данного феномена на карте или данного сочетания на корреляционном поле со многими нюансами и градациями.

Сам по себе этот приём ещё до Мальмера ввели в археологию польские исследователи (Jamka 1949; см. дискуссию об этом методе в *Archeologia Polski* IX, 2, 1964: 455-456, 464-466), что, по-видимому, осталось Мальмеру неизвестным, так что в этой части новой является лишь его техническая разработка. Следуя географам, он заменил решётку с квадратными ячейками сетью с гексагональными.

Для корреляционной диаграммы применена сеть-решётка с квадратными клетками (*каро*). Для карт же использована сеть с сотообразными гексагональными ячейками, каждая из которых охватывает территорию в 100 км². Эта круглая цифра облегчает расчёты, а гексагональность обеспечивает примерно равное удаление границ ячейки от центра, чем увеличивается правильность генерализации (рис. 14). Изарифмические карты выглядят, как привычные со школьной скамьи контурные карты рельефа (рис. 15-16).

Интервал между изарифмами определяется следующим образом. Вычисляется среднее цифровое значение объектов на ячейку (т.е. на 100 км²) для всей картируемой территории (обозначается буквой D – от слова *Dichte* ('густота')). Соответствующая этому значению средняя изарифма проводится жирной линией, а цифра является исходной при расчетах других изарифм – интервалы отсчитываются путем последовательного удвоения (в одну сторону) и деления на двое (в другую):

... D/4, D/2, D, 2D, 4D ...

Область с превышением значений над средним значением (т.е. над D), очерченная жирной изарифмой и гуще заштрихованная, называется *плионом* (Pleion). Это применявшееся в климатологии понятие, введённое в 1952 г. лундским географом Т.Егерстрандом в культурную географию, было использовано Мальмером для археологического картографирования с 1957 г. и не совсем удачно раскрыто в его словарики как "позитивная аномалия". Оставшаяся за этой границей область более низких, чем среднее, значений,

называется *антиплионом* (*antipleion*) и раскрывается как "негативная аномалия". Внутри плионов и антиплионов имеется ещё ряд градаций. Это весьма чувствительный метод.

С помощью своей методики Мальмер сумел разработать корреляционными полями очень убедительную и дробную классификацию кремневых клиновидных топоров и долот – весьма немногословного материала (рис. 17). Этот раздел – один из лучших в его капитальном труде. Чуть позже изарифмы с гексагональными сетями стали пропагандировать Дэвид Кларк (Clarke 1968) и его ученик Ян Ходдер (Hodder 1978; Hodder and Orton 1976), ссылаясь на английских географов, но в археологии Мальмер был первым.

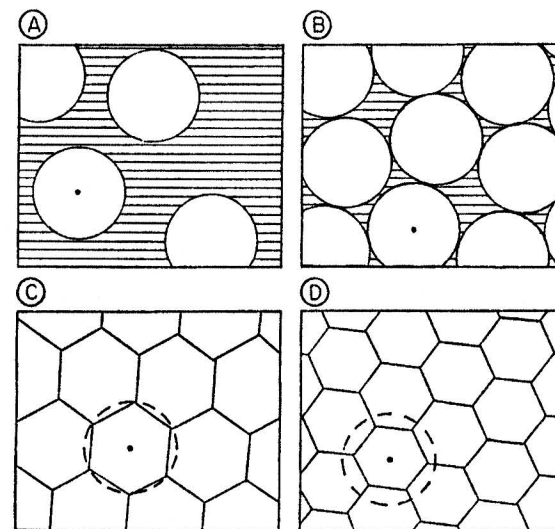

Рис. 14. Четыре схемы, показывающие как круги воздействия первых обитателей территории в случае сгущения населённости превратились бы в гексагоны – наиболее близкие к кругам многоугольники, с расстоянием от центра до крайних точек, наиболее близким к равному (по Лёшу, Clarke 1968, fig. 111).

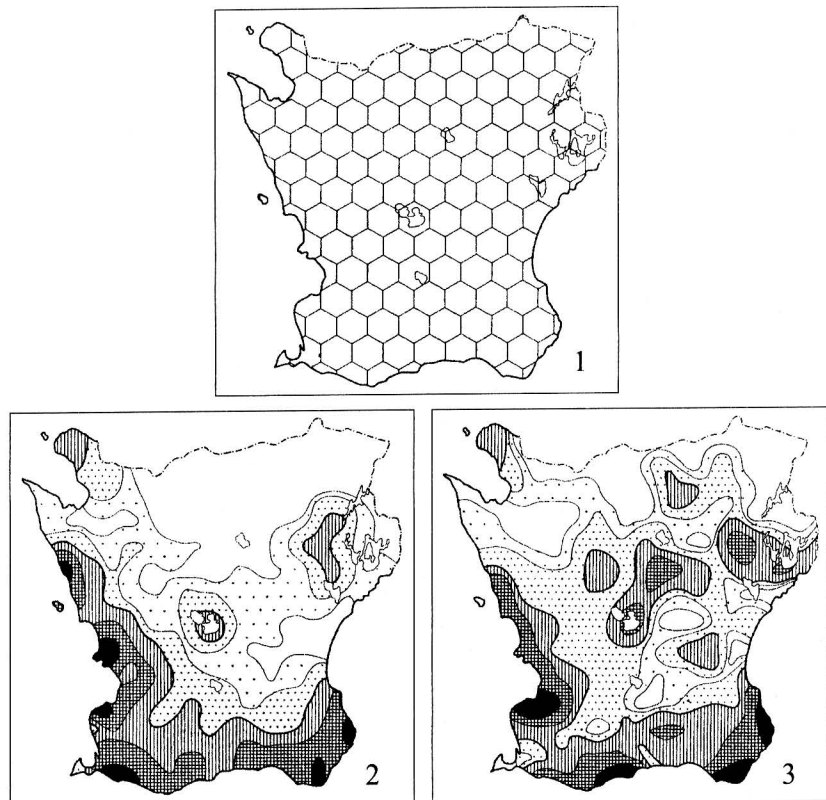

Рис. 15. Изготовление изарифмических карт. Карты области Сконе в Швеции: 1 – сеть гексагонов, наложенная Егерстрандом в работе 1952 г. на область Сконе как база для изарифмических карт; 2 – распространение тонкообушных плоских кремневых топоров культуры воронковидных кубков; 3 – распространение каменных боевых топоров культуры боевого топора (Malmer 1962, Abb. 119-121).

4. Методические нововведения: учёт изученности. В приложении к картографированию потребовалось ещё одно усовершенствование – устранение искажающего фактора различной

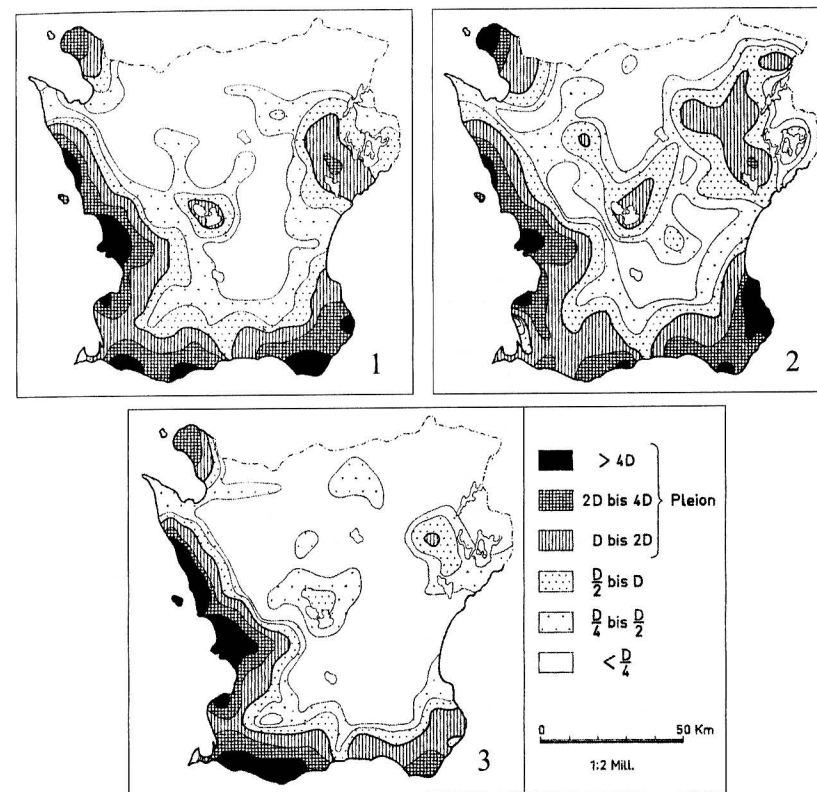

Рис. 16. Изарифмические карты распространения на той же территории неолитических артефактов. Верхние карты: левая – поздненеолитические кремнёвые кинжалы, правая – поздненеолитические каменные проушные топоры, нижняя – поздненеолитические кремнёвые серпы (Malmer 1962, Abb. 122-124).

изученности разных районов. Археологи обратили внимание на этот искажающий фактор особенно в послевоенное время, и наиболее чётко – немецкий археолог Г.-Ю.Эггерс (Eggers 1959). Его школа “археологической географии” (сгруппировавшаяся вокруг

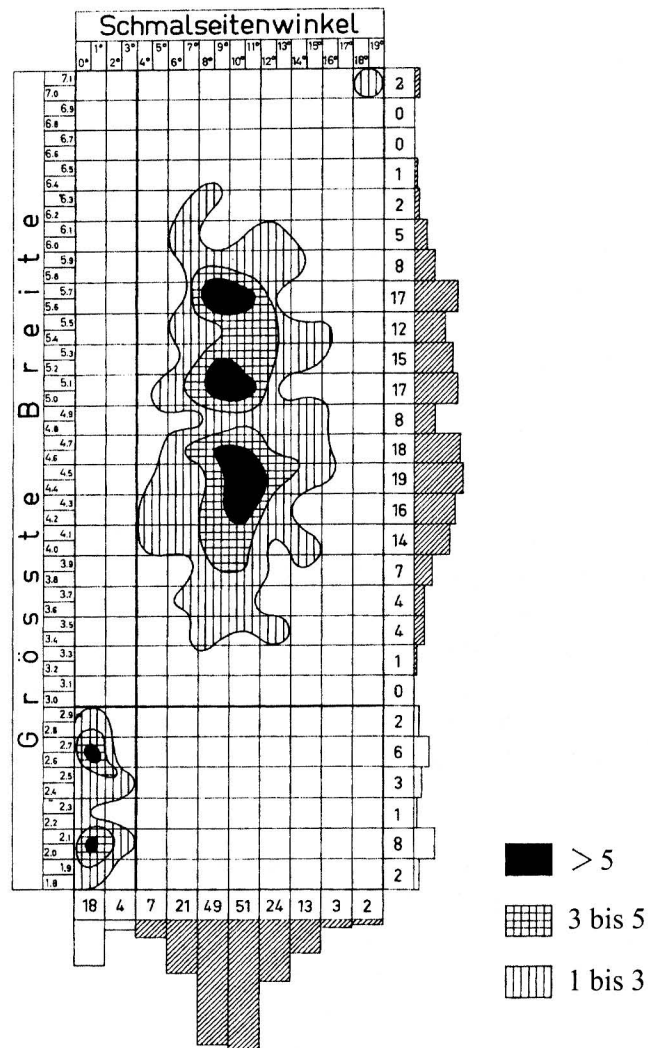

Рис. 17. Изарифмическое выражение корреляции наибольшей ширины и угла заострения (узких сторон) кремнёвых топоров и узких долот, найденных в бескурганых погребениях шведско-норвежской культуры боевых топоров (Malmer 1962, Abb. 83).

гамбургского журнала “Археология географика”) выдвинула требование внутренней критики источников для археологии. Этот призыв был подхвачен в Скандинавии (Kristiansen 1974; 1978; 1985) и в России (Клейн 1978). Но ещё раньше Мальмер разработал свою методику устранения этого искажающего фактора.

Густота пунктов на карте может отражать вовсе не действительное распределение интенсивности данного первобытного феномена, а лишь разную степень изученности различных районов. Это соображение стало особенно мучить археологов в последние десятилетия, когда достоверность нашего знания в целом и по частям была поставлена под вопрос модным течением гиперскептицизма. Некоторые исследователи стали закрывать пеленой пунктации неисследованные районы, оставляя белые просветы для размещения местонахождений. Другие налагают карты распространения находок на карты экспедиционных маршрутов и музейной активности. Всё это даёт лишь самую общую и грубую ориентировку, не обеспечивая ни точности, ни многостепенности сравнений. На базе изарифмических карт Мальмер сумел разработать более совершенный способ учёта фактора исследованности.

Способ заключается в том, что перед вычерчиванием изарифм цифровые значения в ячейках гексагональной сети на карте подвергаются существенному преобразованию: на место абсолютных значений ставятся относительные величины, предназначенные учесть зависимость количества пунктов внутри ячейки от степени изученности её территории. Какое отношение могло бы лечь в основу этой относительной величины? Логично было бы представить эту относительную величину как долю, которую картографируемые единицы составляют в общем количестве всех находок или памятников (или крупной их категории) внутри данной ячейки. Правда, это потребовало бы чрезвычайно громоздких подсчётов.

Учитывая, что конкретно картографированию в данных разделах труда Мальмера подверглись в основном случайные наход-

ки, исследователь сильно упростил задачу, взяв в качестве показателя изученности не общее количество находок или памятников данной местности, а количество пахотных земель в ней, поскольку именно пашни поставляют обычно основной контингент случайных находок (количество пахотных земель в общинах известно по земельному кадастру, а распределение по гексагональной сети было проведено Егерстрандом). Иными словами, вместо того чтобы непосредственно ввести в расчёты показатель изученности, Мальмер заменил его тесно связанной с ним величиной, отражающей степень изученности косвенно. Поскольку, однако, случайные находки все же не исключаются и на непахотных землях, исчисленная величина используется не как окончательное значение, а лишь как одно из исходных данных.

Чтобы получить окончательное значение, подсчитывается густота интересующих нас находок (количество картографируемых единиц на 100 км²) в данной ячейке (скажем, 30 топоров на 100 км²), затем так же подсчитывается вычисленная густота их применительно к количеству пахотных земель в ячейке (скажем, те же 30 топоров придутся уже на 601 км², что дало бы в пересчёте на 100 км² 50 топоров) и, наконец, берётся арифметическая средняя между ними ($\frac{30 + 50}{2} = 40$). Эта последняя, именуемая “средней густотой”, и принимается за окончательную величину, характеризующую относительное количество находок в данной ячейке. По этим цифрам вычисляются и вычерчиваются изарифмы, разделяются плионы и антиплионы и т.д.

Конечно, замена прямого показателя исследованности косвенным (точнее: одним из факторов, сказывающихся на степени изученности) весьма усиливает условность и приблизительность характеристик и карт. Видимо, применение прямого показателя исследованности более перспективно. Но и с косвенным показателем результаты должны считаться более объективными, чем без всякой поправки на степень исследованности. Необходимо также признать, что верный, в общем, путь решения вопроса указан именно Мальмером.

С поправкой Мальмера распределение картографируемых единиц на картах получается несколько иным, чем без неё. Пользуясь этим приёмом, Мальмер установил, что картина распространения каменных боевых топоров шведско-норвежской культуры боевого топора в Сконе близко совпадает с картиной распространения тонкообушных кремневых топоров культуры воронковидных кубков; выяснил сравнительно более сильную зависимость распространения кремневых серпов от источников сырья (месторождений кремния), чем распространения кремневых кинжалов (на орудие и тогда не жалели даже импортное сырьё), и т.д. (рис. 15-16). Эти разделы исследования Мальмера также поражают плодотворной изобретательностью и блестящими идеями.

5. Методические нововведения: количественные аспекты. Мальмер ищет возможности во всём усмотреть количественный аспект. Измерения, подсчёты, суммы, усреднения становятся отличительным признаком его исследовательского стиля. Его находчивость и изобретательность в этом хорошо показывает один пример.

В бронзовом веке Южной Швеции и Дании есть такая типичная находка – бронзовая женская статуэтка от 5 до 11 см высотой. Обнажённая женщина стоит подбоченьясь, но ладонями под груди. На шее – ожерелье или несколько (рис. 18). Статуэток таких найдено было к началу исследований Мальмера 11, потом нашли еще несколько. Статуэтки описаны, измерены, опубликованы. Ученые спорили, что это за богиня – плодородия или богатства, сравнивали её с восточными и южными божествами – Иштар, Афродитой.

Мальмер надумал измерить ещё один аспект, который никто до него не затрагивал – взвесить статуэтки. Кстати, Бинфорд в своих воспоминаниях тоже пишет, что в молодости он собрал из раскопок массу пережжённых камней, заполнивших всё помещение лаборатории, и когда его научный руководитель Гриффин

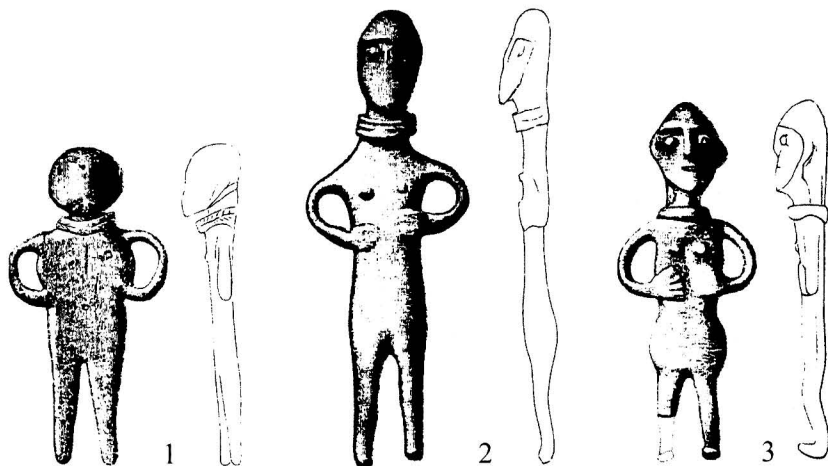

Рис. 18. Статуэтки бронзового века из Швеции (Malmer 1992, fig. 1).

недоуменно спросил: “Что, бога ради, вы собираетесь делать со всем этим жжёным камнем?”, он ответил: “Как что? Считать и взвешивать, конечно”. Но зачем это нужно и кому это может пригодиться, он и сам не знал (Binford 1972: 128). Ответил наобум.

А Мальмер догадывался, зачем взвешивание может пригодиться. Бронзовый век – век торгово-обменных отношений. Металл дорог, для производства бронзы нужны примеси – олово, на Кавказе – мышьяк. Всё это должно добываться с большими усилиями в одних местах, обрабатываться в других. Стало быть, доставляться и весьма скупо на что-то обмениваться (на меха, скот). Значит, должен вестись счёт количествам металла, его надо было взвешивать. Меры веса должны были существовать, а это уже делает вес металлических находок интересным.

Более того, нумизматический опыт подсказывал ему, что меры веса оформлялись в какие-то внешне опознаваемые стандарты. Наиболее дорогим металлом было золото, оно могло слу-

жить для трансформации в монеты, но не могло использоваться для стандартных эталонов веса – гирек. Для этого нужен более дешёвый металл – бронза подходит.

Мальмер поставил вопрос, не служили ли статуэтки гирьками для взвешивания металла. Взвесив статуэтки, он получил подтверждение: все статуэтки оказались разной высоты, но одинакового веса с небольшими отклонениями – 107 г. Только одна была половинного веса, и одна имела полный вес с четвертью.

Но если этими гирьками взвешивали золото, то нужно получить подтверждение от веса золотых предметов. Он обратился к золотым браслетам, тоже типичным для бронзового века частично той же территории, но без Дании (рис. 19). Их тоже найдено 11. В двух случаях вес оказался близким к 107 г., в четырех случа-

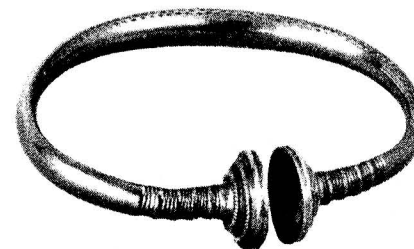

Рис. 19. Золотой браслет бронзового века из Морданды, Швеция (Malmer 1992, fig. 5).

ях – половиной от этого веса, в остальных – $\frac{3}{4}$ или $1\frac{3}{4}$. Мальмер счёл это доказательством того, что вес золота измерялся мерой, воплощённой в статуэтках, и что статуэтки играли роль гирек, а богиня обеспечивала верность меры – её имя придавало мере священность (Malmer 1992).

Вскоре в изучение этого вопроса включился другой археолог, Эрик Спербер. Он добавил к обзору другие категории находок (в том числе и золотые браслеты Паннонии, Среднее Подунавье) и отказался считать 107 граммов мерой веса бронзового века. Он обратил внимание на то, что вес повторяется лишь в некоторых

случаях, а в других вес то меньше, то больше на одну или несколько четвертей принятого за эталон. На его взгляд, это говорит о том, что подлинной мерой служила именно эта четверть, т.е. 26-27 граммов (в среднем 26,6 г), а статуэтки и золотые обручи весили четыре или две меры или иное количество этих мер. Являются ли статуэтки гирьками, становится сомнительным.

Поскольку торгово-обменные отношения связывали Скандинавию не только с Паннонией, но и с Грецией (Микены) и Египтом, он обратил внимание на то, что во времена Александра Македонского греческая *драхма* весила 4,37 граммов, а гексадрахма (шесть драхм) – точно 26,25 граммов. В Египте XIV в. до н.э. существовала весовая единица *статер*, равная двум драхмам – 8,75 граммов. Браслет из Морланды (конец бронзового века Швеции) весит 24 аттических драхмы, то есть две додекадрахмы, а топор из Фордрупа (начало бронзового века Швеции) в тридцать раз тяжелее. Спербер считает, что для топоров в Швеции бронзового века существовала мера в 264 грамма... (Sperber 1993; Malmer 1999).

Возможно, эти подсчёты в чём-то неточны, в логике возможен какой-то сбой. Дальнейшие штудии внесут уточнения. Но в целом ясно, что Мальмер открыл новый ракурс в изучении экономики первобытного общества и торгово-обменных связей разных регионов в бронзовом веке.

Между тем это только небольшая часть из щедро развернутого Мальмером богатейшего ассортимента технических приёмов исследования. О других будет речь в следующих главах. Ещё важнее, что центр тяжести разработанной Мальмером методики – не в технических приёмах исследования, а в методологии.

Всей своей деятельностью Мальмер стремится показать, что у археологии, по логике, должен быть – и есть – собственный исследовательский метод, которым обусловлены её самостоятельность и единство, и что, доводя этот метод до полной строгости, современная археология может превратиться – и уже превраща-

ется – в точную науку, добывающуюся вполне объективных результатов. Именно в этом весь пафос труда и борьбы Мальмера. В сочетании с обширными знаниями, колоссальным трудолюбием и исключительной добросовестностью учёного, это вызывает к нему глубокие симпатии и уважение.

III. Реабилитация типологии

1. Типология как стержень археологии. Археология, с точки зрения Мальмера, – самостоятельная историческая наука, освещающая основные линии развития человечества во времена, от которых не сохранилось или мало сохранилось письменных источников (MP: 12-14, 249-250). Таким образом, это наука вроде бы гуманитарная. Между тем в ней всё большую роль начинают играть методы естествознания. Сохраняется ли в этой обстановке самостоятельность и гуманитарная специфика археологии?

“Для выяснения современной позиции археологии, – пишет Мальмер, – интересно рассмотреть, что же в литературе, также и в специальной археологической литературе, вообще понимается под *археологическим методом* или *археологическими методами*.”

Под этим обычно понимаются такие методы датировки, как споропыльцевой, геохронология и радиоуглеродный анализ или методы раскопок – как послойный метод, вскрытие курганов по секторам и съёмка фото-планов, или различные методы консервации. Но столь же ясно, что большинство этих методов было развито не археологами, да и не могло быть ими развито; оно образует скорее побочные продукты великого прогресса технически-естественных наук нашего времени.

“Но и с другой точки зрения эти методы нельзя считать собственно-археологическими. А именно: для них всех характерна направленность исследования только на один отдельно взятый предмет... Археология же направлена на общее, она хочет изобразить существенные черты жизни группы людей в первобытные времена. Поэтому ясно, что центральный археологический метод – *типология*, т.е. учение о типах и их взаимоотношениях. Центральное археологическое понятие – ‘тип’. Без *типологии* как центрального и объединяющего момента все другие методы

и подсобные по отношению к археологии науки безнадежно распались бы, и археология как наука не могла бы существовать” (JS: 880-881).

Типологическим методом, по мнению Мальмера, обеспечивается единство не только археологии в узком смысле, но всего изучения вещественных исторических источников (*material research*), включающего (все же надо бы добавить: не полностью) нумизматику, историю искусств и этнологию (MP: 14, 250).

Мальмер с сожалением отмечает падение авторитета типологического метода в современной археологии. Мы помним, что и в советской литературе прежде не раз с большим сочувствием цитировались слова А.В.Брёггера (Brøgger 1926: 14-15) о “гордом хронологическом здании на основе типологии”, которое де, “есть опасный мираж” (В.И.Равдоникас, А.Я.Брюсов). Широко распространившееся недоверие к типологическому методу выражается, как отмечает Мальмер, в обильных предложениях заменить даже само название первичной кабинетной обработки материалов на *формоведение* или *морфологию* (Г.Ёссинг), *анализ типов* (К.-А.Альтин) (JS: 48 Anm. 70; 881; MP: 16, 251). К этому Мальмер мог бы добавить американское предпочтение, отдаваемое терминам *классификация*, *таксономия*, *сериация* и проч. Типология превратилась в клеймо, в признак плохого археолога (Malmer 1995: 15).

Остроумными примерами Мальмер показывает: те археологи, которые уверены, что избегают типологии и опираются только на сочетания в комплексах или на стратиграфию, или на абсолютно достоверные данные естествознания, на самом деле постоянно пользуются типологией (только неосознанно и часто неправильно) (MP: 30-31, 33, 34, 260, 262-263) и в этом отношении напоминают мольеровского мещанина, который не знал, что говорит прозой.

“Стратиграфический комплекс, который показывает, что сосуд А старше сосуда В, сам по себе не имеет никакой доказательной силы сверх того, что касается самих этих обоих сосудов.

Если же мы хотим обобщить свидетельство этого комплекса и сказать, что сосуды типа А старше сосудов типа В, то мы уже обратились к типологической аргументации. Ибо двух идентичных сосудов нет, и если мы выбираем сосуды, которые, по нашему представлению, «такие же как» А или В, то мы обращаемся к типологическому действию. Всякое занятие древностями, которое хочет восходить от отдельного предмета к общему, есть типология” (JS: 47).

Сведения по абсолютной хронологии, предоставляемые другими науками, относятся к отдельным предметам. Чтобы их распространить на исторические явления, необходимо интерполировать эти отдельные предметы в систему относительной хронологии, в её блоки, элементы которых сцементированы типологически, и которые приведены в некую связь друг с другом в значительной мере тоже *типологическим методом* (MP: 33, 37, 263, 265). “*Типология*, – пишет Мальмер, – сама собой разумеющаяся предпосылка для определения культуры, а последнее, со своей стороны, – для любой интерпретации преистории” (MP: 263). Таким образом, “*типология* – это центральный столб материального исследования и должна, совершенно ясно, применяться всеми” (JS: 47). Мальмер согласен с Н.Обергом в том, что, как сказал этот археолог, “можно называть или не называть исследовательский метод Монтелиуса *типологией*, ... другого метода, однако, в распоряжении нашей науки нет”.

Кстати, и само название *типология* Мальмер считает наиболее приемлемым, так как оно имеет за собой долгую традицию, идущую от Х.Гильдебранда и О.Монтелиуса (1880 г.), удобно в языковом обращении и содержит в основе фундаментальное понятие – *тип* (MP: 16, 251-252).

Типологией, по Мальмеру, держится структурное единство археологии не только “в поперечном сечении” (связь всех её приемов и операций), но и “в продольном сечении” (связь различных её отраслей, посвящённых разным периодам истории). Точнее, так должно быть, но из-за всяких внешних обстоятельств пока

различные отрасли археологии сильно рознятся по методологическим установкам, и *типологический метод* должен помочь изжить эту рознь, которая мешает проследить сквозные линии исторического развития (MP: 11-12, 14, 248-250).

Тяга к сближению и объединению различных отраслей археологии ныне ощущается всё больше. В российской и советской науке были предприняты реальные шаги в этом направлении – организационные (у нас все отрасли археологии объединены в одних и тех же исследовательских и учебных учреждениях) и концептуальные (создание единых учебников по археологии). В качестве основы объединения обычно подчеркивалось единство предмета и цели изучения – связь с историей: В.Г.Чайлд (Childe 1956: VI), выразив принцип единства археологии в афористической форме: “Archaeology is one” (“Археология – одна”), подчеркнул значение единства методов.

Что в археологии обычно отдельные вещи интересны не сами по себе, а лишь как представители и материал для получения определенных типов, указывали многие – от Монтелиуса и Софуса Мюллера до Чайлда. Но именно Мальмеру удалось показать, что это обобщение лежит в основе всех других методов кабинетной работы археолога, составляя фундамент для всех последующих этапов исследования и исходное звено методического единства археологии.

Этот урок Мальмера представляется весьма полезным. В советской археологии, правда, с середины XX в. престиж *типологического метода* был восстановлен, но *типология* в целом рассматривалась все же только как частный метод, один из многих, сугубо ограниченный в своих возможностях и сфере применимости. В связи с этим не очень распространено было хорошее владение и сознательное пользование им, изучение его или – ещё того меньше – разработка (до моей “Археологической типологии” 1991 г. исключений было немного: Федоров-Давыдов 1965; Шер 1966). Поэтому и у нас не лишним окажется ознакомление

с доказательствами того, что типология пронизывает все методы историко-археологического исследования и является его необходимым и неизбежным фундаментом.

2. Типология и типологический метод. Здесь, однако, требуется уточнение терминов и понятий.

Понятие *тип*, заимствованное из нумизматики, Монтелиус и его друг Ханс Гильдебранд употребляли с 70 годов, с этого же времени, как полагает Мальмер, также употреблялся и термин *типология*, хотя в книгах Монтелиуса 1870 годов его нет (Malmer 1995: 16). Впервые он использован в работе Монтелиуса 1880 г. “Фибулы бронзового века... Типологическое исследование” (Montelius 1880). А словосочетание типологический метод стало употребляться Монтелиусом с 1884 г., после резко критической статьи Софуса Мюллера, где *типологический метод* был иронически окрещён.

Для Мальмера термины *типология* и *типологический метод* почти равнозначны и употребляются у него в широком смысле (типология – это “учение о типах и их взаимоотношениях”, а *типологический метод*, соответственно, правила операций по получению типов и установлению их взаимоотношений). Иными словами, сюда входят и классификация, и картография, и построение типологических рядов, и анализ сочетаний в комплексах, и выделение археологических культур: ведь всё это выявление соотношений между типами. Но при таком расширительном толковании установление связи между типологическим и другими методами превращается в тавтологию, точнее, другие методы становятся частями типологического. При этом несколько скрадывается действительно исходная и определяющая позиция получения типов по отношению ко всем последующим операциям.

На практике в современном русском археологическом словоупотреблении термин *классификация* обозначает деятельность

по сортировке объектов, установлению сходств и различий между ними и выделению типов, а также результат этой деятельности. Термин *морфология* употребляется редко и обозначает изучение архитектоники объектов, их делённости на части с точки зрения внешнего облика, не затрагивая внутренней структуры. Термин *типология* употребляется как в широком смысле (работа с типами, схемы соотношений типов), так и в более узком (сравнительное исследование форм предметов) или ещё уже – для обозначения результата классификации (в этом случае значения совпадают, взаимоналагаются). Таким образом, минимум три значения.

(Кстати, проведенная Мальмером реабилитация затронула все три значения).

Термин *типологический метод* употребляется либо в широком смысле (способ изучения археологического материала путём выделения типов и установления их взаимоотношений), либо в более узком (обозначая то только выделение типов, то только составление *типологических рядов*). Под *типологическим рядом* Монтелиус понимал ряд функционально однозначных вещей, т.е. вещей одной категории (скажем, топоров или кинжалов, или фибул), выстроенный по ранжиру и отражающий постепенные изменения формы со временем, т.е. нарастание или убывание какого-то признака (или нескольких признаков):

ABCDEFGF ..., где A = Aa, B = Aaa, C = Aaaa, D = Aaaaa и т.д.

Эту нехитрую формулу многие принимают за формулу успеха Монтелиуса. Такие *типологические ряды* строили и до Монтелиуса, с какой стати объявлять его изобретателем метода? Критикуя *типологический метод*, часто имели в виду именно эту формулу. Формула, конечно, примитивна и наивна, и метод был бы бездоказательным, если бы к ней сводился. Но он к ней не сводится. Это только начало метода. Нужно выяснить, не случайно ли это расположение. Ведь можно расположить в ряд постепенных изменений кучу картофелин, скажем, от самых круглых до самых

продолговатых, но это ни о чём не скажет. Нужно доказать, что налицо действительно развитие формы со временем.

Монтелиус нашёл способ это сделать. Он располагает несколько рядов параллельно (скажем, ряд топоров с рядом кинжалов или фибул) и ищет возможность совместить во времени начальные звенья одного ряда с начальными – другого, конечные – с конечными, т.е. доказать их одновременность. Если есть много таких совпадений, то это не может быть случайным. То есть формула Монтелиуса приобретает такой вид:

$$\begin{array}{c} ABCDEFG \\ A_1 B_1 C_1 D_1 \\ A_2 C_2 F_2 \end{array}$$

Это сцепление звеньев параллельных рядов Монтелиус догадался устанавливать по их нахождению в замкнутых комплексах – кладках, могилах. То есть более полная формула типологического метода выглядит так:

$$\begin{array}{c} A B C D E F G \\ A_1 B_1 C_1 D_1 \\ A_2 C_2 F_2 \end{array}$$

Да и это ещё не всё. По этой формуле не видно, где начало, где конец рядов, откуда куда идет развитие. Это Монтелиус определял по *типологическим рудиментам*. *Типологический рудимент* – это вещь или деталь, утратившая своё функциональное назначение, но сохранившая частично прежнюю форму. Галстук – наследник шарфа, он уже не может предохранять шею, но всё ещё сохраняет возможность повязываться на неё (и традицию такого использования). Ясно, что там, где есть реальная функция, расположено начало ряда, а где типологический рудимент – конец.

Во всех случаях, говоря о *типологическом методе*, обычно имеют в виду метод работы Монтелиуса. В обеднённом виде он предстаёт обычно просто по незнанию: Монтелиуса у нас долгое время было не принято читать. Значит, строго говоря, под *типо-*

логическим методом приходится разумеать весьма четко регламентированную цельную систему исследовательских приёмов, состоящую в выявлении типов, построении их в *типологические ряды*, установлении “параллельности рядов” по сочетаниям типов в “замкнутых комплексах” и определении направленности развития по *типологическим рудиментам*.

Отдельные приёмы применяли и до Монтелиуса или (его современники) без Монтелиуса: классифицировали древности (по сути, выделяя типы) и антикварию Возрождения; *типологические ряды* строили Питт Риверс и Гильдебранд-младший; сочетания типов в замкнутых комплексах изучали Гильдебранд-старший, Софус Мюллер и П.Рейнке, явление “типологического рудимента” было знакомо уже Джону Эвансу. Но только Монтелиус соединил эти приёмы в одну цельную продуманную систему определения последовательности развития типов вещей – он преследовал цели построения относительной хронологии. Но для него было ясно, что метод может устанавливать и преемственность культур. Г.Косинна применил этот метод, но в худшем варианте, к выявлению генетических связей культур, понимаемых исключительно как этносы.

Не лучше ли оставить термин *типологический метод* за этим конкретным (монтелиевским) значением? Разве что исключить, может быть, первую операцию – разбивку на типы – как исходного для всех методов.

3. Типология и классификация. Уже во второй книге Мальмер почувствовал, что его строгие и жесткие принципы создают очень ригидную классификационную схему, ведущую к неудобной конкретной типологии. Она разрешила связи между предметами, которые хотелось отразить. То есть признаки не группируются так жёстко, чтобы, разделив чётко материал по одному показателю, получить такое же распределение и по другим. По одним признакам граница в одном месте, по другим – в другом, по третьим – в третьем.

Он придумал, как ему казалось, новый способ: помечать каждый тип сочетанием больших и малых букв с римскими и арабскими цифрами так, чтобы каждая означала определённый показатель: одна большая буква – фигуру человека в рост (А) или без ног (В), другая, малая, – вид причёски, римская цифра – позицию ног четвероногого и т.п. Сочетаться они могут по-разному, сравнительно свободно (МР, 114-119, 269). Этот вид типологии Мальмер назвал “склонением” (declension) – видимо, по образцу грамматической парадигмы. Правда, общее число вариантов (*типов*) получалось очень большим, зато их можно было сравнивать по элементам свободно и группировать по-разному.

В исследовании петроглифов Мальмер уже с триумфом описывает свою методику “склонения” в самом начале тома:

“Классификационная система склонения имеет логические и мнемотехнические преимущества перед ригидной системой, а также делает обработку большого количества типологических элементов более эффективной и быстрой. Каждый символ или комбинация символов равна всякому другому... Мы можем поэтому говорить о типе А и также о типе Aif1. В то время как тип Aia1 является подтипом типа А, он является также подтипом типа I и типа 1; он также подтип типов AI, Aa, AI, Ia, II и a1 и, наконец, подтипом типов Aia, AI1 и Ia1” (ChSt, 4).

В сущности, речь идёт о давно известной *фасетной классификации*, которую Ирвинг Рауз называет *аналитической*, а обозначения, подобные мальмеровским, предлагали во Франции Гарден и Лаплас с 50 годов (Laplace 1957; Gardin 1958; 1963; 1965; 1967; Rouse 1960). Все эти классификации хороши на стадии описания и самого первичного классифицирования материала. Собственно, “склонение” Мальмера и есть описание с помощью *аналитического кода*. Такие классификации-описания не дают хорошего подступа к выявлению типов, имевших значение в культуре. За дробной характеристикой сочетаемых деталей теряется культурная иерархия значений.

Это выявилось, когда Мальмер взялся за петроглифы.

Применив свою методику “склонения” к изображениям повозок (ChSt, 43-46), он расклассифицировал их по видам и количеству колёс, спиц, по наличию и положению возничего, по наличию и виду везомого круга – пустого, перекрещённого или с точкой в центре. Учтён 61 признак, получилось 36 типов. Но при этом совершенно упущено качество, которое Я.А.Шер (1980: 202-212) в анализе аналогичных повозок в петроглифах Сибири и Средней Азии счёл решающим для интерпретации значения изображений – композиция всего изображения: показаны ли повозка, животные и люди в профиль (на рисунке 20 верхние два изображения и левое нижнее) или в развертку (средний ряд изображений). Там оказалось возможным установить корреляцию этих двух видов изображения с величиной и типом колёс, с видом упряжных животных (эквиды или быки) и отнести эти два способа изображения к двум разным эпохам, разным культурам и разным народам. Возможно, и здесь та же картина. Вот это утеряно, не замечено.

Такова оказалась цена за желание учесть абсолютно все элементы и все их ввести в свою схему полной точности. Такова цена за желание сохранить полноту и точность охвата схемой всего материала.

Очевидно, нужен кардинально иной способ группирования – такой, который бы соответствовал характеру реального группирования в первобытной культуре и который бы позволял искать, находить и ухватывать главное в бесчисленном множестве признаков.

Между тем Монтелиус как раз стремился к чему-то подобному, создавая типологический метод и называя его так. А термин *типология* слишком тесно с ним связан: *типологический* – это прилагательное от существительного *типология*, и другого прилагательного от него не образовано. Связаны слова *типологический*, *тип* и *типология* и со словом “типический”, и хочешь, не хочешь,

а эту связь не разорвать. А *типический* никак не предусматривает чёткости границ – это есть как раз понятие приближительности, приближения к некоему идеалу. Так что ни словоупотребление Мальмера, ни современное русское не отличается строгостью и практичностью.

Удобнее ограничить сферу приложения этих терминов методом Монтелиуса – это значит, что под типологией следует пони-

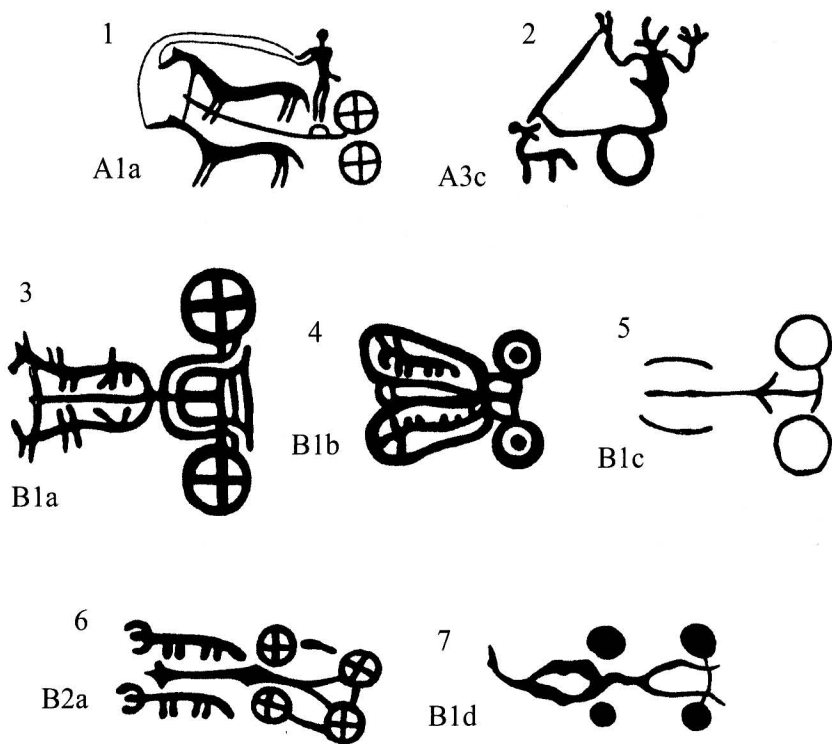

Рис. 20. Изображения повозок на петроглифах Швеции: 1, 2, 6, 7 – изображения профильные, 3-5 – в развёртку (Malmer 1981, fig. 16).

мать не всякое группирование и упорядочение, а только такое, которое противостоит классификации (разбивке на чёткие классы) и выделяет типическое.

Монтелиус ведь не нарезал материал на классы, не проводил чётких границ. Его главной заботой было построение рядов развития. Он то и дело организует свои типы в ряды, выстраивая их по ранжиру каких-то признаков. Поэтому он не выбрасывает промежуточные, переходные формы – ведь они цементируют его ряды. Так что типы для него знаменуют некие средние формы, некие идеалы, образы, к которым тяготеют реальные и конкретные вещи. Вещь, тяготеющая к такому идеалу, и называется типической. *Формула Монтелиуса не будет работать по-настоящему без такого понимания составляющих её знаков.* Так что типы – это не классы. Классы нарезаны в материале (учитывая его особенности), а типы – это образы, к которым некоторые группы материала тяготеют, вокруг которых они роятся.

Эту особенность нашего материала и нашей работы чуть позже уловил Дэвид Кларк, взяв от биологов термины *монотетический* и *политетический* (Clarke 1968: 35-38). Я связал эти виды группирования с классификацией и типологией (Klejn 1982; Клейн 1991a).

Монотетическое группирование – такое, при котором в материале есть (или нарезаются) чёткие группы, выделенные по признакам, чётко их различающим. То есть отличающим группу от группы, а внутри группы признаки объединяют все объекты. Это как ящички в каталожном кубе. Все предметы попадают в соответствующие ящички, ни один не может оказаться частью в одном ящичке, частью в другом, и ни один не останется вне ящичков. Это классическая классификация по Аристотелю. В реальности таков стандартизованный материал машинного производства. Таким можно искусственно представить и другой материал, если надо его чётко сгруппировать для каких-то целей (хранение, подсчёты и т.п.).

Политетическое группирование не может быть уподоблено каталожному кубу. В нём признаки распределены по предметам без строго порядка. Сходства и различия устанавливаются не по чётким критериям, а по преобладанию тех или иных групп признаков. Границы между группами расплывчаты, диффузны. Предмет может по одним признакам быть связанным с одной группой, по другим – с другой (рис. 21). Какие-то предметы могут вообще остаться вне группирования – *атипичные* предметы.

		Entities												
		A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	
Attributes or artefacts	1	X	X	X	X	X	X							
	2	X	X	X	X	X	X							
	3	X	X	X	X	X	X							
	4	X	X	X	X	X	X							
	5	X	X	X	X	X	X							
	6							X	X	-	X	-	-	
	7							-	X	X	-	-	X	
	8							X	-	X	X	X	X	
	9							-	X	-	X	X	-	
	10							X	-	X	-	X	X	

} Monothetic group
 } Polythetic group

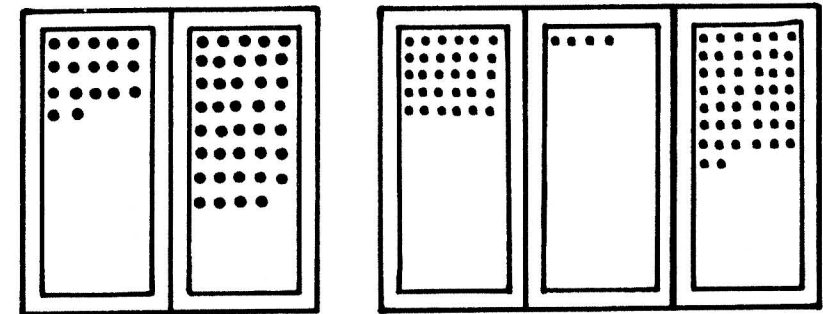
X Present
 - Absent

Рис. 21. Схема монотетического и политетического принципов группировки по Д. Кларку (Clarke 1968, fig. 3).

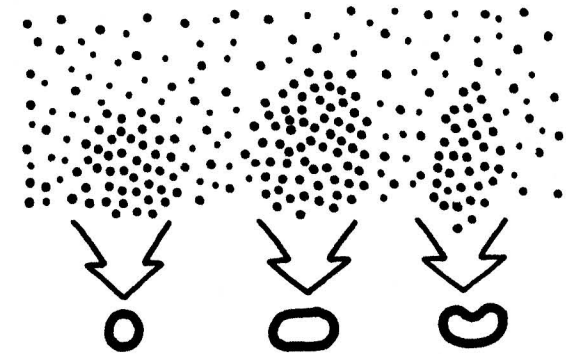
Вот это и есть типология. Её типы – это идеалы, образы. Типология старается уловить реальное роение материала (совокупности предметов) вокруг неких образцов – типов, с которыми эти предметы показывают сходство по неким зыбким наборам признаков, у каждого предмета – своим (рис. 22). Разумеется, роение это приходится устанавливать разнообразными средствами корреляции, математическим (и графическим) установлением связей. Ничего этого у Мальмера нет (за исключением редких случаев).

Если материал не показывает такого роения (или там, где он не показывает его), типология по необходимости станет искусственной, условной (поэтому и не ищет корреляции и реальных связей). Мальмер считает, что она всегда и неизбежно условная, но это как раз неубедительно.

Для совокупности всех методов выявления соотношений между типами стоит поискать другой термин (если он вообще ну-

КЛАССИФИКАЦИЯ

ТИПОЛОГИЯ

Рис. 22. Схемы типологии и классификации (Klejn 1982).

жен) – упорядочение, группирование. Или надо найти другое обозначение типологического метода Монтелиуса: *формологический? сериационный? эволюционный?*, но привьётся ли оно? Я в начале своих занятий теорией именовал метод Монтелиуса типологическим. Потом, чтобы отличить от расширенного употребления термина, стал именовать этот метод *эволюционно-типологическим*. Когда же убедился в том, что у Монтелиуса эволюционная идея была лишь декларативной, а вся его деятельность характеризовала его как диффузиониста, стал называть его метод *градационно-типологическим*. Что в его реальных построениях налицо идея *градации*, а не идея эволюции, меня убедили работы Грээслунда (Gräslund 1974; 1987).

Любопытно, что у Мальмера методическое учение Монтелиуса также изображено в упрощенном виде. Оно приравнено к методике Гильдебранда-младшего и сведено к выделению типов и построению из них типологических рядов. Как это ни странным может показаться, Мальмер, которого никак невозможно заподозрить в незнании Монтелиуса, просмотрел у Монтелиуса, в частности, требование проверки параллельности рядов по сочетаниям типов в замкнутых комплексах. Что это отнюдь не странно и не случайно, мы увидим из дальнейшего разбора взглядов и методических приемов самого Мальмера.

4. Гуманитарность и научность. Нет ничего удивительного в том, что именно сейчас, в период широкого и бурного внедрения методов естественных наук в археологию, перед археологами всерьёз встал вопрос о методологической самостоятельности и гуманитарной специфике их науки – о том, есть ли у неё и остаются ли действенными собственные методы исследования, которые можно считать гуманитарными. Примерно в одно время с Мальмером (1957 г.) выступил с анализом этого же вопроса Кристофер Хокс, тогдашний президент английского Преисторического Общества. Хокс привёл модное понимание научности архео-

логии, заключающееся в том, что “она делает точные измерения, где необходимо, и точнейшие, насколько возможно, сравнения, когда классифицирует свой материал, и она сверх всего обращается к специалистам естественных наук за анализами и определениями, которые могут решить археологическую интерпретацию” (Hawkes 1957: 94).

Однако Хокс отверг не только (в согласии с Мальмером) вторую часть такого понимания (сведение научности археологии к использованию методов естествознания), но и первую часть – ту, что отстаивает Мальмер (метризацию собственных методов). “К какой бы отрасли археологии или преистории вы ни принадлежали, – указывает Хокс, – ваши претензии на научный статус для вас самих покоятся только на мерах, которые вы принимаете, чтобы представить как можно более гарантированные, ненарушенные и несмешанные образцы для соответствующего исследования” (Ibid. 94).

Напоминаю, что научный (scientific) для англичан означает “относящийся к естественным и точным наукам”. История к наукам (science) не относится, это – humanities (гуманитарное знание).

Расширяя понимание науки (archaeology as science), Хокс всё же склонен считать археологию сугубо гуманитарной наукой, разновидностью истории. Она лишь приглашает естествоведов на помощь и старается подать им соответственно свой материал. Только в этом оправдание её претензий на научность. Некоторые аспекты этой проблемы (в частности взгляды Хокса) рассмотрены мною в научно-популярной работе (Клейн 1969-1970). Для Мальмера археология не принадлежит ни к естественным и точным наукам, ни к гуманитарным, это некий третий вид наук (Malmer 1984: 266; 1993: 146). Тут есть рациональное зерно, хотя у Мальмера этот третий вид не определён.

Позже Мальмер несколько смягчил это обособление археологии – отнёс её всё же к гуманитарным, но с оговорками, обособив от остальных.

“У археологии, – повторил он свои прежние высказывания, – есть две больших группы смежных наук, а именно – другие гуманитарные дисциплины и естественные науки. Материалы первой группы – словесные и человеческие. Материалы второй – немые и нечеловеческие. Материал первобытной археологии отличается от материала всех этих дисциплин тем, что он немой и человеческий. Следовательно, – продолжил он, – археология почти уникальна” (Malmer 1997: 9).

Из родства археологии с естественными науками, из её материальности вытекает то, что мы не можем сохранить репутацию учёных, не прибегая к математическим, физическим, химическим и другим естественнонаучным методам. Они, по Мальмеру, не наносный компонент в археологии, а присущи ей по природе. “Но археология – не естественная, а гуманитарная дисциплина” (Malmer 1997, 10). Ведь она имеет дело с человеком. С этим связано то, что в отличие от естественных наук, в ней не существуют абстрактные теории. Она проверяет свои теории в антропологии.

Эти рассуждения о двойственной природе археологии можно опспорить. Естественнонаучные методы всё же создаются не на основе её собственных закономерностей, а на основе физических, химических и других законов. От гуманитарных дисциплин она (первобытная археология) действительно отличается радикально, если её отделить от преистории (в пользу чего есть ряд доводов – см. Клейн 1991б; Klejn 1993; 1995; Esparza Arroyo 1996). Антропология у американцев считается как раз не гуманитарной, а точной наукой (родственной социологии, а не истории).

Мне нравится высказывание Мальмера о том, что уникальность археологии – это “почти уникальность”. “Только о соматической медицине можно сказать, что она имеет близкую позицию; и сравнение между археологией и медициной не столь бессмысленно, как может показаться на первый взгляд” (Malmer 1997: 9). Это соответствует моим соображениям о том, что археология вообще не относится к фундаментальным наукам, что это наука прикладная

– как и соматическая медицина. В другом месте, отстаивая возможность полагаться на простую логику и здравый смысл, Мальмер добавляет: “Почти все выводы в прикладных науках – этого рода” (Malmer 1993b: 147).

Метод в идеале, как известно, адекватен предмету исследования и в значительной мере обусловлен целью исследования – аспектом рассмотрения. Есть ли специфика у предмета археологии и задан ли особенный угол зрения на него? Стоит только подумать над этим, чтобы увидеть, что предмет археологии – это оторванные от современности, фрагментарные и лакунарные древности, рассматриваемые как исторический источник (тут и специфика предмета и особый аспект рассмотрения).

И сразу станет ясно, что суть этих требований – обеспечить получение достоверного знания о материальных остатках, их связях и соотношениях, уловить закономерности и своеобразие в полученной картине, имея в виду конечную цель – реконструкцию исторических явлений, которые представлены в этих остатках. А это значит, что собственно археологическими, “внутренними”, по выражению Мальмера, являются и методы гарантирования подлинности вещей и пространственных связей между вещами (принципы раскопок, реставрации и хранения), и методы установления прочих связей и соотношений между материальными остатками (классификация, типология, картография), и – особенно! – методы реконструкции исторической реальности по материальным остаткам (детективный анализ, внутренняя критика источников, социальное истолкование, этническая интерпретация, демографическая обработка и т.п.).

Эти методы возникают и отрабатываются в практике археологического исследования, питательная почва для их рождения и роста – достигнутые к каждому данному моменту знания о предмете археологии (хотя семена – оплодотворяющие идеи – и могут быть занесены со стороны), так что эти методы обусловлены, прежде всего, природой предмета и целью изучения.

Конечно, существуют также возможности заимствования и применения в археологии методов других наук, в том числе естественных (особенно когда эти науки бурно развиваются), но только там, где есть близость каких-то сторон и частей предмета исследования археологии к предметам тех наук. Близкими же у отдалённых, не родственных наук могут оказаться только простейшие элементы их предмета, ибо чем сложнее явления, тем они специфичнее для данной науки.

Поэтому чем ближе к началу приведённого перечня “внутренних” методов археологии (простейшие пространственно-временные отношения, материальный состав), тем шире возможности привлечения на помощь методов естественных наук и замены (частичной, а иногда даже и полной) тех или иных частных гуманитарных, собственно-археологических методов в каких-то исследовательских операциях. Чем дальше от начала этого перечня, тем уже такие возможности – вплоть до сведения их к минимуму (а может быть, даже к полному исчезновению) на высших этажах историко-археологического исследования, где сохраняют полное господство (или даже безраздельное применение) гуманитарные, собственно-археологические методы. Соответствуют ли они гуманитарной природе выявляемых закономерностей и реконструируемых явлений?

Это очень сложный вопрос, решение которого зависит от нескольких теоретических позиций. Нужно определиться с понятиями научности, гуманитарности и классификации наук. Если научность археологии определять как её приверженность научному методу, то есть эксплицитной проверке гипотез, то в этом она схожа с науками о природе и точными науками (Клейн 2009а). Если гуманитарность определять как опору на интуицию, то гуманитарность в археологии имеет некоторое применение, но считать на этом основании археологию гуманитарной наукой вряд ли намного вернее, чем биологию. С историей (гуманитарной наукой) археологию сближает интерес к конкретным фактам и их причинно-следственной связи, но ей близки и интересы со-

циологии (точной науки) к выявлению закономерностей точными методами (Клейн 2009а).

Как только мы обратимся к собственному предмету археологии и её собственным методам, мы увидим, что это источниковедческая наука (Клейн 1977а; 1978) и она ближе всего к деятельности детектива-криминолога. Археолог – этоследователь, опоздавший к месту событий на сотни и тысячи лет. Если так, то это – наука прикладная (Клейн 1992; 2001: 11-18; 2004: 159-163). Прикладные науки – это действительно особый вид наук, более близкий к точным, чем к гуманитарным. Отсюда такое видное место жестких классификаций, статистики, математических методов и технических анализов в археологии. Этим объясняется пафос всей борьбы Мальмера за точные эксплицитные методы исследований.

Мальмер более ригиден в этом, чем Гарден. Гарден, прямо следуя философии неорационализма Башляра, оставляет место в археологии, в её классификациях и интерпретациях для интуиции и приблизительных решений. Мальмер бескомпромиссен, по крайней мере, относительно классификаций и типологии (как мы позже увидим, интерпретации – другое дело).

Но если типология является стержнем археологической методологии, то здесь просматривается и существенная роль гуманитарной составляющей, ибо каждый артефакт лишь тяготеет к некоему типу, границы типов и культур расплывчаты, и остается место для интуиции и свободной игры мысли. Впрочем, в археологии эта тяга типологии к расплывчатости ограничивается её тенденцией к превращению в “типологическую классификацию” – группировку материала, пригодную для математической и картографической обработки (Клейн 1987; 1993).

5. Типология – ключ к пониманию природы археологии.
Мне представляется, что Мальмер глубоко прав в определении

типологии как стержня археологии. Он прав и в том, что это характеризует археологию как особую дисциплину, имеющую существенные отличия от истории и других гуманитарных дисциплин, а также и от естественных наук (Malmer 1984: 266; 1993b: 146).

В самом деле, ведь типология как система организации материала не присуща в такой мере истории. Историки не берутся столько с классификациями своих героев, народов и стран, не составляют корреляционных таблиц, графов связей, матриц встречаемости. Они делают порой эти операции с источниками и второстепенными материалами, но это у них подсобные и редкие операции. Не в этом стержень их труда. Для них на первом месте стоит учёт и описание уймы индивидуальных фактов, выбор среди них значимых и вписывание их в сеть традиций.

Гораздо больше эти виды работы характеризуют социологию, политэкономия и культурную антропологию, но это дисциплины, как раз не относящиеся к гуманитарным, а объединяемые с физикой и химией по методам работы и по целям – выявлению регулярностей в структуре материала и законов мироздания (и общества). Тогда как для историка цель – установление причинно-следственной связи между выделенными им фактами.

Поэтому так же, как и представители социологии, политэкономии и культурной антропологии, археологи легко и часто прибегают к использованию техники и естественнонаучных анализов, что совершенно чуждо историку. Он прибегает к этому только тогда, когда вторгается в экономику, историю культуры, юриспруденцию. Но точно так, как это не превращает их в естественнонаучные дисциплины, не делает это такой и археологию, хоть у неё все эти анализы и используются с гораздо большей интенсивностью. Не превращает именно потому, что они построены не на её внутренних теориях. Тогда как типологический метод и стратиграфия – на её собственных законах и теориях, хотя и были созданы под влиянием некоторых других наук (биологии, геологии, нумизматики).

В истории типология применяется больше в её источниковедческих штудиях (текстологии, дипломатике, геральдике, сфрагистике и др.), которые претендуют на выделение из исторической науки. Но археология и есть такая выделившаяся в отдельное существование наука – источниковедческая наука, как и нумизматика. Являются ли эти науки гуманитарными, очень сомнительно. Они не о человеке и его духовной деятельности непосредственно (как художественная литература, критика искусства, история философии или теология), а об отложениях человеческой деятельности в материальной среде. Тут действуют не законы человеческой деятельности, а свои особые законы, которые управляют её отображением.

Точно так детектив, расследующий преступление, учитывает мотивы преступника, но это не доказательства, а только намёк. Детектив должен обнаружить следы действий подозреваемого, найти вещественные доказательства. Это особая наука, сильно использующая естественнонаучные анализы и типологию культуры, и вот ей-то сродни археология. Археолог – это следователь, опоздавший к месту событий на сотни и тысячи лет (Adams 1973; Hroudá 1978; Elsnér 1990; Клейн 1992; 2004: 159-163; Leach 2010). Археология и нумизматика, подобно криминалистике, – прикладные науки.

Таким образом, типология – не только стержень археологии, но и ключ к пониманию её методологической природы и её места среди наук. Установление роли типологии и классификаций во всех источниковедческих науках – занятное поле для исследований.

IV. Типологический ряд и замкнутый комплекс

1. Недостатки типологического метода. Типологию Мальмер считает основой археологического исследования и главным методом не только в её широком, но и в узком смысле – я бы даже сказал, в более узком, чем обозначение метода Монтелиуса. Мальмер пишет: “Вопрос о том, как должен быть построен типологический ряд, есть центральная проблема археологии” (JS: 48). Как же ряд должен быть построен и почему это центральная проблема?

Монтелиус и Гильдебранд строили ряд, руководствуясь степенью физического сходства форм объектов. Но такой ряд можно организовать по-разному: заботясь только о максимальном сходстве каждого звена с ближайшими соседними или о сквозной единой градации всего ряда, принимая во внимание только целый набор признаков или один из них, определённый или любой и т.д. Монтелиус и Гильдебранд не оставили точно сформулированной детализации своего принципа в этом вопросе. Сопоставляя некоторые высказывания Монтелиуса и его конкретные разработки, можно лишь заключить, что он, хотя и был диффузионистом, ориентировался на схему эволюционного развития от простого и органически единого через прогресс к сложному и через дегенерацию к новой простоте, не обладающей органическим единством (Montelius 1903: 13-14). Образцом служили биологические виды.

Но диффузия – это ведь есть в каком-то смысле эволюция, положенная на карту (для доказательства тоже нужна преемственность, только между культурами разных территорий). Кроме того, на деле особой эволюционности тут нет. Скорее цикличность. На

деле Монтелиус опирался не на эволюцию фибул (ну какая тут эволюция!), а на их градацию.

Внутренних критериев в самой археологии не было найдено. Сам выбор биологического образца уже означал некоторую предвзятость и вводил в основу построения субъективный фактор. Отсутствие детально регулирующих правил и формальных ограничений усиливало роль интуиции и неконтролируемый элемент.

Именно эта сторона типологического метода была подхвачена, усилена и абсолютизирована Н.Обергом.

“Типологический метод..., – писал он, – строго говоря, это вообще не метод, и его нельзя выучить, как учат школьный урок; его правильнее сравнить с чувственным проникновением художника (буквально: “вчувствованием” – *Einfühlen*. – Л.К.). Типолог работает не столько своим интеллектом, сколько инстинктом. Он наслаждается ритмическим в развитии, как музыкант наслаждается музыкой, и он реагирует на фальшивую типологию, как музыкант, – на фальшивый тон. Это не метод науки и обучить этому нельзя. Но то же ведь имеет значение и для остальных наук. Вся деятельность научного мышления высшего рода, с помощью которой переходят от анализа к синтезу, есть не наука, а искусство” (Åberg 1929: 512).

Что ж, здесь великолепно сформулирован исходный теоретический принцип того, что Мальмер окрестил “импрессионизмом” и против чего он выступил в поход. Именно подобные высказывания и соответствующая им исследовательская практика немало способствовали дискредитации типологического метода.

2. Типологические элементы и градация. Естественно, что Мальмер, исходя из своих принципиальных установок на объективность и точность, должен был найти и разработать объективные критерии строго регламентированного построения типологического ряда.

Все типы состоят из “типологических элементов”. Это понятие у Мальмера остается несколько расплывчатым. “Отдельные признаки предметов” – вот одно определение (JS: XXXV). “Детали, в которых физическое сходство или несходство может быть продемонстрировано”, – вот другое (MP: 257). Третье: “Каждая объективно демонстрируемая деталь или свойство артефакта” (MP: 258). Из этих определений видно, что Мальмер не делает терминологического различия между любыми признаками отдельных предметов и теми, которые, повторяясь, превращаются в элементы того или иного типа или подтипа и образуют основу его определения. Это не совсем удобно: при упоминании типологических элементов не всегда ясно, идет ли речь обо всех признаках вещей данного типа или об общих элементах типа. Чаще (вопреки смыслу определений) – именно о них.

Звенья типологического ряда должны иметь сходства и различия. Сходства сводятся к совпадению (тождеству) некоторых элементов. Мальмер называет эти элементы *константными*, поскольку они не изменяются внутри данной группы типов. Но в чем могут заключаться различия?

Мальмер устанавливает два вида различий между типами и именуется их терминами логики: *противоречие* (пример: керамика с гребенчатым орнаментом и без него) и *противоположность* (пример: керамика с грубым гребенчатым орнаментом и с тонким). Для нас привычнее первые различия именовать качественными, вторые – количественными (Мальмер этого противопоставления избегает, потому что не заметил возможности объективной регистрации качественных различий, – все они для него должны быть непременно преобразованы в количественные). Качественные различия (*противоречия*) выражаются, по Мальмеру, в несовпадении набора элементов у сравниваемых типов, и элементы, которыми эти типы различаются, он причисляет к *константным*, поскольку каждый из этих элементов, если уж он наличен, предстает внутри данного типа в неизменяемом виде. Количественные различия (*противоположности*) выражаются в несовпадении коли-

чественных характеристик одного и того же элемента (т.е. одного и того же качества), наличествующего у разных типов. Такие элементы Мальмер называет *варьирующими*.

Отсюда две возможности построения типологического ряда: 1) по упорядоченной, регулярной градации *качественных* изменений типов (постепенное изменение состава *константных элементов* – исключение одних, прибавление других) и 2) по упорядоченной, регулярной градации *количественных* характеристик *варьирующих элементов*. Первой возможности отвечает “первый критерий непрерывности” (мы бы назвали его “качественным”), второй возможности – “второй критерий непрерывности” (мы назвали бы его “количественным”). Несколько упрощая формулы, которыми Мальмер поясняет характер этих двух критериев непрерывности, мы можем представить их следующим образом:

$$ABCD - BCDE - CDEF$$

$$ABC_1 - ABC_2 - ABC_3$$

Упорядоченность количественных градаций второго критерия может, по Мальмеру, иметь только четыре формы: нарастание, убывание, нарастание с последующим убыванием и убывание с последующим нарастанием ($/ \setminus \cap \cup$), все остальные виды изменений упорядоченности количественных изменений нерегулярные, т.е. неудовлетворительные. К сожалению, Мальмер не указал способов, по которым в двух последних видах (\cap и \cup) можно было бы различить равноколичественные тины восходящей и нисходящей ветвей кривой и распределить их по этим ветвям.

3. Проверка неслучайности ряда. Но заведомо ясно, что обнаруженная градация может отражать случайный разброс и случайные мутации, за которыми не скрывается никаких существенных жизненных явлений (особенно при малочисленности экземпляров каждого типа). Кроме того, из одной и той же группы типов можно получить разные ряды, прослеживая градацию

разных элементов этих типов (особенно, если типы сложны и состоят из многих элементов). Встает вопрос о проверке достоверности гипотетически построенного ряда.

Монтелиус не видел возможности решить этот вопрос, оставаясь при одном ряде и исходя из анализа его внутренних ресурсов. Он нашёл выход в принципе неперменной *параллельности* двух или более таких рядов (скажем, ряда топоров с рядами фибул и пряжек и т.п.), для установления которой требуется обнаружить тесную связь взаимносоответственных участков этих разных рядов – концов с соответствующими концами, середин с серединами и т.д. Поскольку такую связь легче всего обнаружить по частым свидетельствам контакта вещей (или сооружений и т.д.) соответствующих типов разных рядов, то Монтелиус ввёл и разработал понятие *замкнутого комплекса* (первоначальный термин – *надёжный комплекс* (*Sicherer Fund*)) для гарантированной констатации таких сочетаний.

С тех пор требование неперменной параллельности разных рядов и опоры на замкнутые комплексы стало *conditio sine qua* поп всякого серьёзного изложения и применения типологического метода – и одновременно существенным его ограничением: не всегда в распоряжении археолога есть разные ряды и достаточное количество замкнутых комплексов. Некоторые обильные категории вещей предпочитают в таких комплексах не попадаться: в Швеции кремневые клиновидные топоры обычно попадают одиночными находками – ок. 5000, некоторое количество – прибл. в 40 кладах, в погребениях – 224 (т.е. ок. 4,2%), из них с боевыми топорами – 112 (ок. 2,1%), с керамикой – 68 (ок. 1%); из 2613 боевых топоров, найденных в Швеции, большинство – случайные находки, в погребениях – только 129, из них с керамикой – всего 31 (ок. 1,2%), на стоянках (?) – 8. При таких условиях нет возможности обеспечить статистически значительным количеством замкнутых комплексов каждое важное сочетание типов. Например, если взять боевые топоры, то комплексов с керамикой приходится в среднем на каждую из 10 главных типологических групп чуть

больше 3, если взять керамику, то на каждую из 14 главных групп приходится в среднем комплексов с боевыми топорами чуть больше 2, а на дробные подразделения (их ведь св. 40) – менее 1.

Мальмер отыскал ресурсы для проверки достоверности типологического ряда *внутри самого ряда*. Разумеется, действенность обоих критериев в большой степени усиливается с возрастанием количества всех учитываемых типологических элементов – остающихся, сменяемых и изменяющихся (*варьирующих*) (МР: 259). Но дело здесь не просто в количестве. То, что Мальмер открыл, – это своего рода внутривидный эквивалент внешнему параллельному ряду, нечто вроде дополнительного параллельного ряда, только находящегося внутри самого проверяемого ряда. В качественном критерии – это параллельная смена *константных* элементов в разных деталях, частях или сторонах объекта; в количественном критерии – параллельное изменение двух или нескольких *варьирующих* элементов. Схематически это можно представить так:

1) ABCD BCDE CDEF (данная формула или подобная ей у Мальмера отсутствует);

2) $ABC_1D_1 - ABC_2D_2 - ABC_3D_3$

Но не всякое параллельное изменение разных сторон или деталей объекта обеспечивает контроль, проверку неслучайности. Ведь это изменение в ряде случаев может быть лишь простым механическим следствием или причиной или частью проверяемого изменения, если второй внутренний ряд выбран неудачно. Например, изменение *сосудного указателя* нельзя проверять по изменению высоты сосуда, т. к. она входит в *сосудный указатель*, и при одинаковом диаметре серия сосудов может дать великолепное совпадение изменений *сосудного указателя* с изменениями высоты, но это совпадение, тем не менее, ни о чём не говорит, так как в данном случае оба изменения являются просто разными выражениями (абсолютным и относительным) одного и того же явления – изменения высоты сосуда. Здесь полная взаимная

зависимость изменений. Зависимость может быть и частичной. Например, между видом орнаментирующего инструмента (техникой выполнения керамической орнаментации) и мотивами орнамента: известные детали невозможно выполнить шнуром, другие – нельзя гребенчатым штампом. Композиция орнамента и форма сосуда могут находиться в сильной функциональной зависимости, точно так же, как у боевых топоров – техника сверления и диаметр проуха.

Но вот тонкость орнаментирующего штампа и диаметр донца сосуда ни в какой функциональной зависимости не находятся, так же, как техника сверления проуха и поперечное сечение каменного боевого топора или химический состав бронзы и спиральная орнаментация оружия. Поскольку они функционально не связаны, то если их изменения совпадают, это говорит о том, что эти изменения обусловлены одним и тем же третьим фактором (очевидно, общественно-исторического характера), и, следовательно, проверяемый ряд можно считать не случайным, не искусственным, не чисто формальным.

4. Независимые типологические элементы. Для нужд такой проверки Мальмер ввёл в археологию понятие *независимых типологических элементов*, которое стало в его методике узловым пунктом – таким же, как понятие *замкнутого комплекса* в методике Монтелиуса.

“Решающий пункт во всей теории типологического метода, – пишет Мальмер, – лежит в проблеме, которая связана с тем, что мы назвали бы взаимонезависимыми типологическими элементами. Если типологические элементы должны послужить надёжными источниками, например, по развитию керамики, то, очевидно, требуется, чтобы они были независимы друг от друга – вполне аналогично тому, как это требуют от письменных источников по истории какой-либо эпохи. Несмотря на центральное значение этой проблемы, она обсуждалась прежней наукой меньше, чем любая другая” (JS: 54).

Какие же элементы оказываются взаимно независимыми? В общем это приходится определять от случая к случаю, каждый раз отдельно. Но Мальмер все же пытается найти какие-то общие закономерности. Для этого он делит типологические элементы на две основные категории:

- 1) орнаментальные и
- 2) технические;

в свою очередь, вторая категория делится на элементы:

- а) материала,
- б) формы (типологические),
- в) размера – абсолютного (величины, пространства, объёма и веса) и относительного (пропорции),
- г) технологии (способ производства).

Две основные категории отражают две разные фазы изготовления. Мальмер считает, что поскольку способ изготовления определяет эту дурную, автоматическую зависимость, то “элементы, принадлежащие к одной и той же фазе выработки, могут быть зависимыми, другие – нет” (MP: 260). Я думаю, что это неверно: результаты предшествующей фазы могут обуславливать последующую (напр., размер, форма и материал сосуда – композицию и технику орнамента, литьё в каменных формах – резную орнаментацию), а замысел последующей может поставить задачи для предыдущей (напр., планируя краскофигурный орнамент, мастер, соответственно, позаботится о тесте и обжиге сосуда). Соответственно, Мальмер считает, что элементы одной фазы выработки в сильной степени обуславливают друг друга, особенно если имеется в виду орнаментация: “все её детали имеют определённое воздействие друг на друга. Несмотря на все различия в культурном уровне и исторической ситуации, существуют сквозные линии эстетических законов” (Ibid.). Это тоже не совсем верно: не все детали орнамента так взаимосвязаны – бывают совершенно

идентичные орнаменты, выполненные в разной технике, из одинаковых деталей (мотивов) составляют разные композиции, а наличие “сквозных линий эстетических законов” весьма сомнительно – вкусы меняются.

Дурная (в смысле: противостоящая культурно-исторической) взаимозависимость элементов внутри предмета может оказаться не чисто механической и не только технически обусловленной, а функциональной: взаимозависимы те элементы, которые служат, работают только вместе и поэтому должны быть, так сказать, пригнаны друг к другу.

Для Мальмера “ясно, что группа технических элементов особенно богата независимыми элементами. Это хорошее основание для материального исследования заняться техническими элементами в гораздо большей степени, чем прежде” (MP: 260). Ну, особое богатство этой группы связано, скорее, с тем, что Мальмер объединил в ней, собственно, все группы, кроме орнаментальной (формы, размеры, пропорции и т.п.). Если же взять собственно технику изготовления, то вряд ли она окажется в этом отношении богаче других, скорее наоборот (скажем, в керамике состав массы, примеси, обжиг и обработка поверхности в сильной степени зависят друг от друга, и только приёмы формовки почти свободны от этой взаимозависимости). Но какие-то её элементы могут оказаться взаимонезависимыми по отношению к каким-то элементам других групп (формам, пропорциям, размерам, орнаментам) и, таким образом, увеличат общее число независимых элементов, что и требуется. Не везде собственно технические элементы находятся в таком пренебрежении, как пишет Мальмер (JS: 55), но они обычно используются лишь для характеристики экономики, Мальмер же их вводит в состав ресурсов типологического метода.

5. Мальмер – продолжатель Монтелиуса. Сам Мальмер считает, что продолжает и развивает традицию, идущую от Софуса Мюллера и противостоящую традиции Монтелиуса (Ibid.).

Поводом для такого самоопределения послужила его борьба за точные дефиниции. Софус Мюллер в вопросе о дефинициях не выдвигал никаких теоретических положений, которые можно было бы противопоставить Монтелиусу и расценить как предвестники учения Мальмера. Зато теперь уже совершенно ясно, что разработкой *типологического ряда* как “центральной проблемы археологии” Мальмер продолжает и развивает традицию, идущую как раз от Монтелиуса, преобразуя и поднимая на новую ступень учение последнего. Учение Мальмера в своём рациональном (не “рационалистическом”) ядре – в вопросе о методе установления преемственной связи между типами – является новым, вторым этапом в развитии учения Монтелиуса, метод Мальмера – новой, более широко применимой разновидностью метода Монтелиуса. Если вспомнить, что Монтелиуса называли “королём археологии” (Kossinna 1922; Брюсов 1960), то Мальмеру незачем отрешиваться от такого родства, а мы можем констатировать, что в теоретической разработке типологии продолжает господствовать шведская династия. Вклад Мальмера в этом вопросе высоко ценен и чрезвычайно перспективен.

Любопытно, что прогрессивное преобразование метода здесь произведено по тому же принципу, который отмечен как главный способ осуществления теоретических революций в естествознании – путём “снятия ограничений” (ср. Кузнецов 1968). В данном случае снято ограничивающее требование непрременной опоры на внешние параллельные ряды и замкнутые комплексы (вот почему Мальмер, излагая метод Монтелиуса, не придает значения этому ограничению – для него суть метода не в этом).

Внешние параллельные ряды Монтелиуса заменены внутренним параллелизмом градации независимых типологических элементов. А что же в концепции Мальмера могло бы считаться заменой, эквивалентом замкнутого комплекса? Очень просто – целостный предмет, артефакт, вещь. Это именно то, что сцепляет соответствующие звенья внутренних параллельных рядов изменений точно так же, как замкнутый комплекс сцепляет аналогичные звенья внешних рядов.

Само по себе это, несомненно, гениальное в своей простоте открытие. Мальмер приблизился к “королю археологии” по изобретательности, доказал своё мастерство в том же деле, которым прославился Монтелиус – в типологическом методе. Но освоив и усовершенствовав формулу Монтелиуса в её структуре, расширив возможности её применения, сути этой формулы, её типологической природы он не разгадал. Не понял, что она создана для типологии, а не классификации. Собственно, и расширения её он добивался именно в ту сторону, где она работает с признаками, а не типами, где её отличие от типологических штудий менее чувствуется.

Но, так или иначе, достижение было ярким и впечатляющим.

Таким образом, то, что считалось дилетантским упрощением, формально-вещеведческим подобием типологического метода, теперь методически разработано и легализуется в науке. “Голые” типологические ряды! Освобождение от обязательности непрременной опоры на замкнутые комплексы! Можно себе представить, какую реакцию такой переворот должен был встретить у традиционно мыслящих археологов, когда даже типологические ряды, проверяемые, как полагается, по Монтелиусу, параллельностью через замкнутые комплексы, встречали у многих недоверие, начиная с первого оппонента Монтелиуса и его главного противника – Софуса Мюллера.

Уже Софус Мюллер, строивший всю хронологию на комбинаторном анализе комплексов и стратиграфии, подчеркивал контраст между *рискованными сравнениями форм* и *надёжными наблюдениями над сочетаниями в комплексах*. Форссандер утверждал: “Типологический метод в применении к археологическому материалу даёт, в первую очередь, только группировку материала, но не градацию во времени... Приблизительно достоверные хронологические результаты можно получить только из материала, упорядоченного по обобщённым сочетаниям в ком-

плексах”. Ёссинг заявил, что “никогда нельзя достичь чего-либо похожего на достоверные факты хронологического характера из чисто типологического исследования. Хронологию поэтому надо и сегодня, как и во времена К.-Й. Томсена, строить на сочетаниях в комплексах” (цит. по: РМ: 261).

6. Надёжнее замкнутых комплексов? Мальмер показывает, что Монтелиус признавал оба археологических метода установления относительной хронологии по сравнительному анализу вещей – метод градационно-типологический и метод сопоставления состава комплексов. Почему же он предпочитал первый, тогда как Софус Мюллер – второй? Мальмер на это отвечает: потому что в Дании было в десять раз больше замкнутых комплексов, чем в Швеции (Malmer 1995: 19). Но замкнутые комплексы нужны и для типологического метода! Мне представляется, что в Дании и континентальной Европе просто было больше межкультурных контактов, чем в Скандинавии, и развитие чаще прерывалось, а для типологического метода нужно именно длительное непрерывное развитие, тогда как сопоставление сочетаний в комплексах в этом не нуждается. Так или иначе, во всей Северной Европе победила периодизация бронзового века Монтелиуса, а не Софуса Мюллера.

С 1970 годов шведский археолог Бо Грээслунд стал выступать с подробными доказательствами, что и у Монтелиуса типологический метод оставался лишь декларированным, а на деле сам Монтелиус пользовался вторым методом – сопоставлением сочетаний в комплексах (Gräslund 1974; 1987). Мальмер возражает: Монтелиус пользовался обоими методами (Malmer 1995: 20). Но сравнительные таблицы Грээслунда остались не опровергнутыми.

Таким образом, всё время, начиная с атаки Софуса Мюллера до работ Бо Грээслунда, анализ сочетаний вещей в комплексах противопоставлялся типологическому методу как лучший, более эффективный и надёжный метод.

Естественно, что, коль скоро Мальмер взял на вооружение типологический метод, то, заранее рассчитывая на упорное сопротивление, он настроился на “активную оборону” – на “разоблачение” замкнутых комплексов в качестве единственно надёжной опоры. К тому же он не избежал естественного удела многих первооткрывателей и впал в явное преувеличение и абсолютизацию сделанного открытия (чего, однако, в своё время сумел избежать Монтелиус!).

Сравнивая артефакт с замкнутым комплексом по доказательной силе и потенциам служения науке, Мальмер отстаивает буквально содержанием некоторых своих формулировок равенство этих двух понятий, но другими формулировками и всем контекстом – превосходство первого.

Логическое равенство увязки по целостным артефактам с увязкой по сочетаниям в комплексах Мальмер доказывает следующей схемой. Обозначим заглавными буквами независимые типологические элементы, арабскими цифрами – типы предметов, римскими цифрами – замкнутые комплексы. Рассмотрим две возможности распределения элементов в типологическом ряду: по трём комплексам (а) и по трём артефактам (б).

а) I: 1) ABCD+2) GHJK; II: 2) GHJK+3) MNOP; III: 3) MNOP+4) RSTU

б) 1) ABCDEFG 2) EFGGHJKLM 3) JKLMNOPQ

В каждом комплексе (верхний ряд) – по 8 независимых типологических элементов и в каждом артефакте (нижний ряд) – по восемь. В обоих сцеплениях звеньев верхнего ряда (I-II и II-III) участвуют с каждой стороны по 4 независимых типологических элемента и в нижнем ряду в обоих сцеплениях (1-2 и 2-3) с каждой стороны – по 4. То, что в верхнем ряду каждое из восьмиэлементных сочетаний (I, II, III) разделено дополнительно на две четверки, не имеет никакого значения для их ценности в качестве доказательств непрерывности (соответственно – преемственно-

сти, датировки и т.п.). Логическая структура их как доказательств в обоих рядах одинакова.

“Оба ряда имеют в точности ту же самую ценность в качестве доказательства. Всё свидетельство покоится ... на независимых типологических элементах, а их силу никоим образом нельзя увеличить или уменьшить, придавая понятиям более высокого ранга большую или меньшую функцию или именуя понятия группами, типами или замкнутыми комплексами” (PM: 262).

Правда, в ряду из замкнутых комплексов при прочих равных общее количество независимых типологических элементов имеет шансы оказаться более значительным: достаточно лишь представить себе, что типы в обоих рядах состоят из одинакового количества элементов каждый (сразу же в верхнем ряду общее количество элементов удвоится). Но зато комплексы имеют и невыгоды по сравнению с типами предметов:

1) соединение элементов в них хуже гарантировано из-за возможных неточностей в раскопках, неизбежности гипотетической реконструкции сооружения;

2) это соединение также может быть и изначально не столь обязывающим, как в предмете, ибо разные вещи могли в разное время попасть в комплекс (но даже, добавим, если они попали одновременно, это свидетельствует только об одновременности каких-то этапов их использования, но не об одновременности изготовления, что ясно при соединении элементов на одном предмете);

3) наконец, замкнутые комплексы гораздо реже встречаются, поэтому вероятность хороших статистических подтверждений соединения меньше.

Принимаясь за золотые брактеаты, Мальмер напоминает о возможности длительного хранения драгоценностей в семьях и делает акцент на выводах:

“Следовательно, именно типология, а не сочетания в комплексах, составляет основу для хронологии золотых брактеатов.

Мы можем сформулировать общее правило, что сочетания в комплексах являются отличной формой фактических данных, когда надо набрасывать широкие хронологические линии, но типологический метод превосходит, когда нужна хронологическая детализация” (МР: 270).

Все аргументы Мальмера сами по себе справедливы и доказывают ценность открытых Мальмером приёмов, расширяющих возможности археологии, компенсирующих слабые стороны других приёмов исследований. Но общая картина получается сильно искажённой без учёта некоторых других соображений.

Во-первых, при обращении к комплексам общее количество независимых типологических элементов не просто возрастает, а сильно возрастает: каждый комплекс содержит обычно не 2-3 типа, а гораздо больше, причём сюда входят типы, которые в виде отдельных находок вообще не встречаются (типы сооружений).

Во-вторых, возрастает и степень независимости многих элементов именно из-за их разделённости внутри комплекса по предметам. Две четверки рассмотренной схемы содержат больше информации, чем одна восьмерка. В этом смысле в археологии сумма частей больше целого: $4 + 4 > 8$.

В-третьих, даже в рамках формального исследования (поисков пространственно-временных связей и соотношений между типами) и уже – в установлении непрерывности комплексы могут быть использованы более разнообразно, чем артефакты: кроме обслуживания типологического метода Монтелиуса (в качестве сцепителей для параллелей), они могут ведь подвергнуться обработке комбинаторным методом Софуса Мюллера-Глоба, где они сами образуют основу цепи, т.е. выстраиваются в ряд по сходствам и различиям сочетаний предметов в них. Если для метода Монтелиуса нужны комплексы, сочетающие в себе типы разных рядов (именно тех, которые надо параллелизовать), то для метода Софуса Мюллера годятся комплексы, которые содержат сочетания любых типов – даже вообще не выстраивающихся в ряды

(например, импортных, плохо дифференцированных, редких и т.п.), – лишь бы они не оказались только в одном сочетании. Сами сочетания здесь становятся звеньями, которые, цепляясь друг за друга своими схожими частями, выстраиваются в цепочку, в ряд (если сходство распространяется на большее количество звеньев, чем два “соседних”, то место в ряду определяется по степени сходств).

Кстати, именно в этом своём применении, Мюллеровском, комплексы изображены на рассмотренной выше схеме Мальмера (взят простейший случай: каждый комплекс связан только с непосредственными соседями в цепи). Схема позволяет увидеть неравноценность комплексов и типов как строительного материала для рядов непрерывности: по схеме легко понять, что ряд типов (б) возможен лишь при наличии логически единой линии изменения одной категории предметов (например, эволюция топора или функционально обусловленная вариабильность ассортимента топоров), тогда как ряд комплексов (а) может быть реконструирован и при отсутствии не только линейности измерения и однородности входящих в комплексы предметов, но и логической линии и регулярности в изменении самих комплексов. Например:

а) I: 1) ABCD+2) αβγδ II: 2) αβγδ+3) ЦШЮЯ; III: 3) ЦШЮЯ + 4) GHJK

По схеме легко также заметить, что Мальмер противопоставляет свой метод установления непрерывности, прежде всего, именно методу Софуса Мюллера, обходясь в этом деле без комплексов. В этом смысле он даже дальше отклоняется от Мюллера, чем Монтелиус, у которого комплексы всё же играли существенную роль в решении этой задачи. С другой стороны, схема показывает также, что в одном отношении метод Мальмера имеет родство и с методом Софуса Мюллера – внимание к этому методу и знакомство с его результатами сказались (так сказать, династический брак с датским владетельным домом, претендовавшим на корону). В структурном отношении типологический ряд артефак-

тов Мальмера подобен комбинаторно установленной последовательности комплексов Мюллера. Артефакты рассматриваются как сочетания признаков аналогичные комплексам – сочетаниям артефактов. Связи между артефактами устанавливаются по повторению признаков, как между комплексами, – по одинаковым артефактам. Аналитическое исследование как бы опустилось на одну ступеньку ниже – к более элементарным единицам и открыло их сложность.

Структурная аналогия с методом Мюллера позволяет надеяться, что типологические ряды предметов теперь можно будет лояльно строить по первому критерию Мальмера и при отсутствии простой регулярности изменений в ряду (прогресс или дегенерация) и выявлять более сложные рисунки развития, чего метод Монтелиуса в теории не допускал.

Наконец, если не замыкаться в рамках формально-типологического исследования, то сразу же становится ясно, что комплексы представляют нам не только больше информации, чем отдельные артефакты, и не только иную информацию, но и более сложную информацию, более ценную для реконструкции жизненных связей, социальных систем, целостного облика прошлого. Информация, полученная от комплекса, неизмеримо превосходит совместную информацию от всех входящих в него предметов, и в этом смысле в археологии целое больше суммы его частей.

Формулировки Мальмера неточны ещё в одном.

Вообще принципиально противопоставлять замкнутые комплексы (связь вещей по совместному бытованию) типам (связь по формальным сходствам) как плохую базу для исследования хорошей или наоборот – неплодотворно и даже нелогично. Что за сравнение тех и других как фактических данных, когда, бросив их на чаши весов, ожидают получить общий ответ?

Более вдумчивое сравнение требует дифференциации по этапам исследования и по аналогичным функциям в структуре ис-

следования – в чём-то логично сравнивать комплексы и типы, а в чём-то – комплексы и артефакты (предметы).

Так, если мы возьмём этап классификации, то здесь типы – основное понятие, исходное и необходимое для всего дальнейшего исследования, включая любое использование замкнутых комплексов для каких-либо общих заключений. “Приоритет” понятия ‘тип’ здесь несомненен и вообще (ср. *тип артефакта* – *артефакт*, *тип замкнутого комплекса* – *замкнутый комплекс*) и в частном варианте (*тип артефакта* – *замкнутый комплекс* = сочетание конкретных артефактов).

Если мы возьмём задачу установления типологической непрерывности (преемственности и т.п.), то в рамках типологического метода (построение рядов) логично сравнивать как функционально аналогичные инструменты исследования *замкнутый комплекс* и *артефакт* – оба скрепляют параллельные ряды изменений. Первым пользуется Монтелиус, вторым – Мальмер. Оба способа имеют свои невыгоды и свои преимущества, многое зависит от конкретных условий, от характера материала.

Однако за пределами типологического метода *замкнутые комплексы* предоставляют ещё одну возможность установления непрерывности – комбинаторным методом, которую *артефакты* ни сами по себе, ни будучи сведены в типы, предоставить не могут. В этом смысле *замкнутые комплексы* богаче методическими потенциалами в решении данной задачи, но сверх этой простой констатации сравнение становится беспредметным. Имеет смысл лишь сравнить *комбинаторный метод*, опирающийся на замкнутые комплексы, и ту разновидность *типологического метода*, которая обходится без них, т.е. *метод Мальмера*. Поскольку логическая структура выявления непрерывности у Мюллера и Мальмера одна и та же, сравнение сводится к сопоставлению основных функционально аналогичных понятий, функциональным соответствием Мюллеровскому *комплексу* является у Мальмера *артефакт*, предмет.

Правда, Мальмер связывает в ряд не отдельные предметы, а их обобщения – *типы*, но ведь и в методике Мюллера-Глоба линии непрерывности строятся на статистическом обобщении схожих сочетаний. Та же взаимокompенсация выгод и невыгод комплексов и артефактов, о которой шла речь выше, конечно, проявляется и здесь. Однозначного решения, “что вообще лучше”, и здесь нет.

Наконец, если мы захотим оценить сравнительное значение комплексов как источников по реконструкции исторического прошлого и исчезнувшей культуры, то совершенно очевидно, что, несмотря на возможность исключений, обычно комплекс в этом отношении превосходит артефакт, а выяснить, что важнее – комплекс или тип артефакта, значило бы пускаться в схоластику. Комплекс фиксирует связи предметов по их бытованию, функционированию, тип отражает связи предметов по их физическому сходству, а стало быть, по их назначению, изготовлению. То и другое важно и нужно.

Таким образом, ни осуждение типологических рядов, чтобы ограничиться комбинаторным анализом сочетаний в комплексах, ни отказ от опоры на замкнутые комплексы в пользу типологических рядов, не на пользу науке.

7. Надёжнее стратиграфии? Стратифицированные памятники Мальмер третирует из той же ревности, что и замкнутые комплексы: у тех и других одни и те же защитники, те и другие были противопоставляемы типологическим рядам. “С помощью стратиграфии результаты могут стать неприкосновенными”, – писал Форссандер. И признавая, что стратиграфия, в общем-то, очень даже полезна, Мальмер тут же выливает холодный душ на её энтузиастов. Стратиграфия может оказаться нарушенной, неверно прочитанной (пример: Пейсенский курган в Центральной Германии, в котором последовательность погребений толковалась то так, то этак – вроде как у нас в Одесском кургане). Нужны

статистические подтверждения, а их бывает и не найти. Идея построить хронологию на стратиграфических комплексах,

“по крайней мере (sic! – Л.К.), что касается Северной Европы, – это мечта, весьма далекая от реальности. Стратифицированные памятники редки, столь редки, что мало теоретических шансов встретить ту же стратиграфию повторённой в нескольких памятниках. Когда же стратифицированные памятники удаётся найти, они обычно оказываются столь сложными, что их фактические данные – в большой мере материал для дискуссий. Наконец, в тех немногих случаях, когда есть чёткая стратиграфия, разница отложения слоёв обычно столь мала, что их пригодность для хронологического исследования незначительная или отсутствует” (МР: 263).

Нет надобности доказывать, сколь тенденциозной была бы всякая попытка абсолютизировать ситуацию, складывающуюся в изучении культур боевого топора, и распространить её характеристики за её пределы, придав им более общее звучание.

Будем надеяться, что в современной археологии типологический метод найдёт себе место, применение и признание в новом варианте, не отвергая ни старого варианта, ни других методов установления относительной хронологии – комбинаторного, стратиграфического, естественнонаучных.

V. “Рационализм” против “импрессионизма”

1. Объективность исследований. Мальмер неоднократно подчёркивает, что стремится быть как можно более объективным – на это направлены все усилия. Достичь истины о том, что происходило в первобытные времена. Он с болью констатирует, что в наше время существует среди учёных *радикальный плюрализм* (обычно это называется *релятивизмом*), который постулирует, что есть много вариантов прошлого, и все они производятся самими учёными в зависимости от их этнических и политических взглядов, ориентаций и убеждений (Malmer 2002: 173).

Для иллюстрации он приводит известное высказывание пост-процессуалистов Шэнкса и Тилли: “Выбрать прошлое, создать прошлое – значит выбрать будущее. Значение прошлого – политическое и принадлежит настоящему” (Shanks and Tilley 1987: 245). Мальмер прав, констатируя, что зерно истины в этом утверждении только одно: можно интерпретировать прошлое в бесконечном количестве вариантов и судить о нём можно по-разному, но на деле было только одно сочетание фактов в прошлом. “Мы исследуем одно прошлое, не много прошлых. ...Истина состоит в том, что есть только одно прошлое, не много” (Malmer 1997: 14). И нужно стремиться открыть именно его. Это трудно. “Конечно, невозможно изложить всю правду и ничего кроме правды о первобытном времени – как невозможно проделать подобное в суде, но это именно то, что свидетели во многих странах клянутся соблюдать” (Malmer 2002: 173).

Это и есть то, к чему нужно стремиться в археологии. Если мы даже не в состоянии гарантировать истину, именно эта нацеленность “удержит людей от того, чтобы дать волю своему во-

ображению – это ведь и есть то, ради чего приносится клятва в суде” (Malmer 2002: 173). А те, кто рассуждает о “так называемой объективности” и “выборе прошлого”, на самом деле хотят провозглашать “субъективную историю, которая может оказаться эффективной в текущей политике. ...На базе скудных фактов с сомнительной достоверностью пишут о славной истории своей страны в соответствии со своими собственными политическими идеями” (Malmer 1997: 14-15). Это очень верно.

2. Терминология полярности. Как обеспечить объективность результатов, достигаемых собственными методами археологии, в частности, объективность её *типологических* (в смысле Мальмера) операций: классификаций, установления формальных соотношений между типами, картографических связей и т.п. – вот задача, которую стремится решить Мальмер.

Путь решения он видит в придании этим методам высокой логической строгости и математической точности. Он с болью констатирует, что то и другое сейчас отсутствуют. Вместо строгой логики, формально безупречных понятий и суждений, мы на каждом шагу встречаем привычно неряшливые, расплывчатые, двусмысленные формулировки и образы; вместо математически точных количественно определённых оценок – приблизительные, относительные, вообще неопределённые выражения; вместо объективно регистрируемых прочных фактов – субъективные впечатления (*impressions*); вместо доказательной аргументации и дисциплинированной эвристической работы рассудка, разума (*ratio*) – смутную подсознательную деятельность интуиции. Свою позицию Мальмер определяет как “рационализм”, противоположную – как “импрессионизм” (JS: XXXII; MP: 256).

Польгаузен заметил, что формально более логичным было бы позицию, противостоящую “рационализму” Мальмера, назвать по соответствующему антониму – *интуиционизмом* (Pohlhausen 1963); при таком сужении смысла положения Мальмера, проти-

востоящие *импрессионизму*, должны были бы получить другое название (*регистрационизм?*, *документализм?*, *объективизм?*, *реализм?*); соответственно должны были бы получить отдельные названия и другие упомянутые антонимические пары. Но так ли уж обязательно подыскивать адекватные латинские термины для каждого отдельного положения? Мальмер рассматривает свои теоретические взгляды как цельную систему, а выбор термина для общего наименования, в конце концов, – дело условное.

К тому же у Мальмера непосредственным антонимом рационализма выступает не только интуитивизм: кроме противопоставления рационалистического подхода интуитивистскому у Мальмера есть и противопоставление рационалистического понимания иррационалистическому.

“В защиту сегодняшней методической точки зрения, – пишет Мальмер, – археологи всерьёз выдвигают часто утверждение, что археология не является точной наукой. Чтобы обосновать это утверждение, ссылаются на «человеческий фактор»: археологическое исследование имеет ведь предметом продукты человеческой работы. А так как действия человека не поддаются предвычислению, то и облик первобытных предметов совершенно произволен, откуда следует, что весь археологический материал иррационален” (JS: 879).

На это Мальмер возражает:

“Совершенно верно, что образ действий и судьбу отдельного человека невозможно предсказать. Иначе, однако, складываются обстоятельства, если дело идет о группах из тысяч людей: их жизненные ожидания и будущий образ действий в основных чертах могут быть вполне точно предвычислены... Этот опыт и образует основу для археологического понятия типа. Хорошо определённый тип отражает существенные черты способа поведения большой группы людей в определённый период. *Отдельные* доисторические предметы могут, напротив, отражать не *существенные* черты ситуации отдельного человека, а только индивидуальные особенности: как он применял гребенчатый штамп или другие подобные”.

Любопытно, что эти здравые суждения Мальмера о статистическом характере и объективности общественно-исторических закономерностей совпадают с высказываниями Энгельса, прозвучавшими больше ста лет назад: “Экономическое движение как необходимое, в конечном счете, прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей... История делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей... Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил... и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие” (Энгельс 1890, 1965: 394-396).

Близкое совпадение с марксистскими положениями в этом вопросе самим Мальмером, по-видимому, неосознанно, но что это материалистическая позиция, Мальмер хорошо представляет:

“Важнейшее возражение, – продолжает он, – против тезиса об иррациональности доисторического материала, однако, следующее. Совершенно верно, что доисторический материал возникает в результате вполне индивидуальных и по отдельности непредсказуемых действий. Но по форме, в которой он теперь оказывается перед нами, доисторический материал – не нечто иррациональное, а совершенно иное. Доисторический материал – насквозь материя, он имеет вполне определённые физические и химические свойства. Пусть мы ищем разъяснение не только о материальных условиях доисторических людей, но в равной мере и об их духовной культуре. Но только исследование материальных особенностей доисторических находок может сообщить нам сведения какого-либо рода о доисторических людях...” (JS: 880).

Мальмер упоминает приводимое его противниками дополнительное доказательство индивидуальности и неповторимости доисторических находок – ссылку на то, что часто новые находки резко отличаются от предыдущих и в корне меняют наши представления. Конечно, отвечает Мальмер, наш материал – это только выборка из большой совокупности, остающейся нам неизвестной. Когда выборка мала, каждая новая находка может внести

существенные изменения в наши знания. Но с ростом выборки эта возможность резко сокращается, а нерушимое ядро сложившихся представлений становится всё прочнее и полнее. В доказательство своей мысли Мальмер рассмотрел, как изменились наши сведения о количественном распределении некоторых особенностей среди золотых бракетатов Швеции за 100 лет (1850-1950), по этапам – через каждые 25 лет (таким образом, сличению подлежало 5 спектров распределения). Количество известных экземпляров за это время возросло с 45 до 190. Порядок расположения особенностей по количественному критерию остался, в конечном счёте, совершенно без изменения: С I – II, С III – VIII, D2 – D3, B, DI, A (хотя на двух этапах B и DI менялись местами), а абсолютные количественные характеристики выделенных групп изменялись за это время очень незначительно: A – с 2 до 6,5%, B – с 9 до 12,5, CI-CII – с 13,6 до 11,5, CIII-CVIII – с 13,5 до 10, DI – с 9 до 12 и D2-D3 – с 53 до 47,5 (MP: 183-192, Abb.12). Передвижка границ между группами не превышает 4,5% выборки. Даже без статистической оценки расхождений (провести её нетрудно) незначительность их очевидна.

Польгаузен предъявил ещё один из наиболее популярных аргументов против “рационализма” и в защиту “интуитивизма”: предложив называть методiku тех, кого Мальмер критикуют, не “импрессионистской”, а “интуиционистской”, Польгаузен добавляет, что “это было бы подходящим выражением, которое тогда приобрело бы и совершенно иную оценку”, ибо согласно учению лундского же философа Ларсона, “интуиция – это как раз высшая форма интеллектуальности, и она подчинена таким же логическим законам, как и остальные мыслительные операции”. Значит, нельзя считать, что метрико-статистические приемы Мальмера – “это собственно научная методика, а интуиционистский метод – это разновидность донаучной методики... Преисторик должен владеть обоими способами работы” ... (Pohlhausen 1963: 67).

Конечно, Мальмеру не было надобности заниматься опровержением этого аргумента. Он лишь заметил: “Пожалуй, сомни-

тельно, разделяет ли современная философская наука мнение, что интуиция есть высшая форма интеллектуальности” (Malmer 1967b: 182). Точности ради, можно было бы добавить, что роль интуиции может быть весьма высокой при научном поиске, первоначальных прикидках, но ей не должно быть места в систематическом изложении и аргументации. Это азы логики науки. С этой стороны позиции Мальмера неуязвимы, и нападение Польгаузена есть покушение с негодными средствами.

3. Между логикой и интуицией. Но и позиция Мальмера представляется мне абсолютизацией здоровой идеи. Мальмер не видит ничего между строгим применением формальной логики в археологическом исследовании и импрессионистическим упованием на интуицию. Увлеченность приводит к впадению в крайности.

Мальмер не единственный, кто этого не избежал. Более чем через десятилетие после его пионерских работ начала 60 годов появился в России учебник трёх советских авторов – Каменецкого, Маршака и Шера – “Анализ археологических источников” с подзаголовком “Возможности формализованного подхода” (Каменецкий и др. 1975). Свой подход авторы назвали не совсем ладно: подход не бывает формализованным, он формализационный; формализованным может быть исследование или материал. Авторы придерживались других позиций, чем Мальмер, – более оптимистических к выявлению того, что содержится в самом материале, но об этой особенности позиции Мальмера ещё будет речь. В данном контексте интересно то, что и они делили все исследования на строго формализованные и интуитивные (здесь и далее я пересказываю содержание своей рецензии на их труд (Клейн 1977б)).

Формализация исследования – это подчинение его формальной логике и математике, т.е. уподобление его физическому и другим исследованиям в точных науках. Это предусматривает

следующее: изложение всего материала и всей методики на языке специальных знаковых систем, построение всех выводов и доказательств в эксплицитном виде согласно строгой формальной логике, выстраивание всего исследования по единому алгоритму и применение математики. Она предполагает также элементы редукционизма – сведение сложных форм существования к простейшим, разложение на элементы.

Формализация, по представлению трёх названных авторов, является единственным средством методически строгого, дисциплинированного, эксплицитного исследования. Строгость сводится к точности. Во всей книге проводится идея, что за пределами формализованного познания остаётся только интуиция – внерассудочное постижение истины внезапным озарением без всяких правил.

Авторы не замечают, что при таком упрощённом распределении всё предшествующее развитие археологии попадает в сферу внерассудочной творческой деятельности, равно как и современное состояние ряда гуманитарных наук. Им отказывается в дисциплинированности и обладании строгими методами, а результатам такого постижения – в научности. Но ведь сами формализаторы работают отнюдь не на пустом месте, а используют (и вполне правомерно) многие прочные результаты предшествующих поколений, их выводы и даже методы. Дело в том, что в науке не два, а много уровней строгости:

а) совершенные формализмы и построенные на их основе алгоритмы, работающие с точными данными;

б) так называемые полуформализованные операции, в которых формализация не достигает высшего уровня (алфавит не полон или несистематичен, правила конструирования и преобразования знаков не вполне определены и т.п. – таковы “номенклатурные списки” Ф.Борда);

в) системы строгих правил, определяющих общий курс, но

не предписывающих детально каждый шаг (таковы, например, правила процедуры исследования или формулировки стратегических принципов);

г) рекомендации рационального, упорядоченного оперирования с неточными данными. Расплывчатыми понятиями и неопределёнными ситуациями – всё ещё на уровне рассудочного извлечения нужной максимально объективной информации (таков градационно-типологический метод О.Монтелиуса);

д) интуитивные выборы наиболее целесообразных решений, ещё сознательные, но трудно объяснимые логически.

Но и это не всё. Чтобы уяснить, что интуиция – это ещё не противоположный полюс, не конец шкалы, стоит припомнить, что на конкретных решениях подчас сказываются факторы, ещё слабее детерминированные и ещё более далекие от гарантирования объективности:

е) подсознательные предпочтения (эмоциональные, социально-психологические и т.п.);

ж) случайные воздействия – удачная находка, недобросовестность сотрудников, столкновение с искусной подделкой и т.п.

Спектр широк. Нельзя ограничить рассудочные действия учёного полными формализмами (а), а всё прочее сводить к интуиции (д). На деле это означало бы отдать все эти промежуточные ступени полностью во власть интуиции и ослабить свою позицию в борьбе за всемерное повышение строгости и объективности исследования. Получается парадокс: ратуя за крайнюю строгость методов, формализаторы непомерно расширяют область полного отсутствия строгости, область недоступную для строгости. Это потому, что они придерживаются девиза: всё или ничего. Непрактичность этого девиза очевидна.

Надо сказать, что именно неорационалистическая методология побуждает к более широкому взгляду, что вполне последова-

тельно проводит Гарден во Франции. Он назвал предложенную им процедуру логистической, а не логической, чтобы подчеркнуть, что это не строгий алгоритм, а нечто более свободное. Он также указал, что не присоединяется к “сайентистской” позиции (Гарден 1983: 264-266).

4. Дефиниции. Пробным камнем в размежевании между “импрессионизмом” и “рационализмом” Мальмер считает вопрос об *определениях* типов – *дефинициях*; есть ли они вообще в каждой данной работе и, если есть, то имеют ли корректную логическую форму. “Решающий момент ... всегда в археологии – дефиниции типов” (JS: 723). Задача дефиниции – очертить чётко и недвусмысленно объём понятия, отграничить его от других понятий. “Пока нет полной ясности, какие отдельные объекты (или другие единицы) принадлежат к определённому, названному типу, до тех пор тип – понятие без точного, закреплённого значения и поэтому – мало пригодное в качестве факта, на который можно опереться” (MP: 252).

Определение, говорит Мальмер, часто путают с другими логическими операциями: *описанием* (представляющим как можно более полную информацию о понятии); *характеристикой* (выделяющей самые существенные, главные, важные в каких-либо аспектах признаки понятия) (MP: 252); можно было бы добавить – *аналогией* (приведением понятия, схожего с данным в каких-то признаках), *указанием* или *иллюстрацией* (приведением частного примера или нескольких примеров объектов, относящихся к данному понятию). Для дефиниции нужна не любая информация о понятии, напоминает Мальмер, а только *differentia specifica* (MP: 254) – то, что отличает понятие от других, очерчивает его границу.

Чтобы выполнять свои задачи, определение должно быть словесным. “Есть только один путь ограничить тип, а именно: сформулировать логически корректную словесную дефиницию” (MP: 252). “Решающий пункт в преодолении импрессионизма и

построении объективного археологического рабочего метода – это требование словесной дефиниции типов. Словесные дефиниции побуждают к ясному образованию понятий и, прежде всего, к объективной регистрации типологических элементов” (JS: 884). Для импрессионизма в понимании Мальмера характерна тенденция вообще избегать словесных определений и заменять их ссылками на изображения. Мальмер приводит бездну примеров такой прискорбной практики, начиная от Монтелиуса, которого он считает повинным в укоренении этой дурной манеры в археологии, и кончая современными коллегами, шведскими и иностранными (объектами критики Мальмер, как правило, выбирает наиболее авторитетных).

Изображение (рисунки, чертежи, фотоснимки и т.п.), конечно, содержит массу сжатой информации, которую трудно было бы заменить даже огромным количеством слов. “...Рисунок говорит больше, чем тысячи слов. Но есть одна вещь, которую рисунок никогда не может дать, – это дефиниция типа” (MP: 253). Дело в том, что рисунок не дает представления о границах типа. По самому рисунку невозможно понять, какие признаки изображенного предмета являются обязательными для отнесения к данному типу, а какие – лишь индивидуальными особенностями данного экземпляра. Глядя на рисунок, каждый составляет себе об этом мнение по своему усмотрению.

Кроме того, двух идентичных находок не бывает, и, сравнивая другие находки с рисунком, как с эталоном, читатель не в силах выяснить, какие отклонения от этого эталона остаются в пределах данного типа, а какие – исключают вещь из него (JS: 576-577; MP: 253). Если два рисунка представляют два типа, то хорошо, когда новые находки теснятся близко к тому или иному из обоих эталонов, если же они оказываются где-то посередине, то “возникает неразрешимая дилемма”, ибо не проведена граница. Рисунок принадлежит к логической категории указания (у Мальмера ошибочно: описания – JS: 254, но рисунок родственен лишь описанию данного экземпляра, а не типа).

“Посредством наших словесных определений мы проводим *границу* между типами. О Монтелиусе же можно, напротив, сказать, что он указывает *центры* типов, изображая «действительно типичные» экземпляры. Но выбор «действительно типичных» экземпляров субъективен, и он должен быть таким. Читатель при этом в широком масштабе осуждён на то, чтобы самому пытаться понять, в чём состоит типическое у изображенных экземпляров” (JS: 576-577). Редким исключением, и то не вполне удовлетворительным, был лишь Софус Мюллер (JS: 349), продолжателем которого Мальмер себя считает (JS: 55).

“Если подходить формально, то и Софус Мюллер не даёт дефиниций типов; он, другими словами, делает главный упор не на фиксирование границ относительно других типов, а на сжатое суммирование того, что мы называем составом типологических элементов каждого типа. Но Мюллеровы описания при всей их краткости столь точны и содержательны, что они служат ту же службу, что и правильные дефиниции: с их помощью в большинстве случаев можно определить новонайденный топор без обращения к рисункам (недаром многие типы у Мюллера в работах 1888-95 гг. вообще не изображены). Нечто подобное у Монтелиуса было бы немислимо – у того рисунки говорят все” (JS: 349).

Чтобы нельзя было спутать дефиницию с описанием или характеристикой, чтобы дефиниция выполняла свою роль ограничения, она сама должна быть чётко *ограничена*, т.е. выделена в тексте шрифтом или другим способом. Читателю должно быть указано, каков её состав, какие элементы в неё входят, где начало её формулировки и где конец, чтобы не было плавного перехода к перечню остальных элементов типа, из-за которого дефиниция расплывается и превращается в нечто иное (MP: 254).

5. Точность измерений. Ещё одно требование к дефинициям, вытекающее из задачи проведения чётких границ, – это *количественная* определённость параметров, цифровые указания предельных величин – абсолютных размеров и пропорций (отно-

шений), избегание выражений неопределённых в своей приближительности и относительности.

И снова единственным образцом для подражания оказывается Софус Мюллер, у которого приводилось “точное указание колебаний размеров каждого типа. О тонкообушном топоре, например, сказано: «10-46 см. длин., 3 1/2-11 см. шир. и 3/4-5 1/2 см. толщ. Чаще всего встречаются экземпляры 15-20 см длин.» ... После Мюллера ни один [из датских исследователей – Л.К.] даже приблизительно не достиг его точности”. У Монтелиуса же “данные о величине предметов почти полностью отсутствуют. О тонкообушном кремневом топоре сказано (явно потому, что данные были восприняты как анекдотически сенсационные): «длина в 40 см не является необычной; несколько – на пару см. длиннее» – и это единственное указание размера, которое о каком-либо неолитическом типе топора мы встретим...” (JS: 349).

У А.Багге дефиниция первой группы керамики Фагервика гласит: “Материал шнуровой керамики, который тверд, плотен и тяжёл, отощён обычно довольно грубой дрсевой, верхняя поверхность гладкая, не рыхлая, цвет большей частью более или менее темно-серый”. Обычная осторожная дефиниция, каких тысячи и к каким мы все привыкли, не правда ли? А вот как расценивает её Мальмер: дефиниция “построена чисто импрессионистически. Твёрд, плотен, тяжёл, обычно, довольно, грубая, гладкая, рыхлая, более или менее – всё только слова, которым можно придавать любое полюбившееся значение” (JS: 723). Где в данном случае граница между твёрдым и мягким, тяжёлым и лёгким и т.д.? Чем измерена грубость, гладкость и рыхлость? Что значит: более или менее? Можно, конечно, сравнить на глазок, сказать, который из двух черепков глаже (и то не всегда), но надо ли их на этом основании отнести к разным типам или к одному, и к какому именно? Шкала различий гладкости велика, и надо точно знать, в каких единицах она выражена и где на ней проходит граница между данными типами. Примеры подобного рода заполняют у Мальмера многие страницы.

Точные измерения размеров и пропорций, как известно, уже вошли в археологию палеолита. Мальмер разработал и широко применил методику таких измерений к тем разделам и материалам археологии, где они до того почти или вовсе не применялись. Так, он ввел *сосудный указатель* (Gefäß Index), который представляет собой наибольший диаметр сосуда, выраженный в процентах от высоты сосуда (JS: 7-8).

Равно отстоящими друг от друга воспринимаются отношения $H/2$, H и $2H$ (диаметр у крайних вдвое больше и вдвое меньше высоты, у средних – равен ей), дающие индексы 50, 100 и 200. Ввиду того, что на глаз равномерной воспринимается геометрическая, а не арифметическая прогрессия отношений (JS: 57-59, Abb.26), то для приведения интервалов между индексами и согласованию с визуальным восприятием Мальмер располагает индексы при сравнениях на логарифмической шкале 2-й степени (предлагая в качестве альтернативной возможности использовать вместо индексов их квадратические логарифмы).

Грубость и тонкость оттисков гребенчатого штампа и шнурового орнамента Мальмер измеряет числом зубцов или витков, приходящихся на 3 см длины: 6/3, 10/3, 16/3, 30/3 и т.п. (JS: 72) – знаменатель представляется мне здесь излишним, поскольку он постоянен.

Для кремневых клиновидных топоров и долот Мальмер вводит следующие измерения: длина (по продольной оси), наибольшая ширина, длина желобчатого шлифа (по средней оси), ширина и толщина в сечении (произведённом на расстоянии $1/3$ от обуха по продольной оси). Для характеристики формы Мальмер измеряет “угол узких сторон” (Schmalseitenwinkel), образуемый мысленным продолжением узких сторон за обух (если они выпуклы, то берутся касательные к средним точкам). Пропорции: относительная наибольшая ширина (выражена в процентах к длине), относительная толщина (в процентах к ширине) (JS: 354-363).

У каменных боевых топоров-молотов Мальмер измеряет поперечные сечения – *обушное* (на полпути между обухом и краем проуха) и *лезвийное* (соответственно между лезвием и проухом), он измеряет в них ширину b , высоту h и расстояние a от вершины продвинутого сбоку угла в 60° (чтобы сечение в него вписалось) до бокового края топора. При $a=b/2$ сечение является круглым, при $a>b/5$ – круглоовальным ($b>4/3$), при $a<b/5$ – остроовальным. Мальмер предусматривает возможность измерять и другие размеры, а также пропорции, в частности относительную ширину (наибольшая ширина в процентах к длине), относительную высоту втулки (в процентах к длине проуха), относительный диаметр проуха (в процентах к длине топора), обушно-набалдашниковый указатель (высотный диаметр набалдашника на обухе в процентах к его же широтному диаметру) (JS: 606), но в его работе все эти предусматриваемые измерения не фигурируют. Думаю, что этих примеров достаточно. Они показывают большую изобретательность автора. А если сам выбор и количество измеряемых параметров часто вызывают сомнения (на мой взгляд, ограничиться *сосудным указателем* для керамики – всё равно, что ограничиться черепным указателем в антропологическом анализе, – ср. Dymaczewski 1968), то не оттого, что недостаточно продуманы изобретателем (в каждом случае приводится развернутая мотивировка отбора). Сомнения возникают из-за спорности исходных принципов, диктующих отбор, но о них ещё будет речь.

6. Сформулированность. Следующее требование Мальмера к археологическим дефинициям заключается в том, что дефиниции должны включать только элементы, доступные объективной регистрации, о которых все были бы обязаны, вынуждены совершенно одинаково и уверенно сказать, есть ли данный элемент в наличии или нет, а если есть, но в различном количестве, то чтобы его можно было и измерить. В основу дефиниций нельзя класть субъективные впечатления – дефиниции получатся зыбкими. То,

что не поддаётся объективной регистрации, вообще не является типологическим элементом (MP: 257-258).

У Монтелиуса подставленные иной раз на место дефиниций краткие описания «отличаются анекдотической формой (например, «встречено несколько поразительно хорошо сохранившихся...») и оценочными суждениями (например: «этот великолепный тип», «его красивая, можно даже сказать почти классическая форма»)" (JS: 349). Но на сей раз сплеховал даже Софус Мюллер: «сказать, что один тип «изящнее», чем другой, – это жуткий импрессионизм" (JS: 584).

Но ведь объективную регистрацию проводят тоже люди, как же отличать её результаты, выражаемые в индивидуальных суждениях, от субъективных впечатлений? Для того, чтобы отличить объективно регистрируемые данные от субъективных впечатлений, достаточно поставить вопросы: какими формальными критериями определяется наличие или отсутствие такого-то элемента и какими единицами измеряется величина. Мальмер, на мой взгляд, несколько сужает возможности объективной регистрации, сводя дело только к количественным измерениям – других формальных критериев (например, типологических) он не находит. Между тем есть ли у топора проух, сделан ли сосуд из глины (или из камня, стекла, дерева) – всё это поддаётся объективной регистрации без измерений, и формальные критерии объективности здесь можно найти. Но это не принципиальное разногласие, а частная поправка.

Педантизм Мальмера не абсолютен. Можно признать, что объективная регистрация всегда принципиально возможна, измерение теоретически возможно. Но всегда ли они осуществимы практически? Мальмер признает, что не всегда. Например, совершенство оббивки поверхности кремневого топора (грубая оббивка – тонкая оббивка) существует не только как впечатление, независимо от впечатлений – это объективный факт. Но здесь нет резких качественных переломов, есть постепенность изменений

качества, а чем его измерять? Теоретически можно, конечно, найти меру, скажем, средним количеством фасеток на единицу поверхности, средней длиной фасеток, величиной отклонений реальных контуров от идеализированных, расхождением контуров обеих сторон и т.п. Но это работа невероятно трудоемкая (не забудем, что в распоряжении Мальмера было более 5000 таких топоров из Швеции и Норвегии!) и практически невыполнима (она заняла бы столько времени и сил, что не осталось бы на остальные проблемы, а их немало). То же относится к качеству шлифовки и полировки. Между тем всё это качества, по которым отличают топоры разных культур.

Перед Мальмером встала дилемма: либо, отказавшись от объективной регистрации, положиться всё-таки на впечатления, а для уменьшения субъективности создать нечто вроде жюри из нескольких специалистов (правда, «неконтролируемый элемент неопределённости" остался бы и в оценках жюри), либо отказаться от учёта данного признака топоров вообще. Многие археологи (автор этих строк в том числе) сочли бы, что совсем отказаться от первого решения было бы неразумно. Ведь во многих случаях слишком трудны для измерения именно важные опознавательные признаки археологических предметов, отказаться от их учёта в классификации – значило бы крайне обеднить материал и исследование.

Стоит ли совершенно отказываться от услуг такого сортировочного аппарата, как человек с его органами чувств и мозгом? Мы знаем, что при сложных оценочных операциях он всё ещё превосходит машину. Служба дегустации, например, достигает высоких степеней согласованности и объективности. В лице археологов мы имеем специалистов не менее высокой квалификации и тренированности, чем дегустаторы. Таблица эталонов повысит объективность определений, хотя они и останутся приблизительными. Неконтролируемый элемент можно было бы свести до минимума, отбросив при сравнении все сомнительные, промежуточные образцы и сосредоточив изучение

на полярных сериях, качественные различия которых очевидны для всех.

И самое главное: на практике во многих случаях просто нет промежуточных серий, нет непрерывности, и распределение образцов на глаз не составляет затруднений. Например, мы отличаем шлифованное парадное оружие из камня от того, которое ещё и полировано и больше блестит. Измерить это очень трудно, но рассортировать легко. Правда, в таких случаях образцы надо сравнивать и классифицировать, имея их все сразу (не по отдельности), а в изложении работы обосновать правомерность учёта и оговорить принятые меры подавления элемента субъективности. Может быть, исследование будет менее чистым. Но оно будет более плодотворным.

В принципе, как видим, реалистично было бы допустить умеренное и разумное использование первого решения. Мальмер, конечно, безоговорочно избрал второе: “Импрессионистические оценки ... никогда, ни при каких обстоятельствах не должны использоваться в дефинициях типов”. Дефиниции – только на основе объективной регистрации. Если уж так необходимо на практике учесть элементы, не зарегистрированные объективно, и приходится обратиться к импрессионистическим оценкам, то пусть это будет не в дефинициях, а на более поздних этапах исследования – “там меньше опасность катастрофических ошибок” (JS: 825; MP: 258).

7. Приоритет дефиниций. Это связано с последним требованием Мальмера к дефиниции типа: она должна предварять исследование, должна быть приведена в начале работы. “Дефиниция должна идти первой” (MP: 254). В самом деле, ведь нелогично рассматривать распространение какого-то типа, его соотношения с другими типами и т.п., когда ещё неясно, что конкретно имеется в виду, какие предметы к нему относятся, когда ещё нет его дефиниции.

Чтобы нижеследующие возражения были правильно поняты, хочется отметить, что я не только считаю эти рассуждения Мальмера сами по себе весьма резонными, но и сам выступал с подобными же рассуждениями и с вытекающей из них критикой в адрес других исследователей (Клейн 1962: 26-27), хотя и не мог поставить в пример собственную концепцию, столь развернуто аргументированную и разработанную на материале. Однако у меня имелась в виду не абсолютная изначальность дефиниций типов, культур и т.п., а лишь относительная: перед операциями с готовыми типами, культурами и т.п. должны быть даны их дефиниции, но перед дефинициями должен идти ещё один важный этап исследования – тот, в ходе которого и добываются дефиниции, тот, результатом которого они являются. Ведь надо найти такое “типологическое определение ..., которое было бы не случайным, а отражающим реально существующую археологическую общность”, а это задача и нелёгкая и весьма трудоёмкая – собственно ей и была посвящена упомянутая статья, в которой решение было лишь намечено (см. также: Клейн 1970).

Мальмер же все исследование собранного и измеренного материала начинает именно с дефиниций, изложение также. Толстый том его “Исследований” открывается своеобразным словариком – алфавитно построенным набором дефиниций, определением основных понятий, которые будут встречаться в томе. В этом наборе есть и дефиниция дефиниции:

“Дефиниция типа – перечисление отдельных признаков (типологических элементов), которые конституируют принадлежность к соответствующему типу. Может быть, дополнена перечислением таких отдельных признаков, которые дисквалифицируют предмет в отношении принадлежности к соответствующему типу. Тип хорошо определен, если нет никакого сомнения, какие отдельные предметы к нему принадлежат” (JS: XXXI).

Нет слов, словарик очень полезен, помещение его в начало тома, пожалуй, удобно, побуждает к пользованию им (не всякий

читатель справляется сразу, есть ли словарик в конце книги), но для автора тома это более, чем вопрос удобства, – это выражение принципа.

В первой главе (о керамике) сразу же после историографического обзора следуют дефиниции всех керамических типов, подтипов (*групп*), их деталей и т.п. Так же построены и все остальные главы, т.е. в том же порядке поданы все категории материала – могилы, стоянки, клады, кремневые клиновидные топоры, янтарные украшения, костяные орудия, каменные боевые топоры и прочее. Дефиниций множество, они состоят только из объективно регистрируемых элементов, тщательно разработаны и формально безупречны.

Но можно самым дотошным образом проштудировать всю тысячу страниц – и ни на одной из них не найдется ни строчки, ни намёка на конкретное обоснование дефиниций (не логикой, а фактами, не формы, а содержания). Объяснено лишь удобство, лишь способы достижения логически корректной формы. Как добыты дефиниции, чем обусловлены, чем обоснованы, почему в каждой данной дефиниции (и соответственно – в типе) набор элементов подан таким, а не иным, – это нигде не раскрыто.

Мальмеровы дефиниции обладают очень чёткими границами. Нас, однако, интересует, чем в каждом случае мотивированы эти границы, почему такая-то граница проходит здесь, а не в другом месте. Ответа не находим. И тут не упущение, не забывчивость – нет, тут принцип.

Собственно, ответ есть – один на все случаи: дефиниции произвольны. Автор вправе конструировать их по своему усмотрению, по произволу. Важно, чтобы они были составлены в логически корректной форме и из объективно зарегистрированных элементов, объём же каждой безразличен. Какой угодно. Важно, чтобы дефиниции проводили чёткие границы, а где – неважно. Где угодно. Поэтому вопрос о предшествующем этапе исследования, о добывании дефиниций путём выявления типов у Мальме-

ра снимается. Типы не открываются в материале, а создаются из него исследователем.

8. Требования к дефинициям. Прежде, чем мы займёмся подробнее этой стороной взглядов Мальмера, подведём предварительный итог разбору проблемы дефиниций. Путь преодоления субъективизма в археологии, именуемого у Мальмера “импрессионизмом”, состоит, по мнению Мальмера, во внедрении правильных дефиниций. Требования Мальмера в этом вопросе таковы:

1) дефиниции, которыми проводятся чёткие границы, должны иметься у всех типов, культур и т.п. (не могут быть заменены описаниями);

2) дефиниции должны быть словесными (не могут быть заменены рисунками);

3) они должны быть выделены в тексте;

4) должны строиться на количественной определенности параметров (избегать неопределённых выражений);

5) должны включать только элементы, полученные объективной регистрацией (избегать субъективных впечатлений);

6) должны предварять исследование;

7) они условны и должны оставаться такими (их объём исследователь устанавливает произвольно, не будучи связан какими-либо априорно существующими в материале границами и не будучи обязан мотивировать свои границы).

Общее напоминание о необходимости соблюдать логические правила оперирования с понятиями, в частности правила определённости понятий (корректными дефинициями), конечно, сослужит хорошую службу, как и детальная, часто едкая критика всевозможных прегрешений против этих правил в археологии. Но

разве только эти правила логики нередко нарушаются в наших исследованиях? ... “Если археология не придерживается законов логики, – пишет Мальмер, – то она не наука” (JS: 806). Верно. Но разве законы логики – это только правила дефиниций? Во всякой науке, в том числе и в археологии, должны быть соблюдены все правила формальной логики: и правила обращения с понятиями, и правила построения силлогизмов, законы индукции, критерии состоятельности гипотез и т.д.

Можно было бы найти немало примеров вопиющих отклонений от этих норм в работах современных археологов. Видимо, многие исследователи просто не получили в молодости достаточную теоретическую подготовку в элементарной формальной логике, не прошли дисциплинирующих ум упражнений в ней, да и не обладают ясным от природы мышлением – ведь пути проникновения адептов в археологическую науку очень разнообразны (отнюдь не все ведут через хорошую школу), а критерии отбора часто случайны и неполны. Иные остаются дилетантами, получив солидные дипломы и степени и написав десятки трудов. Есть и другие причины отклонений от строгих правил (неосознанная пристрастность, уверенность в собственной непогрешимости, усталость, спешка и т.д.).

Первые три дефиниционных требования Мальмера вполне приемлемы в этом контексте. Четвертое и пятое требования приемлемы с теми оговорками, которые были сделаны выше. Требования шестое и седьмое совершенно неприемлемы.

И главное: основная линия борьбы объективной науки с субъективизмом в археологии проходит, по моему мнению, не через дефиниции. С какой стороны располагаются позиции Мальмера на этой линии, есть смысл рассмотреть подробно.

VI. “Рационализм” против “эмпиризма”

1. Другой фронт. “Тип возникает в тот момент, – учит Мальмер, – когда для него формулируют точную дефиницию. Без дефиниции нет типа...” (JS: 881). В своём исходном капитальном труде Мальмер излагает и аргументирует эту точку зрения сугубо академично, отвлечённо.

Но уже в ближайших последующих работах он счёл нужным и в этом вопросе определить противоположное направление, окрестить его и заострить свои выводы полемически. Он указывает, что борьбу двух направлений в этом вопросе можно проследить в американской археологии – с первых послевоенных лет (статьи Дж.Форда и др.), а в скандинавской – с 1958 г. (рукопись К.-А.Муберга). На симпозиуме 1962 г. ещё раз выявилось

“столкновение между двумя научными направлениями в археологии, которые можно было бы назвать эмпиризм и рационализм. Эмпиристическое направление считает своей задачей открывать в археологическом материале априорно существующие «естественные» границы между типами или культурами; рационалистическое направление, напротив, наносит с полнейшей субъективностью границы между типами или между культурами и затем со стопроцентной объективностью изучает явления, оказавшиеся внутри этих границ. Себя я признаю принадлежащим всем сердцем к рационалистическому направлению...” (Malmer 1963a: 93).

На первый взгляд, перед нами признание вроде *mea culpa*: автор с подкупающей искренностью и очаровательным простодушием называет исходную позицию своего метода субъективистской. Такое признание тем более примечательно, что в том подходе, который Мальмер не очень удачно именуется *эмпиризмом*, мы легко опознаем то, что мы привыкли называть *материализ-*

мом, а противоположный поход – *рационализм* самого Мальмера – раскрывается здесь как то, что в марксистской философии (и не только в марксистской) испокон веку именуется *субъективный идеализм*. Непонятно только, как может серьёзный учёный сочетать признание субъективизма своего метода с выдвиганием этого метода в качестве средства борьбы за объективную науку.

Однако суть дела не столь проста.

2. Вещи и отношения. Мальмер считает, что признание собственной субъективности не равносильно пассивному опусканию рук, что оно усиливает объективность исследования, если понимать, что есть такое зло и прилагать усилия к его устранению (Malmer 1984: 264). В другой работе Мальмер так излагает смысл контroversы:

“Эмпиристическое направление видит задачу археолога в том, чтобы *открывать* типы в первобытных материалах... Подход же рационалиста, напротив, – видеть в типах не более чем условную археологическую классификацию первобытных материалов; вещи сами по себе существуют априорно, это верно, но типы не имеют априорного существования, они создаются в тот момент, когда для них формулируют логически корректную словесную дефиницию. То же самое относится и к дефинициям культур. Эмпиристическое направление считает, что, изучая распространение типов и их сочетания друг с другом в комплексах, можно добраться до «верных» границ между культурами, тогда как рационалисты считают, что каждый учёный вправе проводить эти границы, как ему вздумается.

Ну, может показаться, что эмпиристический взгляд оказывается таким объективным, каким только можно быть, тогда как рационалистический донельзя более субъективным. На деле, однако, мы имеем совсем иное положение. Эмпиристический поиск «верных» или «естественных» границ тотчас приводит к очень большому количеству пунктов, в которых просто совершенно невозможно объективно решить, что является «верным» или

«естественным», так что учёному остаётся делать субъективный выбор. Вожелание эмпириста добиться объективности, по иронии, ведёт к повторяющимся случаям отъявленной субъективности. Рационализм, наоборот, начинает с сознательного, вполне субъективного отбора, но с этой черты способен регистрировать явления, попадающие внутрь преднамеченных границ, с полной объективностью” (Malmer 1967: 376-377).

Итак, Мальмер – непоследовательный идеалист: сами вещи для него существуют априорно, только типы и культуры оказываются искусственными созданиями нашего воображения. Здесь уже заключено коренное внутреннее противоречие. Во взглядах Мальмера было бы больше внутренней логики, если бы и вещи для него были всего лишь нашими идеями о вещах, но тогда чего стоила бы вся кампания за объективную регистрацию их элементов? А коль скоро вещи признаны априорно существующими и объективно регистрируемыми в своих признаках (элементах), спрашивается, на каком основании отрицается априорность и объективная выявляемость соотношений между этими объективно регистрируемыми элементами и, следовательно, вещами? А значит, также априорность и открываемость границ типов и культур?

Оба подхода к ним содержат, по Мальмеру, субъективный элемент в основе. Разницу между «естественными» границами «эмпириста» и искусственными границами «рационалиста» Мальмер видит только в том, что субъективность первых неосознанная и потому остающаяся в научном результате, а субъективность вторых осознанная и потому устранимая из результата:

“Как эмпиристы, так и рационалисты, формулируя свои дефиниции типов, естественно, начинают с гипотезы, с попытки интерпретации фактов, с воображения конкретной преисторической ситуации. Но опасность подхода эмпириста заключается в том, что, формулируя дефиницию культуры, он считает, что «открыл» культуру и начинает трактовать это, как если бы это было фактом, а не всё той же гипотезой. Рационалист же хорошо сознает, что его дефиниция определенной культуры – не что иное как эксперимент; он интересуется, каков будет результат, интерпретация,

если он сформулирует дефиницию определенным образом. Но коль скоро он выполнил эксперимент, он обязан сформулировать свою дефиницию как-то иначе, изучить результат этого и сравнить его со своим первым экспериментом. Затем он продвигается и к третьей дефиниции, и к четвертой, и т.д. Именно в сравнении результатов открывается наиболее достоверное знание” (Ibid.).

Здесь “эмпирист” (материалист) нарочито оглушен (есть, конечно, и такие): сформулировав дефиницию, он воображает, что сразу нашёл истинные границы типа или культуры и не хочет проверять свою классификационную гипотезу. Своё первое же впечатление он возводит в ранг факта (тем самым можно ещё показать и родство “эмпириста” с “импрессионистом”). Но остаётся неясным, почему всё это должно вытекать из признания априорности типов и культур. Почему нельзя искать их границы осторожно, с рефлексией, с прикидкой и проверкой. “Рационалист” же (идеалист), по Мальмеру, изменяет свои дефиниции в ходе изучения, он продвигается через ряд предварительных дефиниций, действуя методом постепенного *уточнения и приближения*...

К чему?! К объективно существующим, априорным границам? Но их же нет – они отрицаются! К лучшему пониманию того, что ограничено искусственно? Но зачем тогда изменять дефиниции – очертания границ? А если этого требует объективное сравнение объективно зарегистрированных фактов, замкнутых в искусственные, субъективные границы, то те новые границы, которых оно требует, и есть “естественные”, объективные границы! В таком случае, почему не признать, что мы их и ищем? Поиск стал бы более целенаправленным. Но тогда пришлось бы отвергнуть право проводить границы – пусть даже первые (а у Мальмера таковы и первые и последние!) – как угодно и где угодно.

На деле все обстоит как раз наоборот. Именно идеалист (и это видно на примере самого Мальмера) не ищет, не уточняет, не “приближается”, а устанавливает свои границы сразу – и это вытекает из самой установки на субъективизм в проведении границ. Непоследовательность идеализма Мальмера, как видим, заключа-

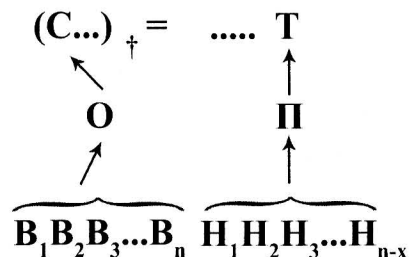
ется ещё и в том, что он хочет из субъективно-идеалистического принципа вывести объективные результаты, а это не может не привести к путанице и противоречиям.

Обвинения в адрес “эмпиризма” остаются сугубо декларативными, голословными. Мальмер достаточно тонок, чтобы это почувствовать. Отмечая свою приверженность “всем сердцем” к “рационализму”, он добавляет: “но я, тем не менее, нахожу себя не в состоянии сформулировать решающий аргумент против эмпиристической точки зрения” (Malmer 1963a). То есть против материализма.

Должен признаться со своей стороны, что я не нахожу себя в состоянии удержаться на позициях добродетельной скромности и попытаюсь сформулировать решающие аргументы против “рационалистической” (идеалистической) точки зрения. Чтобы эта попытка не показалась слишком претенциозной, я все же добавлю, что она существенно облегчается тем, что в философии этот вопрос достаточно глубоко разработан. В том числе и в советской философии, которая хотя и была ограничена марксистскими догмами, но в лучших специальных работах философы достаточно глубоко разрабатывали многие частные проблемы.

3. Наши типы адекватны – чему? Выдвигались ли прежде аргументы против принципа *искусственных, навязываемых материалу типов* и в защиту принципа *априорных, открываемых типов*? Да, выдвигались там, где дискуссия ведется уже давно, т.е. в американской археологии. Но что понималось там под *открытием типа*? Оказывается: возможность установить адекватность современного его обозначения (и понятия) прежнему обозначению (и понятию), бытовавшему у людей, которые в далеком прошлом вещами этого типа пользовались и изготавливали их (аргументацию подобного рода предложил американский археолог Чжан Гуанчжи: Chang 1967: 227-229). Иными словами, противопоставление переносилось в сферу языка и мышления,

чем искусственно усложнялась задача: удлинялась цепь взаимосоответствий. К тому же термин современных учёных сравнивался с представлением и словом людей, хоть и ближе знавших вещи данного типа, но гораздо хуже умевших “рационалистически” мыслить и строго логически обобщать. Нужна ли нам такая адекватность? Если обозначить древние вещи в их прежнем виде как В, а их находимые теперь остатки – Н, древнее (преимущественно образное) представление об этих вещах – О, а современное понятие – П, древнее обозначение (слово) – С, а современное (термин) – Т, то предлагающийся поиск связей можно передать следующей схемой:

Во многих звеньях (особенно верхних и левых) “механизм передачи” заведомо способен допустить большие искажения, нарушения адекватности, и накопление их всей цепью весьма ослабляет надежду на адекватность конечных звеньев, а ввиду того, что С, как правило, оказывается безвозвратно погибшим (†), все сопоставление становится принципиально непроверяемым, а задача – ненаучной.

Естественно, что Мальмер, аргументируя против тех, кто считает, “что дело археологов открывать типы, а именно: типы, которые сами люди давно минувших дней различали”, легко справляется с таким противником. Он ссылается и на неточность и расплывчатость обыденных обозначений (приводя в пример современные *книга, брошюра и журнал*), и на безвозвратную утерю преисторических языков (МР: 254-255). Всё это верно, конечно, но обесмысливает лишь противоречивую постановку задачи

(идеалистическую постановку материалистической задачи), подменяющую вопрос о проверке идей по вещам вопросом о соответствии между идеями.

Нас же интересует совсем другая постановка задачи: отражают ли наши понятия о типах (П) реальные связи между древними вещами ($V_1 V_2 V_3 \dots V_n$). Эта общая задача разделяется на несколько частных, вполне допускающих проверку:

1) может ли современное наше понятие о типе соответствовать реальным соотношениям в материале ($П \dots = ? \dots H_1 H_2 H_3 \dots H_{n-x}$);

2) можно ли по этим реальным современным соотношениям судить о древних, учитывая разницу В-Н и значительность величины x , и

3) существуют ли в остатках и существовали ли вообще в мире древних вещей связи, допускающие образование понятий о типах П.

4. Уступки “эмпиризму”. Очевидно, в споре с Мальмером нет нужды доказывать то, что Мальмер и так признает. Поэтому рассмотрим сначала те уступки “эмпиризму” (материализму), которые, видимо, не осознавая этого, делает сам Мальмер.

Мальмер признаёт обусловленность типа определёнными первобытными ситуациями.

“Чтобы получить параллель археологическому понятию типа, – пишет он, – мы должны, само собой разумеется, обратиться к другим наукам, которые занимаются материальными результатами человеческой деятельности. Этому отвечают нумизматика и этнология.

Что какое-то количество монет схоже с другим, т.е. принадлежит к тому же нумизматическому типу, покоится в большинстве случаев на том, что какой-то политический властитель из-

дал указ: да будет чеканиться известный тип! – и при этом точно указал декоративные и технические элементы, т.е. определил (дефинировал) тип.

Этнологический тип в лучшем случае устроен так, что известны назначение предметов и культурный уровень их носителя, его раса и язык, часто даже название, которое им (предметам) дают те, кто их применяют. Конечно, очень редко случается, чтобы первобытный тип изготавливался на основании такого указа повелителя. Но ситуация, в которой находилось производство первобытного типа, часто оказывалась столь же обязывающей, как если бы существовал форменный указ: при данных психологических, традиционных, религиозных, хозяйственно-географических или политических отношениях человек не мог вырабатывать иначе, чем это происходило” (JS: 55-56).

И Мальмер строит такую модель обусловленности производства типа:

“Можно теоретически представить себе подобную конкретную первобытную ситуацию. Сверхъестественно рефлектирующий первобытный человек думает: «Я изготавливаю сейчас предмет, который в нашем языке называется так-то и так-то. Я делаю это потому, что подобные предметы сейчас необходимы для такой-то и такой-то цели. Я формую его так, ибо мы, живущие в этой области и принадлежащие к этому слою с этими социальными амбициями, всегда делаем это так. Я наношу этот орнамент на этот предмет, потому что я при его посредстве отдаю этот предмет и себя под покровительство тех и этих божественных сил». И т.д.” (JS: 56, Anm. 87).

Отсюда подход к общей дефиниции самого понятия *тип*:

“Цель археологического исследования – стремиться к тому, что (по крайней мере, в удачных случаях) у этнолога и нумизмата дано, а именно: к познанию культурных и политических отношений. Единственное средство к достижению этой цели – это типы ... Чтобы, однако, заключить из типа, какой конкретной ситуации он обязан своим возникновением, мы должны так определить соответствующий тип, чтобы он действительно был, так сказать,

конгруентен (соответственен, адекватен – Л.К.) определённой первобытной ситуации. Поэтому дефиниция идеально определённого (идеально ограниченного) типа такова: какое-то количество предметов, которые отвечают конкретным первобытным ситуациям, схожим в существенном отношении между собой” (JS: 56).

По сути, это вполне материалистический (“эмпиристический”) подход к определению типа: связи его элементов обусловлены сходством первобытных ситуаций и, следовательно, априорно существуют, даны заранее, только не в открытом виде, и задача археолога в том, чтобы их обнаружить. Но с точки зрения строгой логики исследования, это определение ещё страдает существенным недостатком: в него введён “неконтролируемый” на этапе классификации элемент – соответствие первобытным ситуациям, которые сами ещё неизвестны, которые только через изучение типов и должны быть познаны. Мальмер это понимает.

“Дилемма археологии теперь состоит в том, что подобное идеальное ограничение типа возможно лишь гипотетически. Это наша цель – достичь знания конкретной первобытной ситуации, но мы ещё этим знанием не обладаем, когда речь идёт о том, чтобы ограничить тип, который является средством для достижения нашей цели” (JSÖ: 56).

Вот оно! Не появляется ли тут обоснование для искусственных, условных типов и для произвольных, субъективных дефиниций? Нет. Мальмер всё ещё продолжает материалистическую линию:

“Однако тут уже нет трудностей определить археологическое понятие типа: удобный к практическому применению тип состоит из какого-то количества предметов, которые устроены так, что можно предположить, что они соответствуют конкретным первобытным ситуациям, схожим между собой в существенном отношении. Единственный наличный критерий этого в том, что эти предметы подобны друг другу и, в частности, столь же по выполнению, сколь и по обстоятельствам нахождения” (Ibid.).

Любой материалист (“эмпирист”) готов принять эту формулировку за основу определения типа, но только за основу. Определение пока ещё неполное, недостаточное, ещё требуется дальнейшая спецификация, в которой и возможно расхождение – с этого пункта – между идеализмом и материализмом. С этого пункта Мальмер и покидает общую с материалистами линию и дальше движется вместе с Дж.Фордом. Пункт расхождения – именно вопрос о границах. Дело в том, что, признав априорность связей между элементами типа, мы ещё не обязаны непременно признать и априорность границ между типами: это признание

а) требуется, если сеть связей неоднородна, дискретна, имеет сгущения, разрежения и даже разрывы;

б) не требуется, если сеть связей гомогенна, образует сплошную постепенность переходов, континуум.

Вместе с Фордом Мальмер исходит из второй предпосылки. Но в работах Мальмера нигде это не находит обоснования и даже наоборот, как увидим далее, отрицается, так что для критического разбора этой предпосылки придётся обратиться к доводам Форда.

5. Модель Форда. Для доказательства принципиальной условности типов Форд строит модель. Берется коллекция сосудов различных пропорций. Их, конечно, можно выстроить в ряд с постепенным нарастанием одних признаков и убыванием других (рис. 23). Несколько сосудов из этого ряда, случайно попавшихся первыми археологам, станут эталонами для определения дальнейших находок – по близости к тому или иному из старых будет определяться тип сосудов из новых поступлений. И вот уже между ними пролегли границы типов. Окажись случайно первыми находками другие несколько сосудов – и ядрами типов станут эти другие, в иных местах пройдут и границы. Если же археолог получил в своё распоряжение сразу всю коллекцию, он вправе

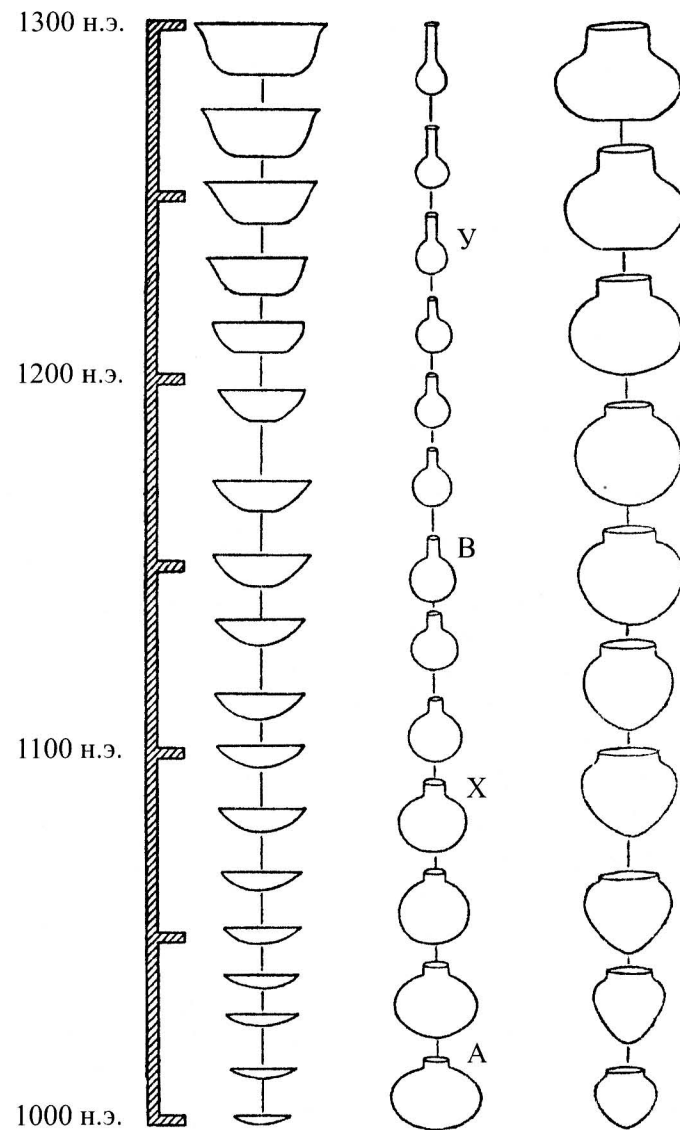

Рис. 23. Фордов ряд – постепенное изменение форм сосудов во времени, градация, условная модель (Форд 1962, рис. 16).

провести границы, где угодно, отбросив все прежние, если ему так нравится. Все они – и прежние, и новые – условны (Форд 1962).

Надо признать, что эта модель отражает некоторые ситуации, встречавшиеся в истории исследований, – отсюда её реалистичный облик. Формально безупречны и следствия из анализа этой модели – отсюда её логическая стройность. Вот почему эта модель многих убеждает (даже столь придирчивого фактолога и строгого логика, как Мальмер!). Между тем осталось недоказанным у Форда только одно (но это решает!) – что данная модель действительно передаёт характерные черты нашего предмета исследований в целом.

Форд недаром взял в качестве модели мысленную ситуацию, построил (и изобразил на рисунке) условный ряд сосудов – такой ряд, конечно, можно продолжать за края рисунка беспрельдно далеко. Если бы он взял любой реальный ряд, то какую бы длинную и ровную постепенность ни удалось набрать для рисунка, тотчас бы выяснилось, что у неё есть границы, за которые ни вправо, ни влево ряд продлить невозможно, и нет ни малейшей надежды, что новые находки когда-либо позволят это сделать в существенных размерах.

Дело в том, что в жизни реальный археологический материал, а также и та совокупность “первобытных ситуаций”, от которой он остался, а в равной мере и этнографический материал, не представляют собой подобный континуум. Конечно, вещи, орнаменты, сооружения и т.п. большей частью более или менее отклоняются от средних норм и идеалов, но чем дальше от норм, тем меньше количество случаев, а в общем варибельность всякий раз ограничена целым рядом факторов. Прежде всего, функциональным назначением: никому не удастся построить *фордов ряд* от горшка к топору и от последнего к браслету.

Ограничивающими факторами являются также этнические традиции и хронологические перемены (веяния моды и требова-

ния прогресса) – постепенные изменения во всех этих случаях нередко уступают место резким переломам, перерывам постепенности и преемственности, сменам качества. Это происходит чаще всего на границах обществ, культур, цивилизаций и т.п. и на рубежах периодов. Недаром происхождение типов и культур слишком часто оказывается такой загадкой. Даже когда типологически ниточку преемственности или синхронной непрерывности, казалось бы, можно проследить, количественный фактор вносит новые ограничения: связующие звенья оказываются именно тонкой ниточкой между двумя массивами, и статистика распределения позволяет по пикам кривых наметить дополнительные подразделения, а между ними – дополнительные границы.

Любопытно, что Мальмер-то представляет себе процесс нововведений, образования новых типов именно таким дискретным, не сводя его к постепенному, стихийному, бессознательному переползанию от старого к новому (МР: 265-266). Как это вяжется у него с признанием *фордова ряда*, непонятно. Здесь в его системе ещё одно внутреннее противоречие.

Конечно, продолжая рассекать *ряды* на части, мы в какой-то момент дойдём до такого уровня, когда впереди уже не останется практически различимых объективных оснований для дальнейшего размещения границ. То есть дойдём до такого состояния, когда все априорно существующие границы (или, по крайней мере, все доступные на данном уровне технической оснащённости) уже выявлены и то, что оказалось между ними, выглядит как куски континуума. Вот за этим моментом всякое дальнейшее дробление становится субъективным. Но это уже не вопрос об объективности основ классификации, а вопрос о пределах объективного дробления. Это не значит, что субъективное дробление вовсе отвергается – оно может понадобиться для тех или иных целей (выявить степень гомогенности данного отрезка, проследить тенденции изменения от одной границы к другой и т.п.). То есть в археологии имеют право на существование и произволь-

ные границы, и условные типы, но значение их будет временным, чисто служебным и узким, а место – сугубо ограниченным.

Таким образом, классификации, разработанные на основе “эмпиристического” (материалистического) подхода, при его разумном и осторожном проведении (осторожность везде нужна), способны весьма полно отражать объективную реальность. А классификации, созданные по принципу “рационализма”, остаются неизбежно столь же субъективными, какими запланированы в принципе, и никакими софистическими ухищрениями и выкрутасами не могут быть превращены в научные результаты серьёзного объективного значения. И вся работа, построенная на них, стало быть, оказывается условной игрой – пусть очень изящной, строгой, сложной и трудоёмкой, но игрой.

Критикуя Форссандера за “импрессионизм”, Мальмер пишет:

“Совершенно особый, огромный методический интерес, даже в основе решающий для будущего всей археологии как науки, представляет определить при этих условиях значение карты распространения (топоров типа) Vf 12. Эта карта не показывает распространение известных типологических элементов или комбинации типологических элементов, она не показывает вообще распространение логически ограниченного явления, а показывает попросту распространение боевых топоров, которые одна личность по имени Й.Э.Форссандер снабдила обозначением «Vf 12». Эта карта едва ли имеет большее научное значение, чем если бы человек с завязанными глазами наносил точки на карту; единственное заключение, которое с достоверностью можно вывести, это то, что на отмеченных Форссандером на карте местах действительно встречены боевые топоры” (JS: 583).

Однако многим ли от этой карты отличаются карты, составленные по рецептам Мальмера? В дополнение к сведениям о простом наличии топоров мы по ним можем ещё установить, что картированные топоры обладают такими-то признаками, не выходящими в своих колебаниях за рамки такого-то диапазона, но подбор этих признаков и избранные рамки диапазона остаются

субъективными, а значит, получившийся ареал – реальным, но случайным. Топоры по-прежнему оказываются собранными воедино лишь потому, что приглянулись “одной личности” – уже с другим именем; правда, эта новая личность отбирает их не в розницу, а оптом, но по-прежнему не глядя. Глаза у личности все ещё завязаны.

А поскольку весь огромный труд Мальмера построен именно на таких классификациях, то мы оказываемся перед выводом, что, несмотря на всю свою тщательность и масштабность, этот труд серьёзного научного значения в своих результатах иметь не может.

6. В защиту условных типов. Однако всё опять же не столь просто. Несмотря на несомненную искусственность и субъективность типов Мальмера, выводы, построенные на сопоставлении этих типов, все же могут отражать, хотя и весьма схематично, часть объективной истины (заведомо искажая другую часть). Тому есть три причины.

Первая заключается в том, что, хоть границы между типами проведены искусственно, без заботы о том, чтобы они отражали реальные границы, все же, если удастся правильно уловить последовательность типов, то какие-то реальные тенденции изменений, пусть очень приблизительно и обобщённо, могут быть зафиксированы этой последовательностью, несмотря на случайность и неадекватность цезур, разделивших этот ряд на звенья (ср. распределение уменьшенных днищ на керамике по типам Мальмера). Беда в том, что само установление этой последовательности может быть сильно запутано, а результат искажён искусственными неверными границами типов (типы легко загрязняются примесями элементов соседних типов, создавая искусственное родство). Ну и уж конечно, сильной опасности искажения подвергаются реконструкции, основанные на характеристике того или иного типа в отдельности.

Это можно проиллюстрировать такой аналогией (моделью). Возьмём стратиграфический разрез с чётко заметными (хотя и не всегда резко разделенными) “естественными” слоями. Археолог-“рационалист”, не желающий считаться с их наличием, разбивает профиль на искусственные слои произвольно и затем исследует содержание этих слоёв. Конечно, если его классификация достаточно многочленна, он уловит общие тенденции изменения культуры и грунта снизу вверх (и даже выразит их в цифрах), но характеристики каждого слоя в отдельности где-то случайно совпадут с реальностью, а где-то будут искусственной смесью. И, конечно, нарушения стратиграфии выявить не удастся. “Эмпирист” же, который будет исходить из надежды на то, что в профиле есть “естественные” слои и надо только поискать их, получит гораздо более достоверные и плодотворные результаты.

Вторая причина частичной объективности труда Мальмера заключается в том, что некоторую зависимость количества типов от “априорного” состава материала Мальмер всё-таки признаёт. Правда, он и в этом вопросе, прежде всего, верен своему принципу: “каждый свободен сам определять, сколь много или мало типов он различит, т.е. ему принадлежит право требовать от предметов, которые должны образовать тип, столь большого или малого подобия, как ему кажется целесообразным” (JS: 56-57). Но вот объективные критерии этой целесообразности он всё же даёт и затем жестоко критикует тех, кто не придерживается этих критериев. Предоставив своим коллегам свободу, он тут же её ограничивает.

“Целесообразность типа, – пишет Мальмер, – касается ли исследование хронологических или культурных отношений, тем выше, 1) чем резче тип дефинирован, 2) чем многочисленнее предметы внутри типа, 3) чем более независимые друг от друга элементы он учитывает и 4) чем больше та часть общего количества независимых типологических элементов, которая у всех предметов идентична” (JS: 57).

На этом основании Мальмер даёт весьма подробную классификацию для керамики (св. 40 подтипов – главным образом по орна-

ментации) и весьма обобщённую – для каменных боевых топоров (10 подтипов, поскольку, де, у них мало объективно регистрируемых независимых типологических элементов). И Мальмер обрушивается с критикой на многих своих предшественников, которые поступали наоборот.

Мальмеров перечень критериев, однако, отнюдь не идеален: первым критерием определяется не целесообразность типа, а его удобство в обращении (для Мальмера это почти одно и то же); вторым – не целесообразность, а полнота характеристики и точность определения (и один предмет может представлять тип, но наше знание типа будет очень неполным, существенные признаки отделить от случайных будет нелегко); два оставшихся критерия хороши, но нуждаются в дополнении: 1) чем больше отличия от других типов, 2) чем меньше произвольности, условности, искусственности в проведении границ.

Наконец, есть и третья причина, по которой в труде Мальмера наличествуют многие элементы объективной классификации. Дело в том, что, выбирая места для границ между типами произвольно и, как ему казалось, случайно (или придерживаясь только своих критериев “целесообразности”), Мальмер на деле подсознательно подчинялся своей интуиции археолога-практика, а она его наталкивала на объективную классификацию. Так, он не смешал в типе А боевые топоры, а отнес все топоры со втулками к следующим типам, хотя переход от наличия втулки через лёгкую припухлость к маленькой втулке и дальше, казалось бы, в принципе должен быть плавным, и не все ли равно, где провести цезуру? Однако проведена там же, где провел бы “эмпирист”. Но вот почему, скажем, в одном типе В объединяются топоры, которые отличаются от типа А либо наличием втулки, либо наличием набалдашника на обухе, непонятно. Интуиция-то ведь – дело тёмное! Но любопытно, что именно принцип “рационализма” открывает здесь дорогу интуиции. “Рационализм” смыкается здесь с “импрессионизмом”.

7. Отношение к неопозитивизму. Позже в статье “Археологический позитивизм”, появившейся в 1984 г., Мальмер признал некоторую близость своих воззрений “логическому эмпиризму”, т.е. неопозитивизму Новой Археологии (Malmer 1984). Но в неопозитивизме ему приглянулись не Гемпель и Поппер, как американским Новым Археологам, а другие философы, с более гибкими концепциями – Людвиг Витгенштейн (на которого опирался и Дэвид Кларк) и преемник Витгенштейна в Кембридже финский философ Г.Х.фон Вригт, да и этих он вряд ли знал, когда создавал свои главные труды (фон Вригт – von Wright, который в Англии был фон Райтом, стал президентом Финляндии в 1968 г.).

Один из заметных археологов Швеции, современник Мальмера Арне Юхансен (Arne Johansen) был гораздо более последовательным противником позитивизма. В своих работах 1969, 1974 и 1984 гг. он, также придерживаясь рационалистического дедуктивизма, полностью отвергал индуктивные рассуждения в археологии. Он считал, что не только типы, но и все археологические данные не имеют собственного существования, а создаются гипотезами исследователей, поскольку теория присутствует уже в их отборе, описании и определении. Поэтому объективное познание путём индукции невозможно.

“Единственный способ преодолеть тенденцию собирать всё увеличивающийся объём подтверждений уже устоявшихся теорий – это сознательно создавать новые модели человека, причём модели, отличающиеся от того, что общепризнанно. Затем мы можем надеяться открыть типы данных фундаментально новые и увидеть мир иным способом” (Johansen 1969: 26-27).

Юхансен опирался на философию Витгенштейна, а особенно на негиллистическую методологию Фейерабенда, чем приближался к постпроцессуализму. Мальмер отвергал такой негиллизм, хотя в его построениях есть существенный элемент той же линии рассуждений.

Теория Мальмера великолепно разработана, внушительна и, тем не менее, в своей основе и следствиях противоречива. Если можно регистрировать объективно характеристики вещей, то почему невозможна столь же объективная регистрация непосредственных отношений между вещами, их группирования (а ведь это и есть классификация и типология)? Принять реальность вещей и выработать методы объективной регистрации их характеристик – это требует построения объективного знания, тогда как игнорирование реальной артикулируемой структуры материала, реальных типов и культур уменьшает познавательные возможности археологии.

Мальмер сам почувствовал эту противоречивость. В 1993 г. он опубликовал статью “О теоретическом реализме в археологии”. Он увидел спасение от условности своих понятий в появившемся в 1970-е годы философском учении *трансцендентального* или *теоретического реализма*. Выдвинувшие это учение Ром Харре и Рой Бхаскар восстановили средневековое учение схоластов о реальности идей (оно было направлено против номинализма, утверждавшего, что реальны только вещи, а не слова). Харре и Бхаскар использовали соображения о реальном содержании наших понятий, выдвигавшиеся давно против чистых номиналистов. Они добавили к этому соображения о реальности ненаблюдаемых непосредственно частиц ядерной физики и заключили, что теоретические понятия реальны и сами по себе, что они в этом смысле не отличаются от материальных вещей.

В 1980-е годы молодой финский археолог Э.Мууримяки подтянул это учение к теоретическим рассуждениям в археологии, а Мальмер, подглядев эти соображения молодого финна, уцепился за теоретический реализм, как за якорь. Между тем *теоретические реалисты* упустили из виду многообразие теоретических понятий. Среди них есть ведь не только обозначения реальных, ненаблюдаемых непосредственно, а устанавливаемых по следам, но и обозначения сугубых абстракций и даже фикций, абсолютно нереальных. Поэтому попытка подвергать свои условные поня-

тия под теоретический реализм есть всего лишь схоластическая уловка. Теоретические понятия – это лишь отражение реальности, бывает адекватное, а бывает и нет.

Иное дело, что условные классы имеют и свою ограниченную функцию как инструмент деления материала с непрерывной изменчивостью, без естественных рубежей. Но это не придает намечаемым условным классам реальности за пределами классификационной работы. Это всего лишь пробы материала.

Во всяком случае, Мальмер направлял острие своих рассуждений о теоретическом реализме против неопозитивистского и постпозитивистского, а ещё больше – против пост-процессуалистского (пост-модернистского) неверия в объективность обобщений и логических выводов из археологического материала, и это главное.

8. Без теории? Признавая свою близость позитивизму, Мальмер явно расходится с неопозитивизмом в ряде позиций.

Так, одним из опознавательных признаков неопозитивизма, вполне усвоенным Новой Археологией, является тезис об отсутствии объективных фактов. Факты, по убеждению неопозитивистов, изначально нагружены теорией, поскольку их невозможно установить и зафиксировать без установления, подведения под понятия, использования терминологии, а всё это предполагает существование определённого языка, системы понятий и терминов, то есть некой теории. Если её не осознают и не признают, это не меняет самого её присутствия. Просто она проскальзывает в факт незаметно.

Мальмер же считает, что “в поле археологии существует потенциал знания нейтральный по отношению к теории и, вероятно, также нейтральный к теории язык наблюдений” (Malmer 1984: 263). Эта нейтральность и объективная ценность археологической информации доказывается тем, что одни и те же факты

могут служить для доказательства совершенно разных гипотез (Malmer 1984: 262).

М.Л.С.Сёренсен использует этот аргумент, принимая и защищая борьбу Мальмера против “априоризма” (Sørensen 1999: 779).

Между тем это скорее ещё одно положение, в котором с Мальмером согласны “априористы” – именно те, которым Сёренсен его противопоставляет, я в том числе (Sørensen 1999: 778). Оговорить нужно лишь то, что теоретические конструкции действительно присутствуют в фактах изначально, но, во-первых, их наличие может быть нейтрализовано привлечением других способов фиксации и других теорий, а во-вторых, существует возможность разработки метаязыка, описывающего эмпирические наблюдения с той стороны, с которой они не задевают никаких “больших” теоретических воззрений (Клейн 1977б: 314). Чем дальше от символических значений, от семиотики, от социальных определений, чем ближе к чисто физическим свойствам – цвету, размеру, геометрической форме и т.п., тем чище метаязык, тем свободнее он от теоретических воззрений, тем универсальнее информация, тем она “теоретически нейтральнее”, по выражению Мальмера.

Что же касается “отсутствия теории”, то сам этот тезис уже требует теории в свою защиту. Просто речь о разных теориях. Есть теории объяснительные, которые не стоит вводить преждевременно. Но есть теории, разрабатывающие проблематику описания, фиксации, классификации, – как без них обойтись? Они не нарушают объективности. Они её должны обеспечить.

Здесь Мальмер только затронул большую проблему, которая в его время уже была поставлена Уолтером Тэйлором и другими. Тэйлор ввел различие между *культурными* типами и *эмпирическими* (Taylor 1948). Эмпирические получаются обработкой наблюдений, но не содержат ничего гипотетического – и не дают представления о культурных отношениях прошлого. Культурные типы именно это и должны нам дать, но как их обнаружить среди

эмпирических? Ясно, что привнесением гипотетического компонента и какими-то операциями с эмпирическими типами. Весь вопрос – какими именно. Многие археологи разрабатывали эту концепцию дальше (я в их числе – Клейн 1977а; 1979; 1991; Klejn 1982). Ж.-К.Гарден (1983), построивший дескриптивную археологию по принципам неорационализма Башляра, предложил делить её на компиляцию и экспликацию. Из шведских археологов в этом направлении мыслил К.-А.Муберг, предложивший различать археографию и археологию. Для обозначения таксонов археографии Муберг предложил термин *археограмма* (Moberg 1969: 41; 1970: 21). Учебник дескриптивной археологии Ярослав Малина назвал “Системой аналитической археографии” (Malina 1977).

Ещё раньше линию этого разделения предложил для культурной антропологии Кеннет Пайк (Pike 1955), назвавший полюса разделения (по аналогии с фонетикой и фонемикой лингвистов) этным и эмным аспектами (*etic and emic*).

Приняв для обозначения всех таксонов, аналогичных эмпирическому типу, *археограмму* Муберга, я выделил общее понятие, соответствующее культурному типу – *археуму*. На элементарном уровне археумой является признак, археограммой – свойство (Клейн 1991а: 156-161). Затем я построил матрицу, в которой конкретным вещам разного уровня интеграции (след, фрагмент, артефакт, комплекс, памятник) соответствовали таксоны разных уровней и разных видов упорядочения: эмпирические, культурные и условные (Клейн 1977б: 313-314; 1979, 1991а: 211-219). Условные – это те, которые выделяются методикой Мальмера.

Я не отвергаю типы Мальмера, даже защищаю их (Клейн 1991а: 94-98), я лишь ограничиваю их место и роль в археологии, находя основы для их функционирования.

9. Априорность культур. Продолжая мысль, процитированную здесь в начале данной главы, Мальмер строит красивый афо-

ризм: “Без дефиниции нет типа, без типа нет типологии, без типологии нет археологии” (JS: 881). Если под археологией понимать и археологические материалы, а под типологией – и работу по выявлению дискретностей в этих материалах, то более справедливым будет обратное утверждение: без археологии нет типологии, без типологии нет типа, без типа нет дефиниции.

Схожим образом решается и вопрос о культурах. “Названия и понятия культур в целом, – пишет Мальмер, – это ведь только вспомогательные средства в наших попытках исследовать жизненные отношения первобытных людей, и не достоверно, что они (эти средства – Л.К.) всегда целесообразны, когда речь идет о пограничных случаях” (JS: 747).

Соответственно этому своему убеждению он спокойно отступает от рассмотрения материала по культурам. В частности так обстоит у него дело с аналогиями в керамике шведско-норвежской культуры боевого топора. “Диспозиция, – как констатирует он сам, – направлена в первую голову не на культуры или культурные группы. Членение в большей мере чисто географическое: общается, какие феномены автор зарегистрировал внутри данных границ” (JS: 824). Границы не избраны произвольно, в значительной мере – в соответствии с современной политической картой. Таким образом, связанные между собой и тождественные явления рассматриваются в разных разделах (повторяясь), а несвязанные оказываются в одном контексте.

Мальмер сильно упирает на то, что в отношении культур археологи обычно путают факты с гипотезами.

“Предположим, например, что мы спрашиваем: «Каковы известные нам факты относительно среднего неолита в южной Скандинавии?» Большинство археологов, вероятно, ответит: «Главный факт – это то, что имеются три культуры: воронковидных кубков, ямочной керамики и боевого топора». Охарактеризовав их образ жизни и хозяйство, возможно, заспорят: а это гипотезы или факты? «На деле же ... всё вышесказанное, даже само

существование этих трёх культур – это только серии более или менее правдоподобных гипотез, никоим образом не фактов. Ибо в распоряжении археологии нет иных фактов, кроме физических свойств артефактов и кроме обстоятельств, при которых последние были открыты...» (Malmer 1967: 373).

Далее Мальмер так раскрывает своё понимание этой проблемы:

“Центральные понятия археологии – это типологический элемент, тип и культура... Типологический элемент может быть определён только будучи выражен в известных количествах. Тип может быть определён только перечислением типологических элементов, обуславливающих принадлежность к этому типу, возможно, с добавлением перечня типологических элементов, исключающих такую атрибуцию. При том же подходе наиболее практическое понятие культуры можно получить перечислением типов, обуславливающих принадлежность к данной культуре, возможно, с добавлением перечня типов, исключающих такую атрибуцию” (Ibid., 373-374).

Но так как ареалы типов, продолжает Мальмер, обычно не вполне совпадают, то от того, какой тип (или какие типы) мы положим в основу определения культуры, будут зависеть и границы культуры, и её определение. Сколько возможных вариантов выбора определяющих типов или наборов типов, столько и определений данной культуры. “Которое же из них, в таком случае, верное?” (Ibid., 376). Выбор типов – дело субъективное, поэтому границы и определения культур произвольны. Культура – не только гипотеза, но ещё и неверифицируемая гипотеза.

“Вопросы вроде: была ли культура воронковидных кубков земледельческой? или: были ли люди культуры боевого топора пришельцами? – могут очень легко оказаться бессмысленными. Их во многих случаях можно уподобить математическим задачам, у которых нет рационального решения, просто потому что задача неверно сформулирована” (Ibid., 377).

И заключение:

“Само по себе не является ошибкой определять культуру по одному типу, хотя результаты скорее окажутся более интересными, если ряд типов включён в определение. Что важно, это чтобы были сформулированы разные определения и чтобы интерпретации, вытекающие из них, подверглись затем сравнению друг с другом” (Ibid.).

В вопросе о культурах Мальмер снова оказывается под гипнозом своей абсолютизации требования резких границ. Ход его рассуждения таков. Понятие отвечает правилам логики, если оно имеет резкие границы. Понятие реально, если оно адекватно отражает какое-то жизненное явление. Но как быть, если это жизненное явление не имеет резких границ, если границы расплывчаты (а именно так обычно обстоит дело с типами и культурами)? В таком случае понятие оказывается либо корректным в отношении логики, либо реальным. Чем-то надо жертвовать. Мальмер сознательно жертвует реальностью в угоду логике. *Vivat justitia, pereat mundus*. Он надеется, что эти оторванные от реальности понятия, произвольно сформированные, но очень удобные в обращении (как рамки для измерений), где-то потом найдут путь к отражению реальности через “сравнение друг с другом”.

Но зачем сравнивать понятия? Вероятно, чтобы выбрать более близкое к истине. А где критерий достоверности? Его Мальмер не даёт. Нет у него такого критерия. Надежда повисает в воздухе.

Конкретные археологические культуры – это гипотезы или факты? Вот как раз неверная постановка вопроса! Это и то, и другое: факты, установленные археологами на основе объективной регистрации, и гипотезы, которые должны эти факты систематизировать. Классификационные гипотезы. Культуры скрытно содержатся в фактах и открываются через гипотезы.

Будем исходить из того, что сам Мальмер признает фактами: “физические свойства артефактов” и “обстоятельства, при которых они были обнаружены”. Можно ещё добавить, что Маль-

мер признаёт дискретный характер изменения этих физических свойств и обстоятельств.

Очевидно, что если всё это факты, то и отношения между ними (формальные (сходства и несходства), пространственные, контактные и др.) тоже факты, объективно регистрируемые вместе с первыми.

Другое дело наши представления об обеих категориях фактов. Ведь представления о первой категории фактов вполне могут оказаться ошибочными из-за мизерности сохранившейся информации, неточной регистрации, подсознательного субъективного искажения и т.п. Но многократное повторение работ, связанное с ростом информации, улучшением качества регистрации, критикой субъективизма, совершенствованием формальных методов контроля над ним и т.п., приводит к устранению колебаний, к стабилизации представлений, которые практически достигают уровня простой констатации фактов. Представления, так сказать, совпадают с фактами. Но абсолютного совпадения чаще нет. Шанс на дальнейшее уточнение, пусть очень слабый, обычно всё же остается, гарантировать, что достигнута абсолютная истина, мы можем редко. Мы можем лишь сказать, что шанс на дальнейшее исправление столь незначителен, что практически с ним можно не считаться.

То же самое происходит и с представлениями о второй категории фактов. Практика новых открытий является пробным камнем выдвинутых классификационных гипотез. Если новые открытия дают большей частью те же сочетания типов и на тех же территориях, которые предусмотрены гипотетическими понятиями культур, то эта гипотетичность всё более и более слабеет, и данные археологические культуры практически также достигают уровня констатации фактов. Несомненно, все три культуры, о которых говорит Мальмер, уже достигли этого уровня – отсюда общее согласие об их наличии. Да и сам Мальмер на практике вынужден считаться с наличием этих трёх культур.

10. Культуры без чётких границ. Что же касается границ культур, то они в реальности действительно большей частью остаются расплывчатыми, и возникает проблема, как адекватно отобразить такие культуры в понятиях, которые бы подчинялись правилам формальной логики. Проблема эта вовсе не является неразрешимой.

Прежде всего, необходимо отказаться от уверенности в том, что логичными являются только понятия с резко очерченным объёмом – количественно определённые. В науке есть много логических операций, в которых количественная определённость не требуется и понятия вроде 'ночь', 'день', 'лето', 'зима', 'детство', 'старость', 'нация', 'поселение', 'археологическая культура' правомерно фигурируют без резко очерченных границ: анализ противоположностей, отделение существенного от несущественного в содержании понятий и т.п.

Во-вторых, не стоит забывать о возможности условного нарезания временных границ в тех случаях, когда требуется количественная определённость. Надо лишь, чтобы эти границы сохранялись во всех взаимосвязанных операциях с данными понятиями, но не абсолютизировались и не идеализировались. Обычно свобода в нарезании таких границ не слишком велика, так как узкие пределы, в которых возможен этот произвол, обусловлены зоной реальных несовпадений типов, конституирующих культуру: странно было бы залезать искусственной границей в область прочного совпадения этих типов, где нет места для сомнений в атрибуции любого комплекса к данной культуре.

В-третьих, резонно было бы учесть перспективу замены одного понятия археологической культуры системой взаимосвязанных, взаимно координированных и субординированных понятий, способной в целом отразить разные стороны столь сложного явления действительности, как археологическая культура – и его дискретность, и его расплывчатость (Клейн 1970б, 1991а: 190-208, 342-395). Ядром системы окажется понятие, отражающее зону

прочного, постоянного сочетания типов, – у этой зоны достаточно резкие, статистически определяемые границы. Другие понятия отобразят “переходную” зону взаимодействия этого сочетания с другими, отобразят её общие границы и разные стороны убывания взаимной коррелированности типов – все эти рубежи также поддаются статистическому определению.

В своё время появились лингвисты, отрицавшие существование языков на том основании, что на карте нет абсолютного совпадения всех изоглосс. Теоретически эти экстравагантные спекуляции могли быть сколь угодно изошрёнными и изящными, но на практике все признают всё же наличие конкретных языков, хотя и спорят иногда об их границах в тех или иных пределах расхождения. Науку, которая не замечает конкретных языков, как и такую, которая не замечает конкретных культур, мы должны признать слепой (за исключением тех случаев, когда сознательное отвлечение от их конкретности само становится исследовательским приёмом).

Итак, типы и культуры – это факты археологии, а наши представления о них – не просто факты и не просто гипотезы, а гипотезы, приближающиеся к фактам по асимптоте.

Примитивный, механистический, догматически-консервативный материализм готов преувеличить степень близости гипотезы в каждый данный момент к уровню реальных фактов, готов и вовсе игнорировать, что асимптота даже своей верхней ветвью не совпадает вполне с линией этого уровня.

Рационализм Мальмера абсолютизирует удалённость гипотезы в каждый данный момент и всей асимптоты вообще от уровня фактов. Оба течения фиксируют исследование как статический момент.

Наиболее толковые из материалистов-диалектиков (а среди них были и такие) акцентировали внимание на динамике исследования, на движении гипотезы по этой асимптоте и реалистич-

но оценивали ход верхней ветви асимптоты как теоретически свободный, но практически во многих случаях совпадающий с уровнем фактов. Степень близости этой ветви к уровню фактов определяется характером фактов (полнота сохранившейся вообще части информации). Быстрота движения гипотезы по асимптоте – методикой исследований. Обе установки, фиксирующие статику исследования, – и механистический материализм, и рационализм Мальмера – не ускоряют это движение. Чтобы ускорить движение, его надо осознать.

11. Культура и идеология. Последняя монография Мальмера “Неолит Южной Швеции” (Malmer 2002) имеет подзаголовок “TRB, GRK, and STR”. Это сокращённые обозначения культур: культуры воронковидных кубков, культуры ямочной керамики и культуры боевого топора. Книга завершается маленькой главкой “Понятие археологической культуры” (с.183-184). В этой главке Мальмер констатирует, что скандинавские археологи ныне избегают термина *культура* и вместо него предпочитают употреблять термин *традиция*. Мальмер сожалеет об этом: термин *культура* нужен в археологии.

Но вот как он это доказывает. Сопоставляя понятия ‘культуры’ и ‘традиции’, он исходит из странного представления, что термин *традиция* означает “кратковременное поведение”, тогда как *культура* – долговременное, устойчивое (с.183). До сих пор археологи исходили как раз из долговременности *традиции*, противопоставляя её *горизонту* – кратковременному, но широко распространённому комплексу находок (см., например, Rouse 1972). Кратковременная традиция – это молодой старик или долгий миг. Культура отличается от традиции не временем существования, а шириной охвата. Термином “традиция” археологи обычно обозначают длительное употребление какого-то типа, стилистического элемента, технического приёма. Когда несколько традиций вместе проходят сквозь ряд этапов существования некой культуры

или нескольких культур, американские археологи говорят о *контрадиции*. В сущности, *археологическая культура* – это контрадиция, охватывающая все сферы жизни. В любой дефиниции *археологической культуры* участвует устойчивое сочетание типов.

Но именно этого Мальмер не может принять, потому что его культура определяется одним типом, произвольно выбранным.

VII. От типа к периоду

1. Ещё о требованиях к дефиниции. Рассматривая дефиниционные требования Мальмера, я несколько из них обошёл, так как их удобнее рассмотреть теперь.

Эти требования таковы:

8) дефиниции должны быть столь полными и ясными, чтобы не оставалось сомнений в принадлежности вещи к тому или иному типу (JS: XXXI, 576-577);

9) дефиниции должны быть настолько взаимоисключающими, а границы столь резкими, чтобы вещь не могла относиться одновременно к двум смежным типам (JS: 584-586);

10) в своей совокупности дефиниции должны покрывать весь наличный и возможный материал данной категории, не оставляя каких-либо объектов вне учёта и вне сформулированных определений (в соответствии с этим последнюю группу в классификациях Мальмера обычно составляют одиночные, плохо сохранившиеся и т.п. объекты, не поддающиеся более ясной сериации и детерминации и потому не вошедшие ни в одно из предшествующих определений) – им все же отведено место в классификационной схеме (JS: 5).

2. Вопрос о переходных формах. Вместе взятые, эти требования в определённом смысле могут быть сведены к одному: отвергается возможность трактовать какие-либо объекты как промежуточные между смежными членами типологического ряда, как связующие звенья, как переходные формы.

Критические замечания Мальмера обращаются, прежде всего, на Глоба: предложенное этим исследователем деление топо-

ров на группы “противоречит законам логики. А именно: Глоб говорит недвусмысленно ..., что во многих случаях – дело вкуса, к которой из 2 или 3 групп отнести известный топор... Это означает, что тот, кто использует Глобову систему групп, понуждаем к произволу” (JS: 750).

Мальмер приводит высказывание Глоба о том, что при классификационной детализации “из немногих и ясных типов получаются многие, границы между ними размываются, так что весь материал становится живым и отражает нечто от линий развития, которые ведут от старших типов к младшим”. Размытые границы! Это непереносимая вещь для Мальмера. “Таким образом, – иронизирует он, – Глоб думает, что если кому-то не удалось провести чёткую границу между старшим и младшим типами и потому не известно достоверно, к которому из них отнести новонайденный топор, то это означает, что прослеживается развитие от старшего к младшему типу, что материал становится «живым». Это уязвимый тезис. Истина, разумеется, в том, что путаница понятий никогда не может привести к чему-либо хорошему, она всегда – зло” (JS: 586).

Голландские типологи Ван дер Ваальс и Глазберген следовали за Глобом: “По нашему мнению, – писали они, – было бы неразумно пытаться заморозить в жёсткой типологии живой и гибкий процесс, который отражён в развитии голландских колоколовидных кубков”. Ирония Мальмера поднимается до уровня сарказма: “Этот тезис о том, что есть, де, археологический материал, который оказывается таким «живым», что его не надо обрабатывать «объективными методами», конечно, порочен в основе” (JS: 837).

Сам Мальмер не без основания связывает своё неприятие расплывчатых границ с отказом от “естественных” типов.

“Утверждение Глоба, – объясняет он, – явно покоится на идее, что типы – нечто априорно существующее. Есть точно столько типов, сколько изготавливали в первобытные времена; если

границы между двумя типами кажутся текучими, то это покоится на том, что промежуточные формы изготовлены скверными камнерезами или скорее такими, которые жили в переходные периоды и не знали наверняка, какой тип они хотят изготовить. Вероятно, нет смысла считаться с априорно существующими типами. Если же, несмотря на это, есть желание так поступать, то, тем не менее, необходимо формулировать чёткие определения и проводить ясные границы между типами. Будущее, быть может, покажет, что граница проведена неверно (внутреннее противоречие у Мальмера: с чем же сопоставить условный тип для проверки? – Л.К.), что естественнее было бы отодвинуть её на шаг в ту или другую сторону, но при всех обстоятельствах остаётся в силе, что чёткие, хотя бы и неверно проведённые границы дают объективно работающей науке бесконечно лучшее средство, чем нечёткая граница, которая построена на столь ещё сильном субъективном впечатлении” (JS: 586).

Разумеется, при условном нарезании границ между типами незачем делать эти границы расплывчатыми. А если уж придется все же какой-то экземпляр под самую-самую черту, то так его и обозначить, не пытаясь определить, к которому из двух типов он больше тяготеет (поскольку вряд ли удастся найти объективный способ такого отнесения).

“Очень достойно сожаления, что Штруве следует примеру Форссандера и в своём каталоге комплексов перенимает импрессионистическое обозначение гибридов, например, «тип (В)С3», при котором тот из главных типов, коему данный топор меньше подобен, заключён в скобки ... Логически более приемлемо, напротив, обозначение «тип В/С3» где не сообщается, что данный топор подобен одному типу более, чем другому” (JS: 589).

3. Аналитическая классификация против типологии вещей. Однако такой подход к обозначению промежуточных форм между условными типами, не говоря уже о переходных между “естественными” типами, получает какое-то логическое оправдание лишь в том случае, если разделение материала на типы произ-

водится только по одному критерию, по одной категории признаков. В противном случае может оказаться, что границы признаков разных категорий (скажем, формы и орнаменты) у многих конкретных экземпляров не совпадают, т.е. границы дwoятся, расплываются.

Чтобы спасти резкость границ типов, необходимо отказаться от комплексности *differentia specifica* в дефинициях. Именно так и поступает Мальмер. Несмотря на всё внимание к независимым типологическим элементам, на прослеживание параллельности их изменения, на учёт этой параллельности при построении типологического ряда, Мальмер забывает о ней тотчас, как только принимается за выделение типов (точнее не доходит до неё: ведь всё начинается с дефиниций типов) и почти все его *группы* (керамики, топоров и прочие) являются звеньями однолинейных рядов изменений (недаром он и именует их *группами*; они, по его мнению, не заслуживают ранга *типов*; вся керамика этой культуры один тип (JS: 4).

В огромном труде Мальмера, где керамике отдаётся предпочтение перед топорами и хронология строится в основном на керамике, мы в сущности не найдём типов сосудов. Отдельно дана классификация типов доньшка, отдельно – классификация технических элементов орнамента, отдельно – классификация мотивов орнаментации доньшка и отдельно – классификация типов украшения тулова. Последняя объявлена основной. Прослежены параллелизмы и взаимозависимости в изменениях этих показателей (корреляционными таблицами), но нигде не сделано даже попытки найти постоянные преимущественные сочетания этих показателей, т.е. выделить типы не доньшек или узоров, а сосудов в целом. Формы сосудов, их размеры и пропорции вообще в классификации не учтены.

“Интерес к элементам пропорций (у Глоба – Л.К.) весьма похвален, – допускает Мальмер, – но, спрашивается, являются ли элементы пропорций подходящей основой для дефиниций ке-

рамики, когда для этого есть к услугам орнамента” (JS: 771). Чтобы отделить шнуровую керамику от колоколовидных кубков в Европе, “вполне очевидно, надо исходить из орнаментики, а не из формы сосуда, S-овидный кубок даёт лишь слабые, трудно регистрируемые вариации форм, орнамента же, напротив, всегда ясна и позволяет сравнительно легко выразить себя в словах” (JS: 825). (А как быть с различием между кубками с выделенной шейкой и банками, не говоря уже об амфорах и чашах?). Отвергая классификацию Чайлда вместе с прочими, Мальмер делает оговорку: “Но инициатива Чайлда имела хоть одно хорошее: целесообразная система группировки для британских кубков должна, без сомнения, опираться именно на орнаментiku, а не на формы сосудов” (JS: 851).

Поскольку в труде самого Мальмера классификация керамики, по сути, подменена классификацией керамической орнаментики, мы находим у него объединёнными в одну *группу* (т.е. подтип) огромную корчагу и полусферическую чашку (E:1 и E:2), или бомбовидный сосуд и плоску (G:1 и G:2), или банку и круглодонный сосуд (H:1 и H:2), или высокий сосуд со сплошным поддоном и круглодонную чашу (J:1 и J:2), или высокий сосуд с S-овидным профилем и плоскую низкую чашечку (J:3 варианты 2 и 3), или баночный сосуд и круглодонный сосуд с выступающими плечиками (K:1, вариант 1 и K:2, вариант 3). Резкие различия форм бросаются в глаза.

Мальмер критикует классификацию Глоба, вменяя ему в вину произвольное распределение сосудов по типам А и В (и соответственно размещение этих типов на карте): перемерив лично сосуды в датских музеях, он нашёл, что, если исходить из намеченного Глобом деления по высоте и сосудному указателю, сосуды распределятся иначе и не дадут поляризации на карте (JS: 769-771). Однако у Глоба общие пропорции и размеры – не единственное различие между типами А и В: учитываются ещё и выступание ножки (у А – всегда, у В – необязательно), устойчивость сосуда (у В дно относительно шире), относительная вы-

сота шейки (у В меньше). Если бы Мальмер посетовал только на то, что этот комплексный критерий классификации не оформлен должным образом, сохранен в интуитивном виде, а также применен не вполне чисто (не отделены вполне типичные экземпляры от имеющих лишь некоторые признаки типа, от промежуточных форм), то с критикой можно было бы согласиться. Но Мальмер видит причину произвола в самой комплексности.

Иными словами, Мальмер осуществляет и отстаивает главным образом *аналитическую* классификацию керамики, не переходя от неё к *таксономической* классификации. Точнее, один из вариантов аналитической классификации искусственно выдвигается на роль таксономической классификации, без внутренней оценки аналитических типов по силе и количеству их связей с другими аналитическими типами. Классифицируются лишь отдельные элементы, а не их сочетания. На уровне *материального исследования* у Мальмера анализ явно превалирует над синтезом. Всё расчленено, разъято на элементы и большей частью оставлено в разобранном виде. Вот уж поистине *аналитическая археология!* Исследовательская практика Мальмера больше других заслуживала бы этого названия.

Любопытно, что, признавая преимущества орнаментики над формами керамики в деле классификации, автор книги “Аналитическая археология” Д.Кларк в другой своей работе заметил: “Но лучшей из всех альтернатив, конечно, был бы анализ, интегрирующий форму, мотив, стиль, тесто, обжиг, сочетание в комплексе находок, распространение и т.д., и т.п.” (Clarke 1967: 180).

Несколько иначе подходит Мальмер к классификации топоров. Типы рабочих топоров выделены на основании корреляции наибольшей ширины с “углом узких сторон”, а типы боевых топоров – на основании интуитивной корреляции плана с формой поперечного сечения обушной части и деталями рельефа (набалдашник, втулка, ребро – First). Польгаузен называет эту классификацию шведских боевых топоров (как и кубков) “не лучшей

из возможных, но лучшей из наличных” (Pohlhausen 1963: 67). Так ли? Разве что для шведских памятников. В ней не учтён профильный контур топора, который после закрепления топора на рукояти был наиболее заметен для любого зрителя, определяя собою общее эстетическое впечатление от топора. Он (профильный контур) не случайно хорошо коррелирует с разными культурными и хронологическими показателями у Глоба в Дании. Классификация Глоба, несмотря на меньшую логическую выдержанность, явно превосходит классификацию Мальмера: она более адекватна материалу.

Однолинейность классификации существенно ограничивает возможности открывания “естественных” типов в материале (игнорируя указания корреляции) и затрудняет установление преемственности (маскируя взаимоналожения и промежуточные формы).

4. Деление на периоды. Такой же однолинейно-аналитический подход, как и деление эволюционно-типологического ряда на типы, Мальмер применяет и к делению всего хронологически расположенного материала (всего потока культурных явлений, в частности типов) на периоды. И это тоже связано у него с неверием в существование реальных “естественных” периодов, в наличие дискретности в развитии – Мальмер признаёт только условные периоды, и практически задача периодизации сводится для него к отысканию способов наиболее удобного и резкого разделения потока явлений условными цезурами. Понятно, что критерий такого деления должен оказаться однолинейным: ведь “естественные” или даже “искусственные”, но независимо намеченные цезуры в разных линиях могли бы и не совпасть. Чтобы период наполнить многосторонним содержанием, придется спроецировать эти границы из одной линии на остальные линии развития.

Где вариабельность велика, – учит Мальмер, – “единственный практический путь – построить гипотетические периоды, кото-

рые, конечно, можно называть и стилями. Эти периоды, или стили, могут только таким образом получить содержание, что будут перечислены встречающиеся в них элементы орнаментального искусства (перечень этот по необходимости должен оказаться очень длинным) или посредством эстетически-искусствоведческой характеристики (эта характеристика по необходимости должна оказаться очень общей)” (JS: 4).

Отождествление стиля с периодом, эпохой, восходящее к Винкельману и в общей форме справедливое, в настоящее время не годится для конкретного исследования: оно оказывается недостаточным, так как исключает анализ борьбы стилей внутри периода и особенно на стыках периодов, анализ локальных, этнических и классовых стилей и т.п. Ввиду этого недостатка отпадает и понимание стиля как суммы всех элементов орнаментального искусства данного периода – оно слишком широкое (зачем всех?) и слишком узкое (почему только орнамент?). Вряд ли столь безнадёжна перспектива разработки объективных методов эстетических определений. Но дело сейчас не в этом. Какой же выход предлагает Мальмер?

“В научном языке под стилем можно понимать либо совокупность или сумму всех типологических элементов, либо сочетание определённого количества субъективно избранных, ясно дефинированных типологических элементов... Единственно практическое определение стиля – второе из упомянутых” (MP: 272).

Монтелиус всегда указывал все типы, принадлежащие к одному периоду. Но, возражает Мальмер, производство типов никогда одновременно не начиналось и не кончалось. “Единственно верный путь определения хронологического периода – установить, что он начинается с появления в определённом районе определённого типологического элемента или определённого типа (и оканчивается с началом следующего периода)”. Ещё лучше, если типы, определяющие периоды, “принадлежат к одной и той же серии” (MP: 265).

Таким образом, Мальмер предлагает с произвольно выбранного типологического элемента начинать новую фазу в опреде-

лённой линии изменений какой-то стороны или детали данной категории вещей, с такой фазы одной из линий начинать новый тип, а с одного из типов начинать новый период – и всё по произволу исследователя. В конечном счёте однолинейная шкала делений его типологического ряда переносится на весь поток культурного развития и становится периодизацией. Конечно, эта периодизация условна, и, конечно, она противостоит “естественной” периодизации, требующей, как верно заметил Б.Альмгрен, “достаточного количества схожих комплексов, соответствующих стабилизированному производству, без изменений”, скажем лучше, без существенных изменений.

У Мальмера на это готово возражение: для него противопоставлять эти шкалы – это всё равно, что отвергать точное указание времени (“сейчас 12 минут одиннадцатого”) только потому, что “время никогда не стоит на месте и стрелки часов постоянно ходят по кругу” (MP: 264-265). Но ведь деление суток на 24 часа заведомо условно, противопоставить его “естественному” делению просто невозможно: такого нет. А вот станет ли Мальмер утверждать, что безразлично, сколько суток числить в лунном месяце и солнечном году?

Когда-то уверенность в отсутствии дискретных частей развития, в постепенности и ровной непрерывности была отличительной чертой натуралистов (эволюционизм). Сейчас и они развивают учение о *гомеостазе*, *уровнях организации (уровнях интеграции)*, *точках необратимости* и т.п., иными словами, о скачкообразности развития. Не увидеть подобных же явлений в культурном развитии очень трудно.

5. Продукционные диаграммы. Однолинейность периодизации облегчает Мальмеру задачу определить сравнительную длительность периодов по внутреннему критерию – не обращаясь к геологической мощности слоев (к “геологическому масштабу времени”, как это называл В.А.Городцов) и к другим подобным.

В XVII в. Олоф Рудбек из Уппсалы предлагал нечто подобное. Он изобрел измерительный брусок, которым полагал возможным определять по толщине слоя почвы (отложения над погребальными сооружениями) возраст находок (рис. 24):

“Поскольку около четырех тысяч лет прошло со времени Ноева потопа до современности, а за это время общее покрытие почвой, накапливающейся на поверхности земли, ... не выросло более чем восемь или девять дюймов, я соответственно придумал меру, разделённую на десятые доли, и эту меру я использовал постоянно; она так разделена, что пятая часть соответствует тысяче лет, а десятая – пятистам” (цит. по: Klindt-Jensen 1975: 31).

Ноев потоп сейчас представляется неважным пунктом отсчёта, равномерность накопления тоже под сомнением, и Клиндт-Йенсен посмеивается над этой “фантастикой” Рудбека.

Открытое Мальмером средство, однако, аналогично “геологическому масштабу времени” Рудбека, только как бы перенесённое в археологический материал: мощность слоёв здесь заменяется количеством накопившихся археологических находок. Однолинейность периодизации упрощает сравнение и подсчёты.

“Новый хронологический метод, который здесь должен быть испытан, базируется на изучении продукции производства (Produktion). В долгом споре, плававшем между теми исследователями, которые придерживались мнения, что можно работать типологическим методом, и теми, которые считали, что результаты можно получить лишь от стратиграфии и комбинации комплексов, понятие продукции производства фактически было предано забвению. Стратифицированные памятники и замкнутые комплексы обладают доказательной ценностью вовсе без оглядки на то, обычны ли типы, которые в них выступают, или необычны, и типологический ряд можно выстроить без оглядки на то, сколько экземпляров от того или иного типа в ряду известно. Изучение же продукции производства направлено полностью на то, что этими другими методами упущено, а именно: на число предметов каждого отдельного типа” (JS: 93).

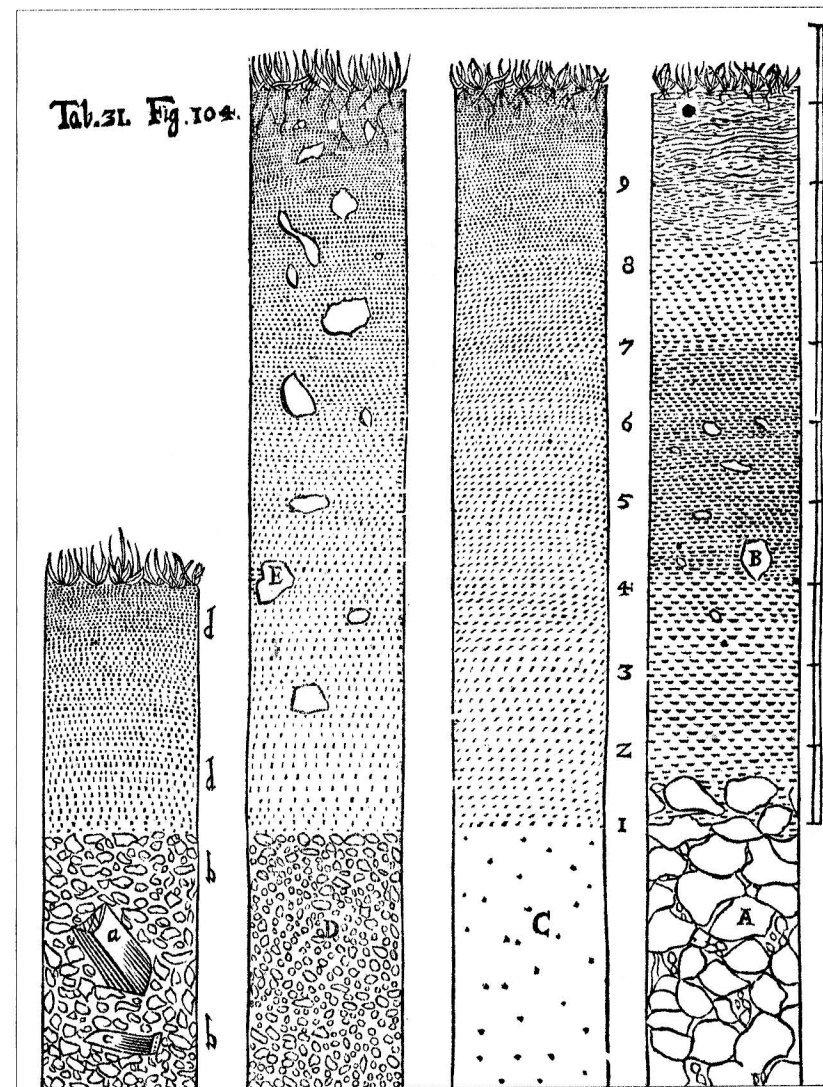

Рис. 24. Принципы измерения абсолютной хронологии по Рудбеку. На профилях показаны отложения, а сбоку – измерительная рейка (Schnapp 1996: 202).

И Мальмер строит *продукционные диаграммы*, в которых сопоставлены количества предметов каждого из типов в ряду, послужившем однолинейной основой периодизации. То есть сопоставлены по количеству экземпляров все типы одного ряда, легшие в основу выделения периодов (прежде всего, конечно, в керамической орнаментике). Чем больше экземпляров данного типа, тем, по Мальмеру, дольше существовало их производство и тем длиннее был определяемый этим типом период.

В “Исследованиях по развитому неолиту” он строит много диаграмм для керамики и топоров (рис.25-26), в “Методологической проблеме” – для золотых брактеатов, в “Хорологическом исследовании” – для петроглифов (рис.27). Во всех случаях смысл состоит в сравнении продукционных диаграмм разных регионов Швеции. В каких-то получается больше длительность ранних типов, в других – поздних. Это обстоятельство служит для Мальмера основанием для рассуждений о продвижении типов из одного региона в другой. Где длиннее доля раннего типа, там, по Мальмеру, развитие задержалось, и поздние типы появились позже, чем в первом регионе.

Совершенно ясно, однако, что, несмотря на импонирующие аллюзии к важности производства и необходимости учёта количественной стороны (кстати, они все-таки учитываются в статистическом подходе к классификации), *продукционный анализ* Мальмера разделяет все недостатки с *геологическим масштабом времени* Городцова – недостатки, из-за которых этот *масштаб* не привился в науке. Дело в том, что в обоих методах количество накоплений зависит не только от длительности, но и от других факторов – интенсивности, сохранности и т.п., а они тоже могли изменяться. Для правомерности же того и другого метода необходима уверенность в постоянстве этих остальных факторов.

Мальмер это понимает. Он признает, что условиями состоятельности *продукционного анализа* как метода определения сравнительной длительности периодов являются несколько допущений:

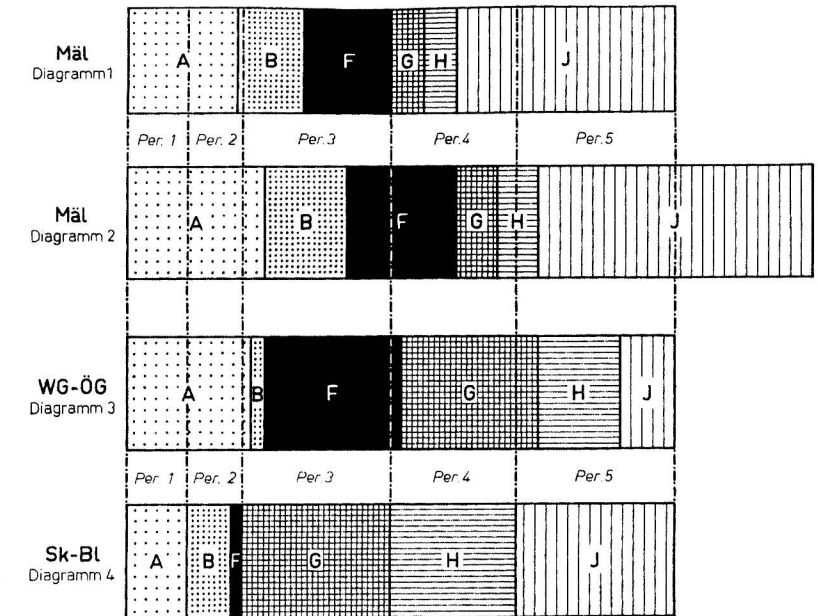

Рис. 25. Продукционные диаграммы керамики шведско-норвежской культуры боевого топора для четырёх областей Швеции – с севера на юг: от Меларн до Сконе – Блекинге (Malmer 1962, Abb. 31).

1) что число сохранившихся экземпляров обоих сравниваемых типов составляет одинаковую долю действительного древнего количества;

2) что оба типа изготавливались с равной и постоянной интенсивностью.

Каждое, в свою очередь, состоит из двух допущений: первое – а, б, второе – в, г. Итого четыре:

а) что в обоих случаях действовали одинаковые обычаи помещения данных предметов в землю (в погребение, клад и т.п.);

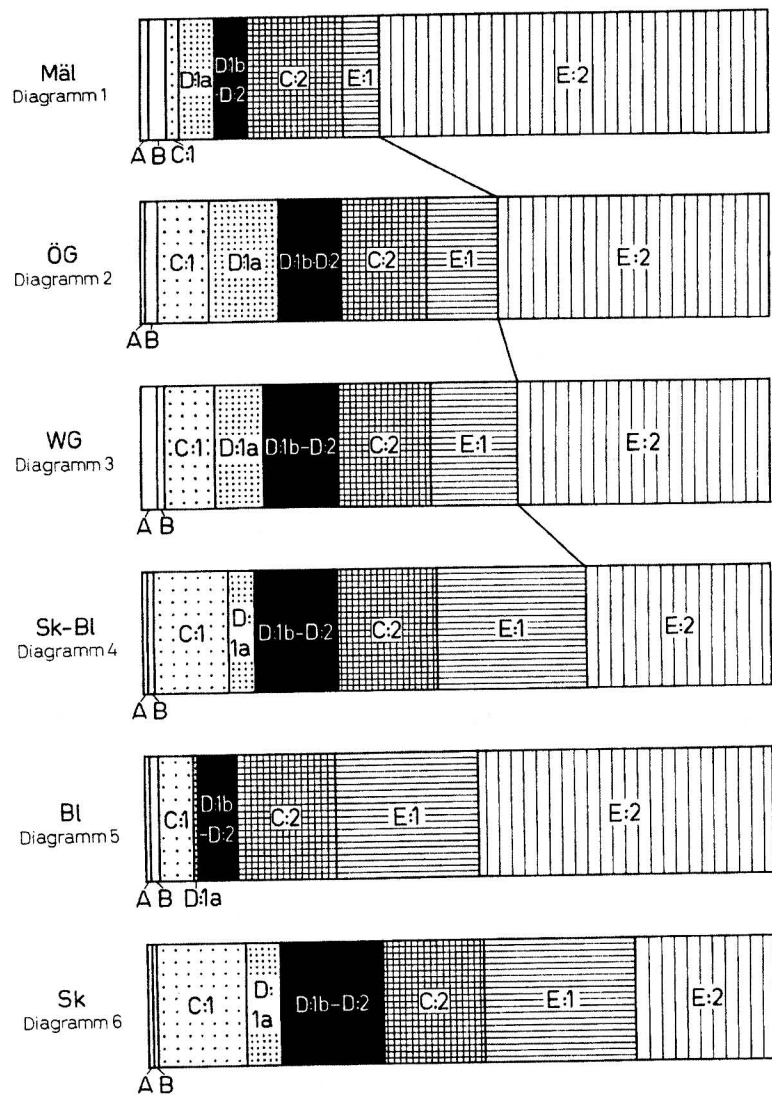

Рис. 26. Продукционные диаграммы боевых топоров шведско-норвежской культуры (Malmer 1962, Abb. 114).

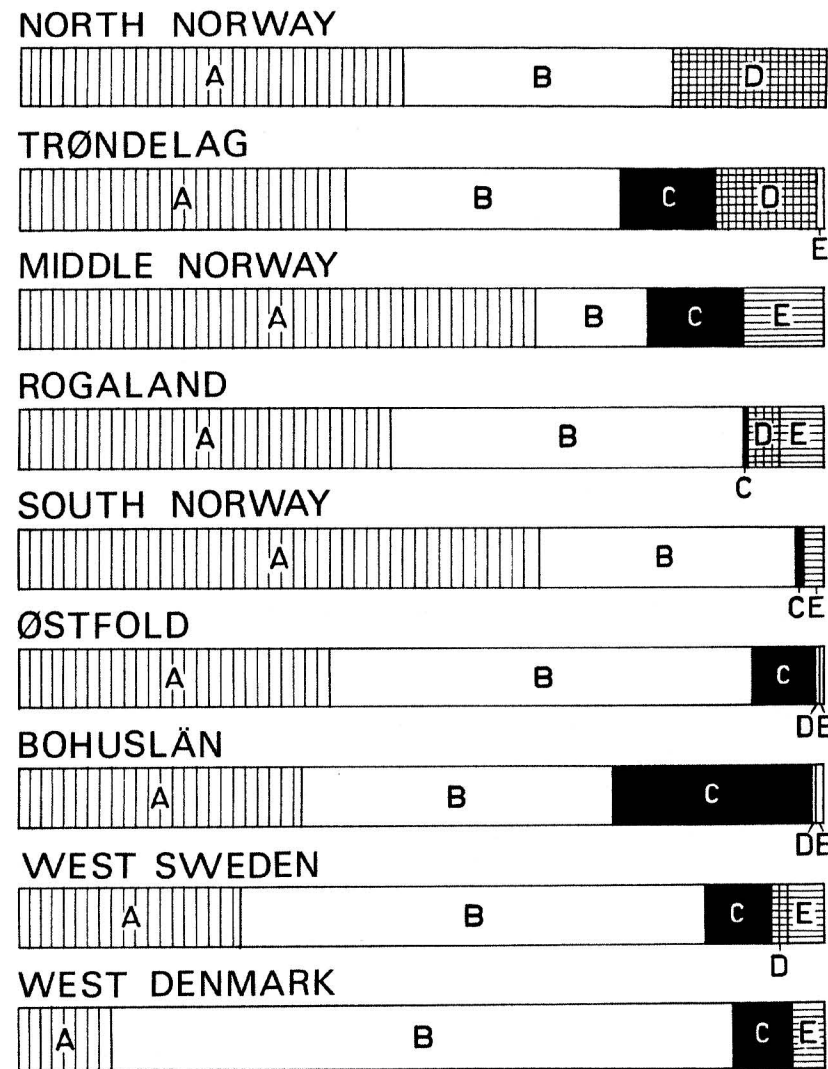

Рис. 27. Продукционные диаграммы ("частоты") изображений кораблей в девяти западных ареалах Скандинавии: от Северной Норвегии до Западной Дании (Malmer 1981, fig. 7).

б) что в обоих случаях условия обнаружения оказываются близко схожими;

в) что потребность в данных предметах была одинаковой и постоянной, а следовательно, нормы производства (количество изделий в единицу времени на человека) были такими же;

г) что оба типа производились популяциями одинакового размера, а следовательно, и абсолютная интенсивность производства (общее количество изделий в единицу времени) оставалась одной и той же.

Мальмер оговаривает ограниченность области приложений своего метода *продукционных диаграмм*, но отстаивает возможность выявления таких, пусть ограниченных, участков, где вышперечисленные условия соблюдены, допущения правомерны и метод приложим.

Из этих четырёх допущений первое (а) Мальмер считает оправданным в тех случаях, когда речь идёт о периодах одной культуры. Подтверждение второго (б) допущения (“контроль над одинаковостью условий обнаружения”), по мнению Мальмера, вообще “не составляет теоретической проблемы, а лишь требует труда и точности” (JS: 94). Третье (в) допущение реализуется, если мы находим тип предмета, который оказывается общим для обоих периодов и к тому же имел одно и то же значение для людей обоих периодов. Такой категорией предметов Мальмер считает керамику, близкими к ней по значению – боевые топоры. Наконец, четвёртое (г) допущение весьма вероятно, если сравниваемые типы принадлежат одной культуре и занимают один и тот же ареал.

При всём том в отношении интенсивности производства “никогда не может быть достигнуто что-либо большее, чем простое предположение, что она была постоянной” (JS: 94). Но в дальнейшем исследовании, полагает Мальмер, не раз возникают возможности проверить, так ли это, поэтому можно предпринимать анализ, исходя из этого допущения.

На деле, однако, соблюдение всех перечисленных Мальмером условий не гарантирует реализации всех четырёх его допущений: и обычаи помещения предметов в землю могли измениться в рамках одной культуры, и обстановка обнаружения – не единственное условие одинаковой степени сохранности, а полного тождества обстановки вообще не бывает, и потребность в одном и том же предмете изменялась вместе с изменением хозяйства, и густота населения не оставалась постоянной в одной культуре и одном ареале.

Кроме того, само диахроническое значение типов, их однолинейная последовательность и возможность служить чистыми индикаторами периодов – тоже ведь не что иное, как допущение, которое Мальмер не включил в свой перечень! Где гарантия, что в каждом периоде существовала только одна норма, один эталон, один тип данной категории, что все типы строго следовали друг за другом, не взаимоналагаясь? В ряде случаев мы не знаем, сигнализирует ли количественно незначительный тип о коротком отдельном периоде или этот тип сосуществовал полностью или частично с другим, совместно с ним удовлетворяя общественную потребность в вещах данной категории.

Изъятие типов, центры производства которых лежат в других районах, не спасает положения: во-первых, где бы ни было их производство, они заполняют функциональную потребность в районе их обнаружения; во-вторых, не все количественно незначительные типы являются импортом: вполне вероятно существование параллельных тенденций развития той же орнаментики в одной среде в одно и то же время – родоплеменных и семейных предпочтений, длительного переживания старых традиций, многократного возникновения новых (из коих некоторые существовали недолго, оставались слабыми, подавленными), пока не наступала окончательная победа одной из них.

В ходе исследования Мальмер вынужден вносить поправки в свои *продукционные диаграммы*.

Первая существенная поправка вытекает из наличия комплексов с совместными находками смежных типов керамики. Стало быть, типы взаимоналагались во времени, частично сосуществовали. Мальмер изображает это, сделав на своих усовершенствованных диаграммах рубежи типов не прямыми, а скошенными (рис. 28). Чтобы рассчитать угол наклона рубежа, Мальмер подсчитывает по наличной выборке, какая доля керамики данного типа оказывается в совместных комплексах с керамикой смежного типа. При этом он определяет отдельно минимум и максимум, которыми и будут фиксированы оба конца наклонной линии.

Процентное содержание комплексов с керамикой обоих типов относительно общего числа комплексов данного типа даёт минимум, относительно общего числа многососудных погребений данного типа – максимум. Однако попытки определить наклон линии, вычислениями, исходящими с обеих сторон, приводят к разным результатам. Приходится ещё вычислять средний наклон. Само это различие говорит о несовершенстве исходных рассуждений для поправки, прежде всего – допущения однолинейности ряда: ясно, что поправкой не все отклонения компенсируются.

Вторая существенная поправка потребовалась из-за выявившихся противоречий с принципом постоянства интенсивности производства. Построив в “Исследованиях по развитому неолиту” *продукционные диаграммы* для юга Швеции (Сконе и Блекинге), Мальмер обнаружил постепенное “удлинение” периодов (поздние типы в общем оказались гораздо более обильно представленными в материале, чем ранние). Это может иметь двоякое объяснение: либо периоды действительно всё удлиняются, либо периоды остаются одинаковой длительности, а возрастает интенсивность производства.

По Мальмеру, первое невероятно. Он ссылается на искусствоведов (Альмгрен, Паульсен), которые считают, что смена стилей происходит с каждой полной сменой поколения, т.е. при-

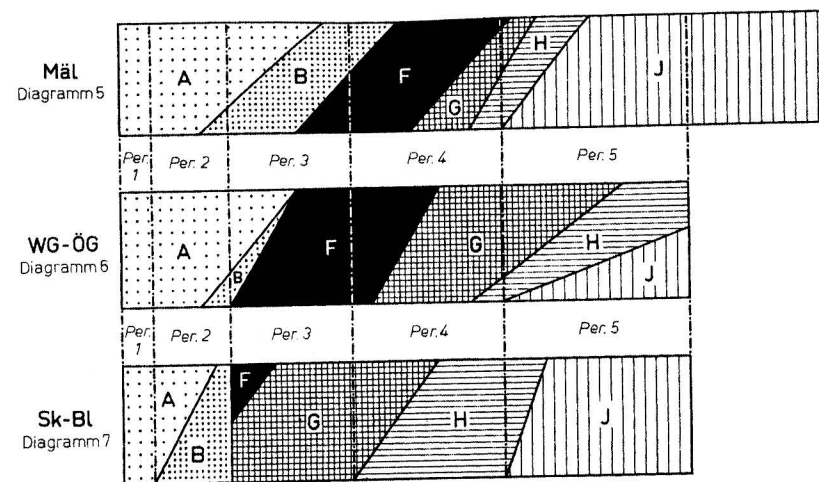

Рис. 28. Продукционная диаграмма керамики шведско-норвежской культуры боевого топора, приспособленная к относительной хронологии (Malmer 1962, Abb. 32).

мерно один раз в 30 лет, стало быть, с постоянной регулярностью. Зато производство керамики должно возрастать (из-за прироста населения, увеличения богатств, расширения территории). И Мальмер изменяет конфигурации своих диаграмм. Он заменяет параллельные рамки расходящимися (рис.29) с тем, чтобы при сохранении прежней площади под обозначением каждого типа (всё возрастающей от ранних к поздним типам) хронологические отрезки, занятые ими, оказались одинаковыми.

Таким образом, он вводит новые допущения. Между тем ни регулярность и равномерность увеличения производства керамики, ни хронологическое равенство периодов не гарантированы. Скорее всего, изменялось по-разному и то, и другое: интенсивность производства керамики могла возрастать, могла падать, могла оставаться одной и той же (как и численность населения); смена керамических стилей могла происходить с регулярной рав-

номерностью, но могла ускориться (например, при усилении контактов, миграциях, местных изменениях природной среды, социальных сдвигах и конфликтах), могла и замедляться (при победе

консервативных элементов, ухудшении условий жизни, ослаблении общества, выдвигании на первый план других проблем или других категорий материала).

Лучшим доказательством этого служит, во-первых, то, что увеличение количественного состава типов в Сконе-Блекинге наблюдается лишь в общем, а при детализации оказывается, что керамики В меньше, чем А, а F меньше, чем В, и Н меньше, чем G. Во-вторых, в других провинциях, даже в целом, наблюдается противоположная картина: в Гёталанде – уменьшение от А к J, а в Меларском районе – от А к Н (а здесь очень обильно представлен).

Продукционные диаграммы Мальмера чрезмерно упрощают действительный процесс развития культуры и не могут служить основаниями для объективных выводов о периодизации культуры. Таким образом, и с этой стороны периодизация Мальмера не выдерживает критики, оставаясь искусственной и неплодотворной.

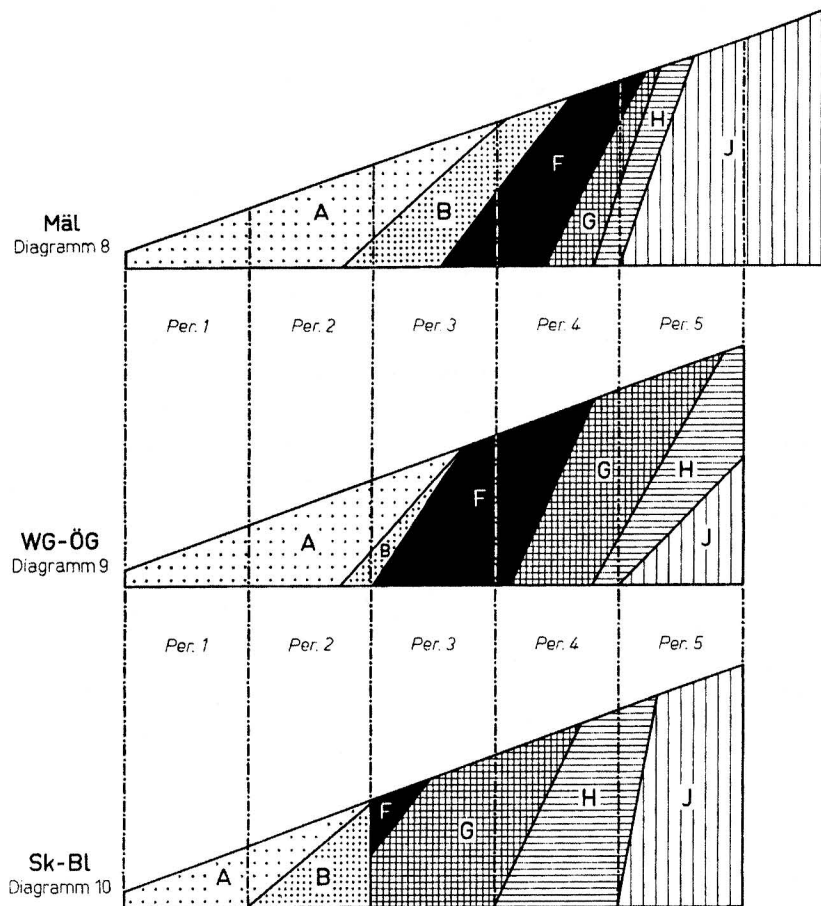

Рис. 29. Продукционная диаграмма керамики шведско-норвежской культуры боевого топора, приспособленная к абсолютной хронологии (Malmer 1962, Abb. 33).

VIII. Миграция или автохтонность?

1. Предвзятые идеи и миграции. До сих пор нами рассматривалась система методических приёмов Мальмера. Обобщая, я говорил о методе Мальмера. Но адекватность метода предмету не возникает автоматически, она обусловлена и ограничена наличием соответствующей теории. Нетрудно заметить, что основной вопрос, на который отвечали все сменявшие друг друга общие теории археологии – эволюционизм, миграционизм, диффузионизм, теория стадильности и т.д. – это вопрос о характере, причинах и источниках смены археологических явлений, грубо говоря, о происхождении типов и культур (Клейн 1975).

Не раз утверждалось, что типологический метод покоится на идеях эволюционизма. Однако идея эволюции провозглашалась создателями метода чисто декларативно, на деле эволюция подразумевает прогресс, а какой прогресс в развитии фибул? Функционально совершенная застёжка была создана в виде простой смычковидной фибулы, всё дальнейшее развитие шло по линии деградации функции под воздействием эстетических запросов. Создатели метода применяли идею градации. Типологическими средствами они устанавливали преемственность, которую использовали для установления хронологических и генетических задач. Это были задачи, нужные диффузионистам.

Диффузия может осуществляться разными средствами – миграциями или культурными влияниями. Часть из диффузионистов для объяснения новых явлений нуждается в миграциях, инвазиях, вторжениях нового населения, часть предпочитает культурные влияния, трансмиссию идей.

Основатель типологического метода Монтелиус, как и его соперник и противник типологического метода Софус Мюллер,

отводил важную роль диффузии, принимая девиз “ex Oriente lux”. Но он не увлекался миграциями. Типологические ряды, идея непрерывности потока изменения – всё это не очень вяжется с массовыми миграциями как причиной изменений. С востока постулировался именно “свет” – новые знания, новые приёмы производства, новые типы вещей.

Естественно было бы ожидать, что возрождение этих традиционных методических приёмов связано с каким-то возрождением также связанных с ними теоретических взглядов.

И действительно, мы находим у Мальмера резкое отрицание миграций – нет, не вообще, а конкретно: в скандинавском неолите. Но ведь “вообще” миграций не отрицали и самые крайние сторонники *повсеместной автохтонности* (они признавали ряд исторически засвидетельствованных миграций), так же, как “вообще” автохтонного существования не отрицали и самые яростные миграционисты. Различие обычно проявлялось именно в подходе к объяснению неясных случаев – какая гипотеза держалась наготове, какое объяснение “тянули” за собой применявшиеся методические приёмы (и из каких идей они вытекали), какие возможности объяснения игнорировались или недооценивались, к какой гипотезе применялись более строгие критерии проверки, а к какой – более либеральные. Наконец, какие случаи усиленно изучались, а какие не привлекали внимания. Это что же, предвзятые идеи? Мальмер утверждает, что у него не было предвзятого отказа от миграций.

В одном отклике на рецензию Мальмер признается, что начал все исследование, имея как раз иную цель: выяснить, откуда пришли в Скандинавию носители культуры боевого топора. Пришлый характер этой культуры был для него столь несомненным, что принимался за исходный пункт исследования. И только в ходе исследования выяснилось, что никаких свидетельств миграции нет.

“Таким образом, у меня не было при работе никакого предвзятого мнения. Или вернее: у меня было предвзятое мнение, но я от него отказался” (Malmer 1965b: 200).

У нас нет ни малейших оснований сомневаться в искренности этих слов. Но кроме осознанных предвзятых идей, бывают неосознанные предвзятые идеи. Первое мнение покоилось на доверии к работам предшественников. Это была предвзятая идея, и она осознана. Второе, противоположное, возникло при соприкосновении с фактами. Ах, не только фактами! Ведь факты, чтобы оказать такое воздействие, должны были подвергнуться какому-то анализу, какой-то интерпретации, а вот тут-то вполне могли сказаться новые коллективные убеждения: о том, что миграционизм – это дурное наваждение, что миграции бывают крайне редко, что сейчас несовременно постулировать миграции! Мальмер постулирует это так: “В обществах с низким уровнем техники массовая иммиграция и военная экспансия на большие территории бывает редко, хотя иногда и случается” (Malmer 2002: 17).

Это действительно массовое поветрие именно послевоенного времени в Западной Европе и Америке.

В Советском Союзе было всё наоборот, такое убеждение господствовало в 30 годы, и советские идеологи археологии исходили в истерике, разоблачая западный буржуазный миграционизм. В послевоенное время пластинка в этом патефоне повернулась другой стороной: советские археологи бросились в миграционизм. А на Западе как раз в это время не без влияния марксизма в археологии стало модным исследовать внутренние социальные корни культурных сдвигов и отвергать миграции как слишком простые объяснения (Klejn 1977).

Это тоже неосознанные предвзятые идеи – не о данном конкретном явлении, а о целых классах подобных явлений. Не эти ли идеи, скрывшись за фактами, побудили исследователя признать прежнюю, наглядно предвзятую, идею неверной, причем ему показалось, будто на это его толкнули только сами факты?

Некоторые скандинавские ученые считают, что у исследователя есть только один путь преодолеть предвзятые идеи – осознать их. Для этого рекомендуется изучать источники своих идей

(Gjessing 1968; Klejn 1968). Эта позиция усиленно пропагандировалась “критической теорией” франкфуртского марксизма (Адорно и др.) и от него перешла к постпроцессуалистам в археологии. Имеется в виду устранять идеи всякий раз, как только они будут опознаны самокритикой как предвзятые. Такая работа могла бы принести пользу, но сам по себе этот путь не гарантирует от заблуждений.

Кстати, предвзятые – ещё не значит: непременно неверные. Предвзятые – значит: незаконные, неоправданно ограниченные и односторонние в своих объяснительных потенциях, преждевременно утвердившиеся. Более того, ведь предвзятые идеи могут уклонить в сторону и само самопознание. Этот способ не даёт объективного критерия оценки идей – он меняет только знак субъективного критерия с плюса на минус. В итоге он способен завести исследователя в такой омут многостепенной рефлексии, из которого трудно выбраться.

Есть другой путь преодоления предвзятости – как собственной, так и других исследователей. Это стремление всегда рассматривать предвзятые идеи на равных правах с другими, противоположными (а также вообще всеми принципиально возможными). Это означает развивать и обогащать логический механизм и содержательные источники многостороннего поиска возможных объяснений. Сюда входит также и требование разрабатывать и упрочивать объективные, формально строгие критерии оценки состоятельности гипотез, так сказать, проверочные пункты, которые каждая не могла бы миновать на пути легализации. Это даёт хорошие ориентиры для личной инициативы, а также основу для дискуссии и коллективной проверки.

Несомненно, что субъективно Мальмер устремляется именно по этому пути. Насколько ему это удалось, должны показать его решения конкретных проблем. В данном контексте эти решения будут интересовать нас не сами по себе, не в плане познания таких-то памятников и культур, а только в своей обусловленности

теоретическими установками исследователя и в своей связи с его методическими приёмами открытия истины и гарантирования объективности.

2. Аргументы миграции и контраргументы. Софус Мюллер диффузионное объяснение влияниями к генезису ютландской культуры боевого топора не применял, он считал эту культуру принесённой в Скандинавию с европейского материка мигрировавшим народом. Т.Арне и другие перенесли это объяснение и на шведскую культуру. Аргументы Софуса Мюллера и его последователей сводятся к следующему:

1) хронологические и картографические сопоставления: культура боевого топора появляется на позднем этапе существования мегалитической культуры воронковидных кусков и располагается сначала по соседству и на части ареала туземцев, а позже расширяет свою территорию за их счёт;

2) типологический состав: обе культуры сильно различаются своими основными типами;

3) образ жизни носителей новой культуры говорит об их подвижности и воинственности (наличие боевого топора, небольшой размер могильников, отсутствие поселений, овцеводство при слабости или отсутствии следов земледелия);

4) прямые следы вторжения (на датских островах мегалиты заполнены скелетами, т.е. использованы полностью, а на Ютландском полуострове – полупусты: их функционирование прервано);

5) свидетельства продвижения: древнейшие типы концентрируются на юге.

Мальмер с большим трудолюбием и изобретательностью собирает данные, противоречащие этим утверждениям.

1. Наложение ареалов. Его карты говорят о значительном, хотя и не полном, совпадении ареалов обеих культур в Швеции (в Ютландии оно меньше). Сосуществование новой культуры с поздней старой опровергается: старая культура сохранилась только в изолированных глухих районах и на Датских островах. Если принять эти выводы Мальмера, то обязывающая сила первого аргумента сторонников миграции исчезает, но и противоположная версия не становится неизбежной: смена культур могла произойти любым способом.

2. Сходство типов. Мальмер, как и Оберг, находит общее сходство между типами обеих культур (шнуровая керамика, топоры рабочие и боевые), но признаёт и различие (в способе погребения). По его мнению, различие не больше, чем между фазами одной культуры, что представляется мне близким к истине, но так как количественного критерия, каковы должны быть различия между фазами одной культуры, нет, то это остается субъективным впечатлением (“импрессионизм”?). К тому же культура воронковидных кубков в обеих формах – мегалитической и немегалитической – была широко распространена в северной части Центральной Европы, откуда предполагается приход носителей культуры боевого топора в Скандинавию, а преимущественного сходства этой новой культуры именно со Скандинавскими вариантами культуры воронковидных кубков нет. Снова аргумент утрачивает силу, но не превращается в свою противоположность.

3. Образ жизни. Мальмеру удалось сильно поколебать, а кое в чём и опрокинуть прежние представления об образе жизни носителей культуры боевого топора. Он показывает их тягу к тучным, мягким, пригодным именно для земледелия землям (а не к твёрдым пастбищам), собирает прямые свидетельства земледелия (отпечатки злаков на керамике разных периодов). Преобладание овцы в стаде над крупным рогатым скотом не должно отличать эту культуру от других как более подвижную, ибо является общим признаком новой эпохи и связано с уменьшением облесённости.

Малый размер могильников объясняется уже с натяжкой тем, что они растянуты вдоль дорог и ускользают от археологов (а как быть с родственными культурами, где курганные цепочки хорошо видны и всё же малы?). Ещё сложнее со стоянками. Их малочисленность и слабость Мальмер объясняет их концентрацией на пахотных землях: следы наземных жилищ разрушены пахотой. Это подтверждается общим парадоксальным распределением скандинавских стоянок: именно жилища подвижных рыболовов и охотников хорошо сохранились, а несомненных земледельцев (мегалитической культуры, бронзового века и др.) очень плохо.

Идея Мальмера считать достаточным для констатации поселения один отдельно найденный черепок вряд ли найдёт широкое признание. Пусть такое поселение не достоверно, – рассуждает Мальмер, – но возможно (JS: 256-258). Так ведь возможно место поселения и там, где ничего не найдено. Из зафиксированных им поселений не менее 54 дали ничтожное количество керамики (на каждом представлено фрагментами от 1 до 5 сосудов), пять – несколько больше (до 10 фрагментированных сосудов), и только три – до 15-20 таких же сосудов на каждом (два из них подвергались раскопкам).

Земледелие и наличие поселений свидетельствуют о том, что перед нами не кочевники, какими носителей культур боевого топора представляли прежде. Но характер находок не говорит о прочных, крупных и длительно обитаемых поселениях (а такие всё же известны и на тучных землях в Центральной Европе и других местах). Встретив на нескольких стоянках черепки, относимые им к разным периодам, Мальмер делает вывод о длительном обитании на одном месте. Но где гарантия, что здесь не повторный выбор удобного для обитания места? Мы знаем, что на глазах истории оседлые земледельческие племена, жившие в гораздо более солидных поселениях, вдруг снимались с места и переселялись за тридевять земель (готы, вандалы и проч.). Так что и этот аргумент не обращается против миграции.

4. Боевое назначение. Боевые топоры Мальмер отказывается считать практически применявшимся в бою оружием: слишком ломки. Отчего же? Этому противоречат несколько фактов:

а) объект, который должен был им противостоять (человеческое тело), вряд ли мог бы обеспечить сопротивление среды, достаточное для порчи топора;

б) вывод не подтвержден экспериментами на соответствующих моделях;

в) форма ранений на десятках черепов (так наз. *тренированных*) из комплексов родственных культур свидетельствует о практическом применении этого оружия (Anda 1951; Домба 1966);

г) даже если бы это оружие было только парадным и ритуальным, сам выбор такого символа характерен: это единственное для того времени оружие, не применяемое для охоты и предназначенное – хотя бы и символически – только для битвы.

То, что такой топор сопровождал в могилу каждого второго мужчину, говорит скорее о том, что это необходимое каждому оружие и что носители его отнюдь не были мирными земледельцами. Это не доказательство миграции и не опровержение её.

5. Скудость подстилающей культуры. Малочисленность погребений в ютландских мегалитах, по мнению Мальмера, не обязательно должна быть следствием того, что развитие мегалитической культуры здесь внезапно оборвалось из-за вторжения врагов. Эти погребения опознаются и подсчитываются по сопроводительному инвентарю, а бедность или богатство инвентаря может оказаться попросту локальной особенностью (такие бедные группы мегалитов есть в Швеции). Что ж, может, так, может, и иначе. Но если и иначе, то это не опровергает миграционную гипотезу.

6. Повсеместность ранних типов. Самые ранние типы, по Мальмеру, не концентрируются на юге, а распространены рав-

номерно по всему ареалу шведской культуры боевого топора. Но объясняется ли это самостоятельным одновременным происхождением на всей этой территории (кстати, сам Мальмер отрицает такую возможность) или быстротой продвижения по ней, притом миграционного или в порядке влияния, неизвестно.

Итак, проведенный Мальмером анализ генезиса рассматриваемой культуры подточил силу приводившихся аргументов миграционного объяснения, показал слабость оснований этой гипотезы, их необязывающий характер. Мальмер вправе отводить эти аргументы.

Есть, правда, в этих фактах, при всей их, так сказать, обоюдодпригодности, всё же некоторая, что ли, податливость в сторону миграционного объяснения (таковы малые размеры могильников, слабость культурного слоя стоянок, характер и количество оружия). Более того, есть и другие факты, не учтённые Мальмером, которые более определенно противоречат идее автохтонности и свидетельствуют скорее в пользу миграции.

1. Удалённость прототипов. Так, воронковидные кубки со шнуровым орнаментом, которые могли бы рассматриваться как прототипы кубков культуры боевого топора, и в Дании и в Швеции встречаются только в самых ранних мегалитах, а затем исчезают, так что их от предполагаемых потомков отделяет здесь слишком большой интервал времени.

2. Период запустения. Вообще в Дании, как установил К.Беккер, функционирование мегалитов в ряде районов прекращается до появления в них культуры боевого топора – обе культуры разделены периодом запустения.

3. Аналогия. Чрезвычайно схожая со шведской фатьяновская культура Средней России наверняка принесена сюда дальней миграцией, так как предшествующие здесь культуры ямочно-гребенчатой керамики типологически отличаются от неё больше, чем в Скандинавии культура стоянок с ямочной керамикой – от

культуры боевого топора (а эти культуры и Мальмер признаёт неродственными); в России есть и антропологические отличия.

Значит, родственным культурам боевого топора миграции не были чужды. Что ж, Мальмер вправе отводить и эти аргументы, по крайней мере, не признавать их. Но Мальмер вместе с ними отвергает и саму миграцию, саму возможность миграционного объяснения – даже в качестве гипотезы. А вот это уже неправомерно. Фактические доказательства невозможности такого объяснения не приведены, и, следовательно, за решением Мальмера стоят не факты, а нечто иное. Это нечто – теория.

3. Теория или предвзятые идеи? В таком случае нас интересуют два вопроса: во-первых, как построена (и сколь обоснована) эта теория – как научная система или как конгломерат неосознанных предвзятых идей или, может быть, как смесь того и другого, и во-вторых, какие меры предусмотрены в методической системе исследователя для контроля и обуздания предвзятых идей в этой сфере, для преграждения им свободного выхода из теоретического подполья в методику и в результат.

Сразу же приходится констатировать, что цельной научно обоснованной теоретической системы налицо нет. Нет и ссылок на таковую. Есть привлечение отдельных концепций из этнографии, есть влияния определенных течений социологии, есть апеллирование к здравому смыслу и есть опора на впечатления и предвзятые идеи.

Из этнографии привлечены сведения (работы Нумелина) о том, что в первобытном обществе не было войн. Но значит ли это, что не было вооруженных столкновений, походов, захватов и т.п.? Территория, захваченная носителями культур боевых топоров и кубков, представляется Мальмеру слишком большой для первобытных завоевателей: от Испании до России и от Норвегии до Сицилии (JS: 876-878).

Но ведь это субъективная оценка, впечатление. Каков и чем обусловлен предельный размер, за которым территория становится слишком большой? Первобытные славяне расселились от Эльбы до Волги, первобытные германцы проникли из Северной Европы не только в Испанию, но и в Африку. Кроме того, зачем же предполагать, что завоевание проведено одним племенем в один приём? Пожалуй, гораздо менее вероятным выглядело бы одновременное независимое распространение столь схожих культурных явлений на столь большой территории, но не станем противопоставлять субъективным оценкам субъективные оценки, впечатлениям – впечатления.

“Очень странно, – иронизирует Мальмер, – что два одинаковых потока (культура колоколовидных кубков и культура боевого топора) вышли из двух противоположных концов Европы (Испания и Россия), встретились, не образовав чёткого фронта, и проникли друг в друга почти до исходных рубежей” (Ibid.).

Опять субъективная оценка, и опять противостоящая концепция упрощена и представлена в наиболее удобном для критики варианте. Зачем же уподоблять расселение первобытных племён движению современных войск? Зачем помещать гипотетические исходные очаги только в Испании и России (когда для культур боевого топора, например, Центральная Европа отнюдь не исключается?). Да и не так уж обе культуры одинаковы. К тому же культура колоколовидных кубков связана и с определенным антропологическим типом, некоторые культуры боевого топора – с другим.

Почему, спрашивает Мальмер, области распространения обеих новых культур совпали с областями старых западных неолитических культур – михельсбергской и воронковидных кубков, оставляя свободными ареалы ямочно-гребенчатой и линейно-ленточной керамики? (Ibid.). Но ведь это просто неверно: целиком в ареале ямочно-гребенчатой керамики располагаются фатьяновская и восточно-прибалтийская культуры боевого топора, в области линейно-ленточной керамики – саксотюрингская, чешская и

рейнские группы, ареал колоколовидных кубков далеко выходит за пределы михельсбергского ареала.

Как видим, здесь у Мальмера налицо предвзятые идеи о том, какими должны были быть передвижения и взаимоотношения первобытных племен, и нет попытки проверить это по этнографическим и историческим материалам широко, методично и системно. Налицо и предвзятые идеи о генезисе и совпадении ареалов культур, и эти идеи настолько сильны, что сумели затмить чёткую археологическую картографию. Влияние определённой социологии рассмотрим ниже.

4. Критерии достоверности миграции. Какие же средства контроля над предвзятостью, над субъективностью вводит Мальмер в эту часть своей методической системы?

Он понимает, что такие средства необходимы, и предлагает свои критерии оценки достоверности постулированной миграции. Разумеется, перед этим он даёт и дефиницию миграции (буквально: инвазии, вторжения). Здесь Мальмер оказался в плену старого софизма, который древние греки называли “куча” (если от кучи отнять зерно, сохранится ли куча?, а если второе? и т.д.). Мальмер приходит к тому, что и переселение одного единственного человека – уже миграция, а значит, критерии проверки должны быть равно приложимы к переселению человека и народа. Это даёт также Мальмеру повод вообще намекнуть (JS: 806-808) на возможность снять проблему миграций: путешествия отдельных первобытных авантюристов нет оснований отрицать, но и доказать вряд ли возможно.

Миграции, несомненно, были разными. Называть ли так путешествия отдельных личностей и переселения одиночных семей, переезд ли то ремесленников или вывоз пленных и т.п. – это вопрос терминологический и, следовательно, производный. Ясно лишь, что и противники Мальмера в своём утверждении мигра-

ции и сам Мальмер в своём отрицании её имели в виду не такие переселения, а передвижения значительных масс населения. Достаточно значительных, чтобы и без передачи культурного достояния аборигенам такое переселение могло коренным образом изменить культурный облик района или страны, изменить в такой мере, чтобы археолог мог зафиксировать новое население. Видимо, организации нового посёлка или заполнения значительной части в посёлке аборигенов для этого (как минимум) достаточно. Но сам вопрос о таком минимуме с точки зрения практики исследований изрядно схоластичен.

Во всяком случае, такие переселения тоже могут быть различными: временными и постоянными, дальними (с отрывом от очага) и ближними, разовыми и постепенными (“ползучими”), мирными и военными, с вытеснением туземцев и с сохранением прежнего населения, с очаговым расселением на чужой территории или с чересполосицей (поселки вперемежку), или с жильством в одних и тех же посёлках, с сохранением самобытности обоих народов или с последующим скрещиванием, с ассимиляцией туземцев или пришельцев и т.д. Для опознания каждого случая должны существовать свои критерии, но должны быть и общие для всех, ибо факт переселения значительной массы людей характерен для всех (за исключением кратковременных походов – для них, соответственно, нужны другие критерии).

Прямыми критериями достоверности миграции Мальмер считает только антропологические: а) изменение в антропологическом составе населения страны, б) наличие источника нового антропологического типа вне этой страны.

Косвенными критериями Мальмер считает: а) наличие изменений в материальной культуре страны, б) особый характер процесса их прохождения, в) наличие миграций того же уровня (т.е., по крайней мере, той же эпохи), достоверных, т.е. зафиксированных этнографически или по письменным источникам, с аналогичными изменениями и аналогичным процессом их прохождения (Ibid.).

Реалистично уже то, что Мальмер не требует, как многие другие археологи-автохтонисты, непременно указания на источник новой культуры вне данной страны, чтобы новая культура была скопирована, как по лекалу, с этой старой культуры (*лекальный критерий*), не требует наличия её по соседству с новой или чтобы были представлены переходные памятники на промежуточных территориях. Всё это выдвигалось, и право же, если бы привести в действие все требования, которые выдвигались, то ни одна, даже самая достоверно засвидетельствованная миграция не могла бы быть признана.

Мы знаем целый ряд абсолютно достоверных миграций, которые не улавливаются археологически или почти не улавливаются, – хотя бы нашествие дорийцев на южную Грецию. При передвижении народы могли оставлять очень мало следов. Нужно большое искусство археологов и очень тонкие средства распознавания этих следов.

Нет смысла здесь обсуждать эти предложения критериев подробно – это слишком сложный и большой вопрос. Я рассматриваю его в специальных работах об археологических критериях выявления миграций (Клейн 1973; 1999). Достаточно отметить только несколько слабостей в предложении Мальмера:

1. Он не разъясняет, являются ли косвенные критерии достаточными без прямых.

2. По косвенным критериям дана лишь самая общая постановка вопроса, без всякой попытки конкретизации, какие же изменения материальной культуры достаточны и какие требуются особенности их протекания (см. Hauru 1958). То есть критерии конкретно ещё не разработаны, а конкретная миграция уже осуждена!

3. В отличие от прямых критериев, у косвенных почему-то оставлен без внимания внешний источник изменений (“прародина”) – непонятно, почему он в одном случае обязателен, а в другом – нет.

4. Считается необходимым подвергать проверке и оценке по строгим критериям доказанности только идею миграции; если её доказательства не выдерживают критики, то тем самым автоматически побеждает противоположная идея автохтонности населения. Эту противоположную идею проверять не считается нужным, по крайней мере, об этом нет ни малейшего упоминания, и соответствующие критерии не выдвинуты, пусть даже в общей форме. Иными словами, Мальмер исходит, если назвать это юридическим языком, из презумпции автохтонности. Это тоже предвзятая идея, и она занимает здесь ключевое место в методической системе.

Конечно же, если добиваться объективности, то нужно подвергать испытанию равными по строгости критериями доказанности как ту, так и другую идею, и такие критерии должны быть разработаны для обеих. Если доказательства миграции не выдержали испытания и оказалось, что нет фактов, противоречащих идее автохтонности, то это ещё не значит, что миграции не было. Надо теперь проверить, подтверждается ли автохтонность и есть ли факты, противоречащие миграции. Если здесь тоже получен отрицательный ответ, то значит, что ничего достоверного о генезисе данной культуры сказать ещё нельзя, оба допущения равно произвольны, и можно лишь пытаться очень предположительно прикинуть, которая чаша весов грозит перетянуть.

5. Концепция автохтонности. Мальмер не только разрушает миграционную гипотезу, но и предлагает свою собственную гипотезу для объяснения генезиса шведско-норвежской культуры боевого топора, и эта собственная его гипотеза ещё ярче отражает характер его исходной теории.

Поскольку основное и чуть ли не единственное существенное отличие новой культуры от старой Мальмер видит в новом способе погребения, а способ погребения характеризует религиозную систему, то основным наглядно фиксируемым содержа-

нием предположенной трансформации археологических культур в Скандинавии Мальмер считает смену религии. Но если новая религия не навязана извне (а это отпадает с отклонением идеи миграций), то что же обеспечило такую быструю смену на широкой территории? Очевидно, новые общественные потребности.

Стало быть, приходится предположить в основе этого процесса социальную трансформацию: “новая религия распространялась вместе с новой социальной системой” (JS: 811). Общественные перевороты непосредственно археологическими средствами не проследить, различие общественных структур отражается в археологических источниках очень слабо, иное дело – “хозяйственные причины, которые, пожалуй, всегда лежат в основе социальных переворотов” (Ibid.). Остаётся отыскать такую “хозяйственную причину” – Мальмер находит её во введении металлургии меди.

Механизм трансформации объясняется так: земля находилась в общественной собственности, а металлические предметы – они же маленькие; поэтому они, естественно, оказывались в индивидуальной собственности, притом – мужской. В то же время они очень дорогие – так в индивидуальной собственности появились богатства, превышавшие общественную собственность и поднимавшие вес личности. Вот почему коллективные погребения сменились индивидуальными, а матриархат – патриархатом. Правда, потом, в конце периода, снова появились коллективные погребения, но это уже была реакция, понятная, коль скоро страна оставалась крестьянской.

Обобщая своё открытие, Мальмер строит общую схему периодизации истории Швеции по таким переворотам:

1) введению земледелия и скотоводства соответствует прекращение мезолитических изображений, начало традиции жертвенных кладов и, позже, появление мегалитов (возможно, с участием миграции);

2) введение металлургии меди дало переход от коллективных погребений в коридорных гробницах к одиночным погребениям в небольших могильниках;

3) наступление железного века привело к прекращению наскальных изображений, появлению кремации и т.д.;

4) развитие торговли повлекло за собой христианизацию, а вместе с нею – прекращение кремации и традиции сопроводительного инвентаря, переход к строительству церквей;

5) горнопромышленная революция вызвала распространение протестантизма, а церковная реформация засвидетельствована в особенностях церковной архитектуры и различных видов искусства;

6) победа индустриализации привела к ослаблению влияния церковной организации в жизни населения, а это засвидетельствовано новыми типами молелен и возобновлением обычая кремации.

Нетрудно установить, что социологической теорией, которая, не будучи использована непосредственно в своём систематическом, научно-разработанном виде, всё же оказала явное влияние на концепцию Мальмера, является исторический материализм. Принцип обусловленности изменений надстройки изменениями базиса, а базиса – прогрессом средств производства взят оттуда, равно как и включение смены форм собственности в механизм трансформации общества, а также представлений о быстром, революционном характере смены строя, что означает существенный сдвиг в развитии теоретического арсенала шведской археологии. В условиях шведского социализма это в общем не так уж странно.

Российские археологи и археологи Восточной Европы сейчас, после мирового коллапса политической программы марксизма, в большинстве относятся к марксизму без большого энтузиазма. Однако они не отвергают достижений марксизма и его потенциал

как научного метода, особенно в изучении экономической истории (Behrens 1984; Клейн 1993б; Tabaczyński 1995). Марксизм сейчас весьма популярен как раз у части западных археологов (McGuire 1992; Клейн 1996). Понятно, что столь решительный поворот требовал от шведского исследователя широты кругозора, научной смелости, независимости от предрассудков. Сказались и те здоровые стихийно-материалистические тенденции, которые во многом определяют творчество Мальмера.

Но от солидного учёного естественно было бы ожидать, что, обращаясь к столь богато и детально разработанной и раскрытой теории, как исторический материализм, он использует основные труды, как развивающие и доказывающие эту теорию, так и опровергающие её. Что он применит главные обобщения, методические установки и понятия этой теоретической системы и её опровержений или докажет необходимость замен или изменений в ней применительно к своему материалу. Странно видеть вместо этого использование идеи без ссылок на источник и на доказательства, без точного владения и оперирования уже разработанными в науке на базе данной идеи обобщениями и понятиями, а также их ограничениями.

Идея эта фигурирует у Мальмера как нечто само собой разумеющееся, а её разработки и доказательства будто и вовсе не существуют. Это означает, что на место научной теории подставляется смутное ощущение автора исследования, возникшее вследствие отдаленного, видимо не из первых рук, знакомства с этой теорией или её достижениями.

Очень вероятно, что на Мальмера повлияли работы Чайлда (в библиографии фигурирует и “Шотландия до шотландцев”, в которой Чайлд стремился применить марксизм к археологии). Для Чайлда же образцом реализации марксизма в археологии были автохтонистские увлечения советских археологов, увлечения впоследствии утратившие авторитет в самой России. Да и Чайлд в конце жизни (см. Клейн 1993а: 104-117; Klejn 1994) сильно

разочаровался в советской археологии (хотя и не в марксизме). Такovy, возможно, источники основной социологической идеи Мальмера.

Впрочем, можно ли так узко и уверенно определить пути её проникновения в творческую лабораторию учёного? В XX веке трудно найти человека, который бы не слышал ничего о марксизме – идеи марксизма у всех на устах (позитивно, негативно, но у всех). Информация накапливается сама собой, стихийно. Глядишь – и пришлась по сердцу, пригодилась. Но это не наилучший способ освоения идеи для теоретического исследования. Оторванная от доказательств и методических правил применения, обоснованных теорией и опытом, эта идея способна пополнить набор предвзятых предпосылок исследования и легко может привести к вульгаризации истории, к наивным упрощениям.

Можно ли так упрощать объяснение механизма трансформации общества? У Мальмера характер собственности определяется размером объектов, но ведь размер полей оставался неизменным при смене форм собственности, точнее, изменялся под их воздействием. Марксисты же считают определяющим изменение характера труда (ослабление зависимости от коллектива) и его производительности (появление излишков, пригодных к отчуждению и присвоению). Мальмер принимает в расчёт только землю и металл, совершенно забывая про такое важное в данном аспекте имущество, как скот.

Не вяжется спекулятивная теория Мальмера и с фактическим материалом. Для того, чтобы введение металла сумело вызвать важные преобразования в обществе, надо предположить обилие металла, предположить переход с камня на металл в изготовлении важнейших категорий орудий и оружия, но ничего этого на деле в культуре боевого топора нет, а есть всего несколько мелких медных украшений и то не в раннем периоде (притом при женских скелетах); рабочие топоры делались из кремня, боевые – из камня, шилья – из кости, основная масса украшений – из кости

и янтаря. Как раз там, где бронзовый век в это время налицо, погребения оказываются коллективными (катакомбы Кипра).

Сам же Мальмер сформулировал условия правомерности научной гипотезы, условия её пригодности для дальнейшего обсуждения:

“Она должна опираться на факты, должна быть как можно более простой и требовать как можно меньше вспомогательных гипотез, и она должна, наконец, объяснять данные факты плодотворным образом. Но и столь хорошо сформулированная гипотеза никогда не должна превращаться в самоцель” (JS: 879).

Припомнив эти слова, Питтиони в своей рецензии замечает: “Только очень жаль, что их автор сам не придерживался их. Ибо его гипотеза и не основана на фактах, и не столь проста, как только можно, и не обходится минимумом вспомогательных гипотез, и уж вовсе не объясняет имеющиеся факты наиболее плодотворным образом” (Pittioni 196: 88). Остаётся добавить, что, хоть она и не была у исследователя априорной, все же к моменту завершения труда она явно превратилась в самоцель.

IX. Инвенция и диффузия

1. Проблема территориального охвата. Замена миграционного объяснения смены культур объяснением при посредстве идеи автохтонной трансформации поставила перед Мальмером ещё одну сложную задачу – объяснить темп смены на обширной территории. Почему смена произошла так быстро и почему одновременно по всей стране? Куда подевались переходные звенья? Существовала ли неравномерность развития?

Для миграционного объяснения подходят как одновременная смена во всей стране, так и постепенное продвижение: нашествия бывали разные. Типологическое развитие в духе Мортилье предполагало столь медленную постепенную эволюцию, что она могла осуществляться параллельно в разных районах страны с приблизительной синхронностью – в виде множества мелких независимых изменений (усовершенствований или ухудшений), в порядке конвергенции. У Монтелиуса не исключалась и диффузия – столь же постепенная, обычно с такими же эволюционными изменениями по дороге (так сказать, эволюция, развернутая на карте). Быстрая революционная трансформация не могла в условиях первобытного общества произойти независимо и одновременно во многих местах, разве что случайно. Но слишком мала вероятность такого совпадения: в двух-трёх местах ещё куда ни шло, но повсюду...

Одновременность, однако, для Мальмера есть факт. И Мальмер отказался от представления о независимости этих событий.

Трансформация (изобретение, инвенция) осуществлялась в одном месте, а результат переносился в другие – возникшие и там потребности способствовали восприятию. Конечно, распространение осуществлялось не при посредстве миграции, а в порядке

влияния и заимствования. Что ж, по стопам Монтелиуса и Мюллера. Но у тех диффузия служила только дополнением к основной идее эволюции и объяснила только межкультурные соотношения, здесь она становится органически необходимой, причём также и для объяснения механизма внутрикультурного развития – как у школы Боаса в Америке.

Для Мальмера наступление нового периода определяется введением *одного* нового типа, а смена культуры воронковидных кубков культурой боевого топора сводится к изменению способа погребения. Поэтому, чтобы объяснить быстроту, внезапность этих преобразований (новая культура, новый этап) без миграции, для него достаточно найти автохтонный механизм внезапного появления *нового типа погребений*. Это, конечно, сильно упрощает задачу, но не способствует убедительности решений. На практике Мальмеру приходится объяснять также изменение в керамической орнаментации, а многое остаётся необъяснимым.

Мальмер отрекается от такой эволюционистской трактовки типологического метода, при которой развитие рассматривается как бесконечный ряд постепенной эволюции. Он признаёт дискретность развития, признаёт начала новых серий, разрывы. Правда, его понимание дискретности механистично, а определение “начала” на удивление (это у Мальмера-то!) расплывчато. Разрыв в ряду, по его мнению, возникает всякий раз, как количество сходств между соседними звеньями снижается ниже определенного предела (минимума). Здесь всё сводится к количественным различиям, а минимум как раз оставлен количественно неопределённым и не указаны пути его определения – помимо субъективного впечатления.

В самом деле, *генезис нового типа* Мальмер определяет как “точку в типологическом ряду, в которой пункты сходства между группами, организованными в хронологической последовательности, малочисленны, быть может, настолько, что мы не уверены, есть преемственность или нет” (МР: 265-266). Импрессионизм?

Но при всём том он отказывается объяснять генезис новых типов путём естественной дегенерации старых в ходе простого копирования, от случайных мутаций и накопления ошибок. Появление нового типа в археологическом материале отражает жизненную ситуацию, в которой была осуществлена сознательная и целенаправленная инновация (МР: 266).

Здесь у Мальмера целый клубок противоречий. С одной стороны, он сводит инновацию к простому количественному падению сходств, с другой – отвергает накопление количественных изменений как главную причину инновации. Далее, внезапность инноваций наглядно выступает в обработанных им материалах. Но это достигнуто тем, что исследователь ввёл резкие условные, искусственные границы между периодами, типами и т.п. (внезапные “начала”) посредством произвольного, “рационалистического” помещения цезур. А правомерность этой операции основана, как мы видели, на допущении непрерывности в материале, на отрицании дискретности, то есть как раз того, что должно быть доказано наличием чётких границ типов и, следовательно, реальных инноваций. Между тем Мальмер считает развитие дискретным, а типы – отражающими реальные ситуации, и этим оправдывает признание “начал” и “инноваций” уже “реалистически” (материалистически), т.е., так сказать, с противоположной стороны.

Получается парадокс. Если есть непрерывность, то резкие границы получают оправдание, но оказываются условными, а внезапных инноваций в реальном мире нет. Если же в реальном мире инновации внезапны и налицо дискретность, то введение искусственных границ неправомерно и наличие чётких “начал” в образованных Мальмером материалах не отражает этих реальных инноваций. Выход из этих противоречий был бы в признании качественных изменений и установке на открытие реальных, “априорных” границ в материале. Но это значило бы отказаться от одного из важнейших постулатов “рационализма”.

2. Механизм инновации. Каков, однако, сам механизм внезапной инновации в реальном мире, по Мальмеру?

Весь секрет, по его мнению, в том, что инновация осуществляется как инвенция, изобретение, т.е. как акт индивидуального творчества одарённой личности. А в этом творчестве ряд ступеней может быть быстро пройден в уме (возможно, добавим, и открытие совершенно новых путей, способов и форм). Отсюда – скачок, отрыв от старых форм, внезапность появления типа.

Это то, чего не видели и не признавали эволюционисты XIX века. Монтелиус, принимая кое-что от них, отмечал: “Между прочим, удивительно, что человек в своих работах подчинялся закону эволюции и подчиняется ему. Неужели человеческая свобода действительно столь ограничена, что мы не можем создавать любую приглянувшуюся форму? Неужели мы осуждены только шаг за шагом переходить от одной формы к другой, даже если они мало различаются между собой?” (Montelius 1903: 20). Монтелиус отвечал на этот вопрос положительно. Мальмер – отрицательно.

Как видим, Монтелиус, говоря об эволюции, на деле имел в виду не эволюцию (с прогрессом), а градацию (то есть постепенность изменений). Но, как ни толковать Монтелиуса в данном случае, градация (и эволюция в частности) не абсолютна, не всеобща, не бесконечна. Она оказывается лишь одной стороной развития, другая сторона которого – революционные преобразования, скачки, разрывы преемственности. Преемственность основана на тенденции среднего человека повторять себя или других, разрыв – на оригинальном творчестве.

“Шевронная орнаментация, – пишет Мальмер, – по всем данным, должна была оказаться изобретением одного человека, художника-творца, и точно так – линейно-зигзаговая орнаментация. Изобретение может показаться слишком слабым, чтобы стоило говорить о художестве, и Форссандер исходил, возможно, из подобного рассуждения, когда смену стилей хотел трактовать

как результат безыдейной вялости, дегенерации. Но традиционные правила, которые обуславливали облик доисторических глиняных сосудов, были несомненно строгими – столь же строгими, как строжайшие дефиниции групп и типов, какие мы только в состоянии сформулировать. Нарушение правил, новаторство в виде плохо выполненных глиняных сосудов наверняка не имело другого шанса, кроме как быть сочтенными у современников за плохо выполненные глиняные сосуды и ничего больше. Только целенаправленное новаторство хорошего художника обладало возможностями получить признание – тогда в точности, как сейчас. Когда лучший горшочник у влиятельного властителя на южном берегу Сконе начал изготавливать сосуды с шевронной орнаментацией, для остальных горшочников не оставалось ничего иного, как последовать его примеру” (JS: 134).

Феномен внезапного, как бы неподготовленного появления инноваций в культуре, не замечавшийся эволюционистами XII в., в XX в. стал главным объектом изучения археологов и пробным камнем археологических теорий. Миграционисты объясняли любое проявление этого феномена миграциями, диффузионисты – влияниями, сторонники теории стадиальности – общими диалектическими законами скачкообразного развития, без конкретизации механизма этого акта (предполагалось единообразное и повсеместное творчество масс).

В последние десятилетия западногерманские археологи (Э.Вале, У.Фишер) предложили новое объяснение внезапности – индивидуалистической конкретизацией этого механизма. В их трактовке именно индивидуальностью творческого акта обусловлена внезапность его результата, которую они понимают не только как быстроту, но и как неожиданность, неподготовленность, эмергентность инноваций в культуре. Ибо индивидуальная воля творческих личностей рисуется им абсолютно свободной, неуправляемой, не подчиняющейся каким-либо закономерностям, а определяемое этой волей появление инноваций, как и в целом развитие культуры, – случайным и непредсказуемым, иррационалистичным.

Рационализм Мальмера выступает в данном вопросе своей материалистической, детерминистской стороной.

Ведь тип, по Мальмеру, отражает определённую преисторическую ситуацию, а в создании таких ситуаций проявляются общеисторические закономерности, в конечном счёте, определяемые развитием экономики. Поэтому ситуация, приведшая к появлению данного типа, может быть создана всем обществом, и лишь сам тип – выдающейся личностью, лучше других сумевшей приноровить его к данной ситуации. Тип отражает существенные черты поведения большой группы людей определённого периода, а внезапностью своего появления он обязан выдающейся, хоть и анонимной для нас, личности.

Мне кажется, что Мальмер нашёл хороший, в принципе, перспективный выход из одностороннего противопоставления абсолютной недетерминированности современного западногерманского объяснения развития абсолютному фатализму эволюционистов. Но в силу внутренней противоречивости методологической системы Мальмера реализация найденного выхода наталкивается на существенные осложнения.

Прежде всего, конечно, объективность, “априорность” типа, вытекающая из его соответствия определенной первобытной ситуации, приходит в столкновение с условностью и произвольностью его границ. Если выдающаяся личность, сформировавшая тип, именно потому и была выдающейся, что умела лучше и быстрее других приноровить свой продукт к общественной потребности – к “ситуации”, то другая творческая личность, исследующая деятельность первой и выступающая археологом, тем будет более заслуживать эпитет выдающейся, чем меньше свободы реализует в дефиниции типа, сформированного первой личностью, чем больше приноровит свою дефиницию к этому *априорно* существующему типу.

Далее, поскольку развитие общества определяется, в конечном счёте, прогрессом его экономики, а воздействие успехов в

экономике на все сферы жизни общества весьма многообразно, то легко сообразить, что во многих случаях результат очередного скачка в экономике не сможет ограничиться изменением какого-то одного типа в одной сфере культуры.

Чайлд, например, показал, сколь широки и разнообразны были изменения в культуре, вызванные одним лишь введением металла (Childe 1930) (но, кстати, изменение погребальной обрядности как раз не входит в их число). По крайней мере, некоторые из таких изменений должны приблизительно совпасть по времени введения. Нередко перемены в экономике связаны с притоком нового населения или приносом новых вещей и идей из более развитых районов – в этом случае одновременные изменения во всех сферах могут быть еще более многообразны. А это значит, что в потоке культурного развития можно увидеть перепады (цезуры), определяемые появлением не одного нового типа, а нескольких сразу, а то и многих.

Конечно, такие моменты являются гораздо более надежными и объективными индикаторами смены этапов, периодов и культур, чем условные пункты появления одного нового типа, намечаемые Мальмером. Именно таким объективным моментом, засвидетельствованным многообразными изменениями в различных сферах жизни, была смена культуры воронковидных кубков культурой боевого топора в Швеции и Норвегии, как и в Дании. Усилия Мальмера смазать это различие, свести всё к изменениям в одной сфере, приводят к искусственным и неубедительным результатам.

Наконец, если на обширной территории прогресс экономики одновременно подошёл к определённой рубежу и породил потребности в известном типе (первобытная ситуация), то сколько найдется выдающихся личностей, готовых удовлетворить эту общественную потребность наилучшим образом? Неужто только одна и только в одном месте? Если много и в разных местах, то каковы основания считать, что они это сделают совершенно

одинаковым образом и почти одновременно (как это и полагали эволюционисты), а если не одинаково и не одновременно, то как и почему один вариант сумел победить остальные и быстро распространиться на обширную территорию? Быстрая инвенция не может объяснить быструю диффузию.

Такая диффузия, необходимая Мальмеру как единственная альтернатива миграции в объяснении быстрого распространения культуры на обширную территорию, по-видимому, вообще не может оказаться реальной без наличия готового заранее механизма быстрой трансмиссии элементов культуры из одного центра. И Мальмер предполагает наличие такого механизма трансмиссии.

“Если надо объяснить, – пишет он, – почему люди в северных областях во времена культуры боевого топора большей частью следовали импульсам моды, исходившим из Сконе, то наилучшим исходным пунктом может послужить понятие самосознания (Selbstgefühl – имеется в виду сознание своего достоинства, высокая самооценка – Л.К.). Во всех шведско-норвежских деревнях имелись в неолитическое время люди, дарование которых позволило бы им изобрести все орнаменты, предметы искусства и церемониальные ритуалы данного периода. Чтобы выполнить подобную творческую работу, требовалось, кроме дарования, ещё достаточно свободы от повседневных забот, достаточно гарантированной обеспеченности питанием, теплом и покоем. Однако сверх того, вероятно, для этого необходимо было ещё и нечто иное, а именно: самосознание. Человек, занимающийся земледелием, никогда не может избавиться от того, чтобы не сравнивать себя с другими людьми, занимающимися земледелием; он чувствует себя позади тех, у кого земли больше и лучшей качеством. Но земельные отношения были даны раз навсегда: земли были лучше всего в Сконе, а другие области не могли ни в коей мере тягаться с этой провинцией. Люди в Сконе это знали – и их творческие дарования развивались; люди в северных областях знали это – и пассивно перенимали то, что приходило из Сконе как a priori лучшее” (JS: 798).

Наличие подобных механизмов культурной трансмиссии, хорошо знакомых нам по распространению современных мод из

мировых столиц, можно, конечно, *mutatis mutandi* предположить и в первобытном обществе. Однако вряд ли действие их могло быть тогда более интенсивным, чем теперь, а ведь они и теперь не могут сгладить значительное культурное отставание провинциальной периферии от столиц, деревни от города, не могут действовать быстро. Кроме того, так выпячивая “самосознание”, Мальмер явно упрощает дело: и в первобытные времена это самосознание было скорее следствием, чем причиной отставания, а состав причин, вероятно, был сложнее, чем кажется Мальмеру (надо учесть и политические факторы, и густоту населения, и интенсивность торгово-обменных связей, и исторические традиции, и прочее). Внешним выражением этой неравномерности и была культурная отсталость периферии.

Но если предположить чрезвычайно быстрое распространение культуры из центра и сглаживание неравномерности, то практически исчезло бы одно из главных условий существования самого механизма быстрой трансмиссии – культурная неравномерность. А если предположить постоянное сохранение этой неравномерности, то действие этого механизма – распространение мод из центра – надо признать достаточно медленным по сравнению с общим темпом развития.

Однако Мальмеру быстрая диффузия нужна только один раз, чтобы объяснить возникновение культуры боевого топора на большой территории одновременно. Дальнейшее развитие вполне могло осуществляться в порядке медленной диффузии. Что же, было два механизма трансмиссии? Сначала быстрый, потом медленный? Но как раз второй мог бы накопить предпосылки для возникновения первого, а первый как раз должен был уничтожить предпосылки для существования обоих. Не вяжется.

3. Фактическое обоснование. Рассмотрим теперь фактическое обоснование этой гипотезы Мальмера.

Роль инвенции и диффузии в конкретном культурном развитии связана с вопросом о неравномерности развития разных областей одной культуры.

В основу сравнительного изучения темпов и соотношений развития разных областей ареала шведско-норвежской культуры боевого топора Мальмер положил дальнейший анализ своих *продукционных диаграмм*, принципиальная методическая несостоятельность которых уже была показана выше. Уже одного этого было бы достаточно, чтобы поставить все основанные на этом выводы о неравномерности развития, о диффузии и т.п. под вопрос. Но и в самом методическом механизме сравнительного анализа этих диаграмм есть дополнительные нарушения законов логики.

Мальмер сравнивает *продукционные диаграммы* керамики двух соседних областей Швеции – Сконе-Блекинге и Гёталанда (рис. 25). В первой из них, расположенной к югу от второй, самый ранний тип (А) занимает гораздо меньшую долю (выраженную в процентах) от общего количества керамики, чем во второй области. И наоборот, самый поздний тип (J) – гораздо более значительную долю, чем во второй. Далее ход рассуждений таков. В обеих областях предполагается одновременное возникновение и исчезновение данной культуры (*первое допущение!*), а внутри обоих рядов типы предполагаются расположенными в однолинейной последовательности (*второе допущение!*).

При такой трактовке наблюдается “расширение” доли типа А во второй области по сравнению с первой и обусловленный этим “расширением” “сдвиг” всех границ между типами этой области к концу ряда (по сравнению с эволюционным рядом керамики первой области). Этот сдвиг трактуется как свидетельство запаздывания появления всех последующих типов в этой второй области по отношению к первой. Тип А во второй области занял значительный отрезок времени, захватив и то время, когда на юге уже производились типы В, F и даже отчасти – G. Таким образом,

эти три типа на севере оказываются гораздо более поздними, совпадая по времени с существованием на юге последующих типов. Сдвинувшись к концу ряда, они, естественно, “сжали” последний тип (J) – на юге он заполняет весь свободный участок, оставляемый в конце ряда, и совпадает по времени с типами J, H и отчасти G – на севере.

Рассматривая данное построение критически, необходимо начать с того, что справедливость обоих отмеченных выше допущений не доказана.

Вполне можно было бы предположить и иную ситуацию, а именно: что все типы появляются на севере с известным запазданием по отношению к югу. Это даже больше вязалось бы с исходной гипотезой исследователя – о принципиальном запаздывании севера по отношению к югу, о неизбежности диффузии с юга на север внутри культуры. Но в этом случае мы получили бы одинаковые диаграммы, и сдвиг северных по отношению к южным пришлось бы выявлять и доказывать какими-то иными способами. Различие в размерах доли того или иного типа в диаграммах разных областей может быть обусловлено просто популярностью данного типа в данной области – именно так сам Мальмер трактует тяготение типа F к северным областям: оно слишком бросается в глаза (на юге этот тип представлен очень незначительно). То есть Мальмер сам нарушает своё второе допущение. Но почему нельзя аналогичным образом объяснить менее резкие диспропорции? Критерии приложимости и неприложимости этого объяснения отсутствуют.

Не доказана также неслучайность соотношений обоих типов, определивших всю картину, – раннего (A) и позднего (J) – в обоих рядах. Если бы указанное соотношение типов отражало какую-то закономерность, то можно было бы ожидать, что все ранние типы на юге имеют более короткий период существования, чем на севере, и все поздние типы – более длительный. Этого нет. Уже тип B на юге в несколько раз обильнее представлен, чем на севере,

тип F – снова обильнее на севере (на юге почти отсутствует), зато тип G – снова обильнее на юге.

Можно было бы также ожидать, что постулированное соотношение типов подтвердится с привлечением других областей и других категорий материала. Но этого тоже нет. Наоборот. Привлечение их не подтверждает выдвинутую гипотезу. В *продукционной диаграмме* керамики из ещё более удалённой на север области Меллар тип A оказывается, правда, более обильным, чем в Сконе-Блекинге, но менее обильным, чем в Гёталанде, а доля типа J – резко превышающей доли этого типа не только в ряду Гёталанда, но и в ряду Сконе-Блекинге.

Производственные диаграммы боевых топоров (рис. 26) показывают соотношение, прямо противоположное ожидаемому: правда, самые ранние типы (A+B) на юге действительно представлены беднее, чем на севере (непрерывное падение от Сконе к Сев.Норланду), но они из-за своей малочисленности вообще занимают очень незначительную часть ряда (в основных районах – 1,5-4,1%) и не обеспечивают сдвига границ, который можно было бы толковать как запаздывание севера по сравнению с югом во введении последующих типов. Уже тип C:1, гораздо более заметный в ряду и определяющий многое в распределении долей остальных типов, представлен как раз более обильно на юге с постепенным убыванием к северу. Соответственно, замыкающий в ряду тип E:2 – наименее обильно на юге с постепенным сильным возрастанием к северу.

Любопытно, как Мальмер выходит из этих затруднений. Для *продукционной диаграммы* керамики области Меллар он допускает частичный выход замыкающего типа за хронологические рамки рассматриваемой культуры на юге – тогда вся предшествующая часть диаграммы растягивается, ранние типы становятся более длительными, границы между типами сдвигаются ближе к концу ряда, и ... обеспечивается необходимое запаздывание Меллар по сравнению с Сконе-Блекинге. Quot erat demonstrandum. Точно так

же он поступает с замыкающим типом топора E:2 (последнее, однако, только в тексте, без реализации на схеме). Это облегчается тем, что предшествующий в ряду тип E:1, достаточно обильный, действительно даёт необходимое постепенное убывание к северу, достаточно сильное. То есть Мальмер нарушает и первое из упомянутых исходных допущений.

Но чем определяется, какую областную диаграмму и на сколько можно вывести за хронологические рамки всей рассматриваемой культуры? Априорной гипотезой исследователя. И почему только в одном конце (позднем) и только в одну сторону – конечную? Впечатлением исследователя, что так лучше. Импрессионизм?

4. Смысл продукционных диаграмм. Значит ли это, что *продукционные диаграммы* совершенно бесполезны? Нет, не значит. Они попросту нагляднее выражают количественные соотношения типов в различных областях, чем обычные цифровые процентные сравнения (ср., напр., у К.Штруве – Struve 1953).

Они хорошо показали на ещё одном примере известное статистическое правило, что после некоторого предела основные распределения в материале уже не изменяются. Мальмер проследил это, сопоставляя распределение типов брактеатов на всё более широком материале разных лет обследования (рис.30).

Хорошо использованы продукционные диаграммы также при сопоставлении разных регионов: составленные на их основе кумулятивные графики типа бордовских показали, что одни области Скандинавии очень схожи по набору и распределению изображений, другие – резко различаются (рис.31-32).

Но это не прямое использование диаграмм у Мальмера. Прямая же их интерпретация у Мальмера слишком упрощена и прямолинейна. Они позволяют проследить характер количественного распределения различных типов по областям, но не позволяют

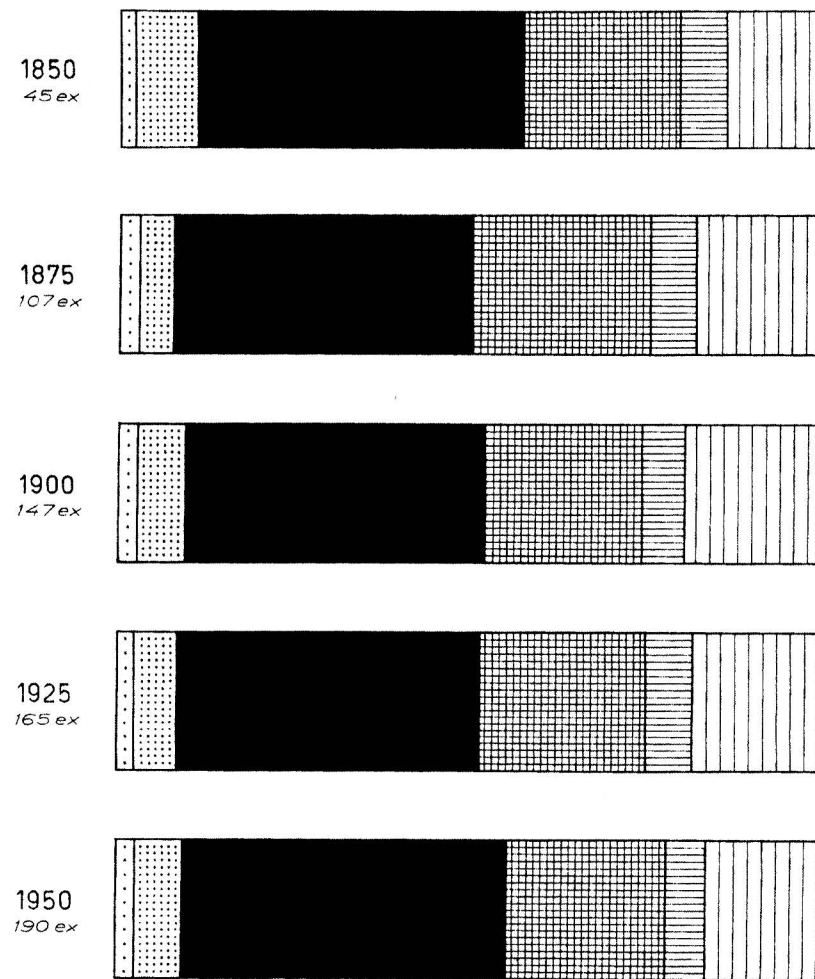

Рис. 30. Продукционная диаграмма соотношений типов золотых брактеатов Швеции, выполненная по данным разных уровней накопления информации – 1850, 1875, 1900, 1925 и 1950 годов. Слева обозначена общая численность брактеатов каждой выборки. Показывает, сколь мало изменяется распределение после накопления нескольких десятков экземпляров (Malmer 1963, fig. 12).

трактовать результаты единообразно по простым всеобщим правилам: в каждом отдельном случае требуется специальный анализ, учитывающий взаимодействие многих факторов, которые были способны привести к обнаруженному соотношению.

Так, *продукционные диаграммы* показали чёткую закономерность в распределении ранних типов боевых топоров (A+B). Очень малочисленные вообще, они заметно убывают в количестве с юга на север: в процентах к общему количеству топоров ряда в Сконе – 1,5, Блекинге – 2,2, Гёталанде – 3,1, Мелларне – 4,1, Борланде – 7,4, Северном Норланде – 12,5. Крутизна прогрессии ещё более возрастает, если из расчёта исключить топоры

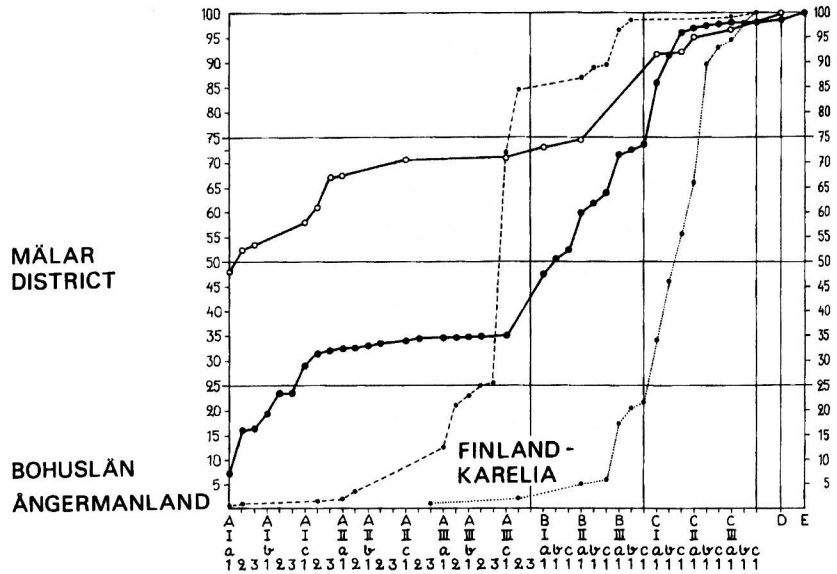

Рис. 31. Кумулятивные графики типов изображений корабля на петроглифах разных ареалов Скандинавии (Швеции, Финляндии и Карелии) показывают несходство этих областей по соотношениям типов (Malmer 1981, fig. 11).

Е:2 (закрывающий тип, возможно, и в самом деле относящийся в основном уже к следующей культуре).

Мальмер имеет готовый рецепт для интерпретации обнаруженной закономерности:

“Более древние типы представлены богаче в северных областях не потому, что эти области были особенно богаты в начальном периоде этой культуры, а потому, что там долго продолжали изготавливать более древние типы. И то, что там это делали, происходило оттого, что новые движения моды, которые, как правило, начинались на юге, требовали так много времени, пока они достигали северной периферии. Или точнее выражаясь: скорость

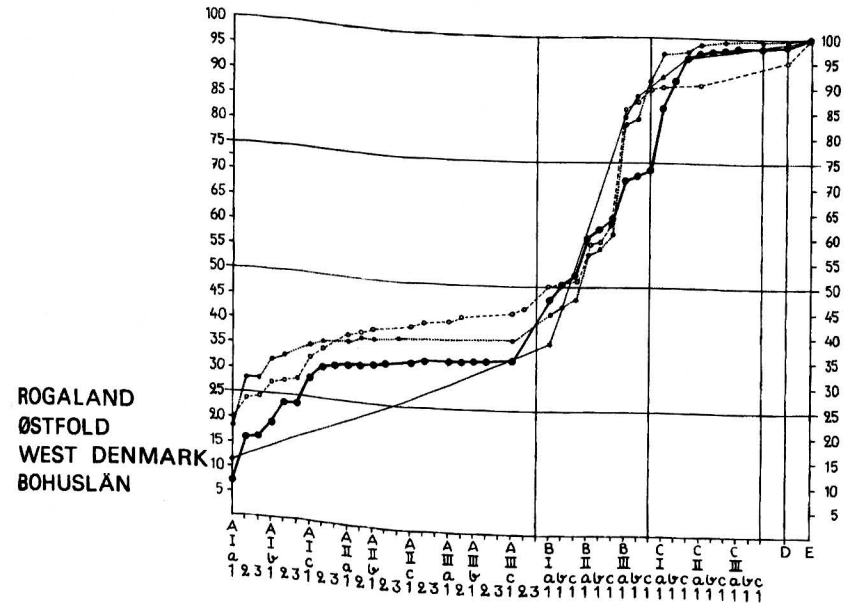

Рис. 32. Кумулятивные графики типов изображений корабля на петроглифах других ареалов Скандинавии (Швеции, Дании) показывают сходство этих ареалов по соотношениям типов (Malmer 1981, fig. 12).

распространения младших типов ниже, чем таковая старших типов. Этот феномен может быть показан во всех периодах человеческой истории. Поэтому он – один из важнейших типичных случаев, по образцу которых может быть достигнуто решение проблем исторического расселения. В археологии, однако, этот феномен, кажется, был интерпретируем чаще неверно, чем верно ...” (JS: 759-760).

Между тем в северных областях богаче представлены не только более древние типы, но и самые поздние (менее ярко, но все же заметно это и в керамике), впрочем, последние могли рассматриваться как самые ранние для следующей культуры. Феномен задержки архаичных типов в периферийных областях действительно всеобщ, но из того, что он обычно приводил к увеличению доли архаичных типов в общем культурном багаже периферии, ещё не вытекает с неопровержимостью вывод о том, что и в данном случае цифровые соотношения объясняются этим феноменом.

В принципе, возможны наряду с этим объяснением и другие: производство боевых топоров могло начаться на севере раньше, чем на юге (или население, изготовлявшее их, могло там появиться раньше), производство этих типов могло по каким-либо (скажем, ритуальным) причинам оказаться более интенсивным на севере, чем на юге, – это могла быть локальная специфика севера; не исключено, однако, и проявление феномена, указанного Мальмером.

Когда Мальмер говорит, что “скорость распространения младших типов ниже, чем таковая старших типов”, то он, вопреки его собственному мнению, вовсе не “точнее выражается”. Ибо скорость распространения старших типов в *продукционных диаграммах* вообще ничем не засвидетельствована. Все ряды начинаются с одного рубежа, и в начале любого ряда отсутствует пустая ячейка не потому, что мы уверены в том, что её не было, а потому, что у нас нет средств выявить её наличие, если она была. И нет уверенности, что в северных рядах она была не меньше, чем в южных (а ведь только при одном из этих двух допущений правило, сформулированное Мальмером, верно).

Но если вместе с Мальмером предположить, что распространение старших типов произошло действительно практически одновременно на всей области шведско-норвежской культуры боевого топора, и лишь в дальнейшем новые типы стали появляться на севере позже, чем на юге, то ничем невозможно было бы объяснить такое различие темпов диффузии. В нашем распоряжении нет двух моделей диффузии. Если нужны две модели распространения типов (одна – медленного, другая – быстрого), то у нас есть только одна альтернатива: либо диффузия, либо миграция. И тогда за медленным распространением средних и поздних типов мы вправе увидеть диффузию, а за быстрым распространением ранних типов – миграцию.

Кстати, это могло бы объяснить и их общую малочисленность: это типы, принесенные с собой, отражающие неустановившуюся, нестабильную, ещё не адаптировавшуюся к новым условиям культуру. Мальмер предпочитает объяснять увеличение долей поздних типов приростом населения и сжимает горизонтальные рамки диаграмм, подымая верхнюю, как шлагбаум. Но резкое увеличение доли типа начинается в ряду топоров уже с третьего типа (С:1): он в Сконе примерно в шесть раз обильнее обоих предшествующих, вместе взятых. Подобное возрастание популяции за столь короткий срок невероятно.

Обратимся к другому концу ряда. Заметное убывание предпоследнего типа (Н в керамических диаграммах, Е:1 – в диаграммах боевых топоров) с юга на север могло бы означать, что развитие культуры было прервано одновременно на всей её территории, когда на юге эти типы уже успели отложиться в значительном количестве, а на севере – ещё только появились. Соответственно, дающие противоположно направленную прогрессию последние типы в рядах (J в керамике, Е:2 в боевых топорах) могли бы рассматриваться как относящиеся в основном к последующей культуре и потому быстро исчезнувшие на юге, но долго державшиеся на севере. В таком случае чертой, разделявшей их от предшествующих, также должен был бы оказаться шок, уда-

ривший одновременно по всей территории шведско-норвежской культуры боевого топора: либо сильнейшее изменение природной среды, либо (что вероятнее) вторжение иноземцев, миграция.

Таким образом, пока Мальмер говорит об инвенции в общем виде, все хорошо, но как только он переходит к пространственной реализации своей гипотезы и для объяснения механизма культурной трансмиссии обращается к диффузии, тотчас неожиданным и непрошенным спутником её появляется миграция. Оно и понятно: механизм культурной трансмиссии не был столь однообразен, и если мы для вящего утверждения одной его формы в качестве единственно правомерной изгоним другие в дверь, они тут же влезут в окно. Но если диффузия у Мальмера предполагала местную, внутрикультурную инвенцию, то с миграцией встаёт вопрос о внешних, иноземных источниках инноваций, о том, что местной инвенцией в чистом виде и с привлечением диффузии не все инновации объясняются, не объясняется происхождение данной культуры и её исчезновение.

Попытка ограничить динамику развития типологией и перемещением идей, сочетая эту модель с пространственной статикой самих действующих масс населения, не удаётся. И первобытная жизнь была динамична во всём. Объяснение её требует более гибкой модели, способной отразить эту многообразную и сложную динамику.

5. Проблема реалистичности. К этому вопросу Мальмер снова возвращается в последней своей монографии “Неолит Южной Швеции” (Malmer 2002), последняя глава которой называется “5. Инновации – их природа и объяснение” (с.173-184). А внутри этой главы первый раздел называется “5.1. Понятия объективности и актуализма”, а центральный раздел – “5.2. Интерпретируя инновации”.

Это очень правильные названия, ибо интерпретация, несомненно, подразумевает принцип *актуализма*. Мальмер формули-

рует его так: “Почти наверняка физическое и ментальное оснащение человека было тем же самым в Скандинавии в течение шести тысяч лет, которые миновали со времени начала неолита” (Malmer 2002: 174). То есть принцип актуализма означает свободу, исходя из этого, переносить закономерности настоящего на прошлое и судить о явлениях прошлого, исходя из современных аналогий. Ну, если уж заговорили о принципах, то стоило бы учесть, что они обычно действуют парами: каждому принципу соответствует другой, противоположный, который тоже верен (Клейн 2001). С принципом актуализма в такой паре состоит принцип *историзма*, который гласит, что всё в обществе и людях меняется, и в каждую эпоху действуют специфические закономерности, которых не было в предшествующую, так что тех, что действуют в настоящем, возможно, в прошлом и не было. Таким образом, нужна осторожность в перенесении современных явлений на прошлое, иными словами, есть опасность неправомерной модернизации прошлого.

Мальмер понимает, что основной реализацией актуализма в археологии являются этнографические аналогии и особенно этноархеология (я с ним полностью в этом согласен – Клейн 1981; 1998), а также археологические эксперименты. Но в своих исследованиях Мальмер почти не применяет этих реализаций. Он базируется на другом воплощении принципа актуализма.

“Однако понятие археологического актуализма имеет даже более широкое применение. Оно включает полное восприятие археологом первобытных артефактов в сравнении с миром вокруг нас сегодня, и в частности с нашей повседневной средой... Если мы хотим отыскать поселения каменного века внутри отдельного региона, мы можем начать с регистрации тех, которые уже известны, и составления статистики размещения по отношению к различным формациям ландшафта, а затем на этой основе мы можем делать разведку на местности. Другой же метод – это просто присесть на склоне и почувствовать, есть ли защита от ветра и идёт ли от солнца тепло. Если всё приятно, то и стоит заложить шурф” (Malmer 2002: 174).

Нет слов, бывает, что мы так и поступаем. Но таким методом всю местность не скоро опробуешь, а главное – кроме разведки его мало где ещё можно применить. В интерпретации он опасен, потому что подменяет доказательства *субъективными ощущениями*.

Мальмер верно находит и определение для этого метода интерпретации: “Археология базируется на всех других науках и на здравом смысле (common sense)” (Malmer 1993b: 147). Здравый смысл (по-английски – common sense, обыденный смысл), конечно, помогает в элементарных ситуациях. Мальмер описывает это так:

“Если мы наблюдаем следы ног на покрытой снегом земле, разве мы сомневаемся, что кто-то здесь прошёл? Если следы ведут к дому, разве мы подвергаем сомнению, что кто-то туда зашёл? Конечно, нет. Доказательства не абсолютно убедительны: кто-то мог изобрести хитрые приёмы, чтобы обмануть нас. Но такие вещи встречаются крайне редко; в высшей степени вероятно, что наше первое заключение справедливо” (Malmer 1993b: 147).

И в другом месте: “до нынешнего времени основной массив археологических достижений – результат здравого смысла” (Malmer 1993a: 19).

Это может означать только одно: что археологу нужно быть разумным человеком, обыденно разумным человеком (иметь голову на плечах), и больше ничего. Что в археологии, как и везде, есть масса операций и вопросов, для которых не нужно археологического образования и особой методики. Ой ли! Ну, это есть и в химии: как зажечь спиртовку, как обходиться с огнём, чтобы не обжечь пальцы, как пересыпать реактив в другой пакет и т.п. Не из этих банальных истин состоит наука.

Но попробуйте, опираясь только на здравый смысл, объяснить, чему служил грузик Дьякова типа или молоточковидная булава, или энеолитический зооморфный скипетр без проуха; почему в парных погребениях бронзового века скелеты лежат в обнимку; почему на некоторых петроглифах изображены повоз-

ки, запряжённые разными животными (например, быком и козлом), а другие повозки изображены в развёртку – как бы сверху и все четыре колеса плашмя по сторонам прямоугольника кузова. Почему почти каждая археологическая культура непонятно откуда появляется и исчезает неизвестно куда. Никак не обойтись здравым смыслом. Тут нужны особые знания, методика интерпретации, нужна наука и нужны специалисты в этой науке.

Наши представления о простейших повседневных ситуациях, конечно, как-то ориентируют нас в суждении о следах из прошлого, но не больше. Если этим ограничиться, можно грубо ошибиться. Конечно, Мальмер восхвалял значение здравого смысла, чтобы противопоставить его модным сомнениям в реальности наших реконструкций. Но вопреки намерениям самого Мальмера, его апология здравому смыслу звучит как оправдание дилетантизма в археологии.

В резюме своей статьи “Об объективности и актуализме в археологии” Мальмер пишет: “Археологический актуализм имеет три главных варианта: этноархеологию, археологические эксперименты и наши собственные личные субъективные впечатления (impressions) от археологического материала в сравнении с основными физическими явлениями в мире вокруг нас” (Malmer 1997: 7). Вытолкали импрессионизм в дверь, а он – шасть в окно!

В этой же статье Мальмер рассказывает эпизод, который в устах яростного сторонника объективной регистрации и точных методов звучит несколько странно.

“Мои самые первые археологические раскопки произвели на меня неизгладимое впечатление. В ноябре 1945 г. профессор Грета Арвидсон раскапывал жилище железного века возле скакового круга на ипподроме Егерсро в Малмё, а я был её помощником. Шёл дождь, было холодно и темно. Глина была плотной, находок очень мало, всего несколько неорнаментированных черепков. В эти дни на скачках был знаменитый жокей, чьё имя Георг Килик. Он был не только опытным всадником,

но и ясновидцем, спиритуалистом-медиумом. Вот он посетил наши раскопки, быстро ухватил черепок от горшка и поднёс к лицу. Затем он поведал нам, что он увидел: как дом был обставлен в железном веке, как огонь пылал в очаге, как мужчины сражались, а женщины причитали. Я не буду входить в мои собственные представления о парапсихологии, но сравнение между сеансом Килика и нашим методом было поучительным” (Malmer 1997: 8).

В контексте предпочтения Мальмером не самой надёжной реализации актуализма этот эпизод действительно поучителен. То есть получается, что строгую логику и точные методы Мальмер считает обязательными для описания и представления фактов, но не руководствуется ими в интерпретации!

Переходя непосредственно к разделу об интерпретациях, необходимо заметить: что бы ни говорилось в предшествующем разделе о желательности представить именно факты, о том, что “метод актуализма” “приводит ни к чему иному, как к очень простым фактам о прошлом” (с.175), интерпретации – это не факты, а гипотезы.

“Отстаиваемый мною актуализм, – пишет Мальмер, – поддерживается общей теорией проверки гипотез” (Malmer 2002: 174). Из теорий проверки гипотез Мальмер признаёт наиболее надёжной теорию Лакатоса, по которой ни подтверждение ожиданий, по Юму, ни испытание на прочность, по Попперу (теория фальсификации), не годятся, и нужно вписывание в более широкую исследовательскую программу. Мальмер это толкует так, что гипотеза должна рассматриваться не в изоляции, а как часть более широкой теоретической системы (Malmer 2002: 175). То есть гипотеза должна отвечать общим представлениям о реальном мире. Тогда к его понятиям объективности, актуализма и доказанности надо бы ещё добавить понятие *реалистичности*.

Все три культуры, описанные в книге, Мальмер считает не принесёнными миграцией в места своего обитания, а возникши-

ми на месте под воздействием инноваций со стороны. Инновации распространялись без насилия и не в результате смены климата.

“Последовательные смены ЕВК (мезолитической культуры Эртебёле – ЛК) TRB [культурой воронковидных кубков – Л.К.], а той – GRK (культурой ямочной керамики – Л.К.), и последней – STR [культурой боевого топора – Л.К.] не были вызваны ни этническими конфликтами, ни климатическими изменениями. Различия между культурами были в идеологическом плане. Культура – это идеология” (Malmer 2002: 184).

Даже если понимать идеологию не в политическом смысле, а как ментальность, это положение удивляет.

Мальмер рисует картину, как под влиянием своих передовых южных соседей мезолитические жители Южной Швеции проникаются новыми верованиями, а, проникнувшись, принимают и связанную экономику. Это ещё куда ни шло, хотя что они перенимали первым – религию или более выгодное хозяйство, надо бы решать более аргументировано, причём именно фактами, хотя бы этнографическими. А вот дальше картина становится совсем странной: почему-то через сотни лет строители дольменов принимают от своих отсталых соседей, охотников и рыболовов, совершенно иную религию и систему ценностей, под этим воздействием отказываются от боевых топоров, имевших культовое значение, и от священной орнаментации керамики, ну, а тут уж недалеко и до отказа от связанного с этой религией вида хозяйствования. Запускают земледелие, перестают разводить животных. Становятся опять охотниками и рыболовами. Потом заводят земледелие и скотоводство вторично, снова под воздействием южной религии.

В принципе регресс, конечно, возможен, но он обычно связан либо с нашествием отсталых популяций, либо с социальными конфликтами внутри общества, вызывающими разрушение его экономики (как в гибели Микенской цивилизации).

Очень трудно представить себе, что земледельцы и скотоводы культуры воронковидных кубков настолько поддались мирному

идейному влиянию с севера и островов, что забросили земледелие и скотоводство и занялись взамен охотой и рыболовством, да и отказались от своей керамики, боевых топоров и способа погребения в дольменах. А потом снова прониклись общеевропейским увлечением боевой ментальностью и вернули себе керамические кубки и боевые топоры (только другие), земледелие и скотоводство.

Всё это, при всей замечательной наблюдательности Мальмера, при всей его эрудиции, при всём его методическом богатстве очень напоминает делавшиеся совсем недавно предположения о том, что фатьяновская культура Верхнего Поволжья выросла на месте путём трансформации культур местной ямочно-гребенчатой керамики.

Как в советской археологии, так и у Мальмера в основе этого построения лежали не факты, а общие положения, убежденность в повсеместной автохтонности. Рассуждая о миграциях, Мальмер проговорился: “Против этих концепций говорят не просто факты, а и общие воззрения (general viewpoints)” (Malmer 2002: 175). Вот именно. Это к вопросу о предвзятых идеях.

В данном случае эти предвзятые идеи не очень вяжутся с представлениями о реальных фактах диффузии культуры в первобытном мире. С критерием реалистичности.

Заключение

1. Три М. Нововведения Мальмера начались в 50 годы с его блестящих картографических методов, заимствованных у географов, – с изарифм, гексагонов, плейонов и антиплейонов. Эти методы были потом освоены Кларком в Новой Археологии, но редко применяются сегодня.

Мальмер усовершенствовал не только картографический метод. Он развил дальше типологический метод Монтелиуса и устранил его дефекты. Как все должны помнить, для использования типологического метода мы нуждаемся в замкнутых комплексах – они необходимы, потому что только посредством замкнутых комплексов параллельные типологические ряды связываются между собой и гарантируется их неслучайность. Со случайными находками, с изолированными артефактами типологический метод Монтелиуса не может работать.

Мальмер нашёл возможность работать с такими находками тоже. Ещё раз задумаемся. Он строит серии не артефактов, а их составных элементов. Прослеживает, не как (предположительно) изменяются топоры или амфоры или фибулы, а как изменяются их отдельные элементы – параметры: длина, высота, ширина лезвия, фактура материала или отдельные детали – форма и расположение проуха, ручки, шарнира и т.п. Это типологические ряды деталей. А для установления параллельности рядов что же здесь послужит связующим звеном вместо замкнутого комплекса? Сам предмет, вещь, артефакт. Он ведь объединяет все детали. Нужно только проследить, чтобы признаки или детали одного и того же артефакта были так же независимы друг от друга, как отдельные предметы, т.е. не связаны функционально, чтобы они не изменялись по необходимости вместе. Иначе было бы бессмысленно проверять, связаны ли они исторически.

Оцените, что именно Мальмер совершил, – он развил дальше, усовершенствовал градационно-типологический метод Монтелиуса. Короля археологии.

Таким образом, к Монтелиусу и Мюллеру как великим скандинавским мастерам чисто археологической методики установления преемственности и хронологии есть смысл присоединить Мальмера. Появилось третье М – Матса Мальмера.

2. Полезные просчёты. Остаётся найти разгадку сдержанного отклика на его грандиозный труд, не такого энтузиазма, какие вызвала Новая Археология. Найти ответ на тот недоумённый вопрос, который был поставлен в начале моей книги. Но теперь, после критического анализа его методики и концепции, нетрудно ответить на этот вопрос. Принципы и методы Мальмера, несмотря на всё их новаторство и техническое совершенство, оказались недостаточно продуманными, концепция – не внушающей полного доверия.

Говорят, недостатки человека являются продолжением его достоинств.

Увлеченность Мальмера точными дефинициями побудила его слишком положиться на условные исследовательские типы и границы, приняв их за абсолютно надёжные и универсальные инструменты познания. А это отрывало его от того, что может дать археологу материал, от настоящих его рубежей, от заключённых в нём культурных типов. Воюя за типологию, он не понял сути типологии Монтелиуса. В широком смысле он не разгадал формулу Монтелиуса. У Мальмера нет методов, выявляющих наличные в материале связи, типы и культуры. Типы Мальмера – не типы, а нецементированные наборы признаков. Культуры Мальмера – не культуры, а такие же наборы его типов. У него много математики, измерений и подсчётов, но мало корреляций вообще и нет корреляций и графов, сцепляющих признаки в типы, а типы в культуры.

Это как раз то, что в Новой Археологии имеется.

“Рационализм” Мальмера оказался достаточно рационалистичным (разумным, рассудительным, изошренным), чтобы уловить и выявить некоторые подспудные тенденции развития, но слишком рационалистичным (искусственным, схематизирующим, надуманным), чтобы адекватно и полно отобразить эту живую динамику конкретной археологической культуры. Книги Мальмера сказали за себя очень много. Но против “импрессионизма” они сказали, пожалуй, слишком много, а против того, что Мальмер назвал “эмпиризмом” они не скажут ничего сверх того, что сказали, а этого оказалось мало. Часть положений убеждает и представляется ценной и перспективной, другая – нет.

Глядя на Мальмера, мы понимаем, что даже у очень крупных и талантливых учёных не всё одинаково умно и резонно, иногда наивно до крайней степени. Но каждый из нас не застрахован от этого. И нужно интенсивно развивать очень многие свои идеи, чтобы те, которые окажутся червивыми, не отняли время и силы от разработки тех, которые вырастут золотыми яблочками успеха. Но на каких они окажутся веточках, заранее не видно.

Однако и те пути размышлений Мальмера, которые оказались тупиковыми, также очень плодотворны как опыты продвижения. Они показывают нам, какими путями не нужно идти и почему, какие искушения нужно преодолевать, какой философской методологией нужно пользоваться с осторожностью. Это тем более важно, что эти искушения одолевали многих археологов – и за рубежом, и у нас. Одни называют эти идеи релятивизмом, другие – конструктивизмом. Мальмер прошёл их до конца, развил эти идеи последовательно – проделал эту работу за нас. Сам того не желая, показал: это тупик.

Его критикуют за многое – как в его теоретических предложениях, так и в конкретных разработках. Но мы определяем значение учёного на основании того, что он нам дал, а не на основании того, чего он нам не дал. Мальмер останется в памяти, прежде всего, как тот, кто раскопал Альвастру, ввёл в археологию изарифмы и развил типологический метод Монтелиуса.

Литература

- Арциховский А.В. 1937. В защиту летописей и курганов// СА, 4: 53-61.
- Брюсов А.Я. 1960. В.А. Городцов (к 100-летию со дня рождения)// Труды ГИМ, 377: 7-11.
- Гарден Ж.-К. 1983. Теоретическая археология. М., Прогресс.
- Домба М. 1966. По материалам древних погребений Северной Осетии. Орджоникидзе, Северо-Осетинское книжное издательство.
- Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. 1975. Анализ археологических источников. (Возможности формализованного подхода). М., Наука.
- Клейн Л.С. 1962. Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема выделения археологических культур// СА, 2: 26-38.
- Клейн Л.С. 1969-1970. Остаюсь археологом (трактат о современном кризисе гуманитарности в археологии и его отношении к успехам естественных и точных наук)// Знание – сила, 1969б, 2: 26-27; 1970, 2: 33-34.
- Клейн Л.С. 1970. Катакомбная культура или катакомбные культуры?// Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., Наука: 165-179.
- Клейн Л.С. 1973. Археологические признаки миграций (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Чикаго, 1973. Доклады советской делегации). М., 1973.
- Клейн Л.С. 1975. Проблема смены культур в современных археологических теориях// Вестник Ленинградского Университета, № 8: 95-103.

- Клейн Л.С. 1977а. Предмет археологии// Археология Южной Сибири. Известия кафедры археологии Кемеровского университета. Вып.9. Кемерово, издат. Кемеровского университета: 3-14.
- Клейн Л.С. 1977б. Рец. на “Анализ археологических источников” И.С. Каменецкого и др.// СА, 3: 309-317.
- Клейн Л.С. 1978. Археологические источники. Ленинград, изд. Ленинградского университета.
- Клейн Л.С. 1979. Понятие типа в современной археологии// Типы в культуре. Под ред. Л. С. Клейна. Ленинград, изд. Ленинградского университета: 50-74
- Клейн Л.С. 1981. Археолого-этнографические сопоставления// Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, издат. Томского университета: 138-141.
- Клейн Л.С. 1987. Классификация и типология// Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Тезисы докладов... Часть I. Омск, изд. Омского университета: 33-35.
- Клейн Л.С. 1991а. Археологическая типология. СПб, АН СССР.
- Клейн Л.С. 1991б. Рассечь кентавра. О соотношении археологии с историей в советской традиции// Вопросы истории естествознания и техники. М., 4: 3-12.
- Клейн Л.С. 1992. Методологическая природа археологии// Российская Археология, 1992, № 4: 86-96.
- Клейн Л.С. 1993а. Археологическая типология. Автореферат диссертации (в виде опубликованной монографии) на соискание учёной степени доктора исторических наук. СПб, Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.
- Клейн Л.С. 1993б. Феномен советской археологии. СПб, Фарн.

Клейн Л.С. 1996. Глядя на наше вчера// *Archaeologia Petropolitana*, № 1: 99-106.

Клейн Л.С. 1998. Археология и этнография: проблема сопоставлений// Интеграция археологических и этнографических сопоставлений. Материалы VI Международного научного семинара, посвящённого 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. Ч.1. Омск; Санкт-Петербург: 97-120.

Клейн Л.С. 1999. Миграция: археологические признаки// *Stratum plus*. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса, № 1: 52-71.

Клейн Л.С. 2000. Тохарская миграция в свете археологии// *Stratum plus*. Санкт-Петербург; Кишинёв; Одесса, 2: 178-187.

Клейн Л.С. 2001. Принципы археологии. СПб, Бельведер, 151 с., 11 рис.

Клейн Л.С. 2004. Введение в теоретическую археологию. Кн.1. Метаархеология. СПб, Бельведер.

Клейн Л.С. 2009а. В чём научность науки? Гуманитарий – это учёный?// Троицкий вариант – газета учёных, вып.6 (25), 31 марта: 14.

Клейн Л.С. 2009б. Новая Археология (критический анализ теоретического направления в археологии Запада). Донецк, Донецкий национальный университет.

Клейн Л.С. 2009в. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб, Евразия.

Клейн Л.С. 2010 (в печати). Проблема археологической идентификации тохаров. – Доклад на тохарской конференции, М.; СПб, 2009.

Крайнов Д.А. 1972. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. М., Наука.

Кузнецов И.В. 1968. Преемственность, единство и минимизация знания – фундаментальные черты научного метода// Мате-

риалистическая диалектика и методы естественных наук. М., Наука: 351-356.

Кун Т. 1978. Структура научных революций. 2-ое изд. М., Прогресс.

Лебедев Г.С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. Ленинград, изд. Ленинградского университета (нов. расшир. изд. СПб, Евразия, 2005).

Мысливченко А.Г. 1972. Философская мысль в Швеции. Основные этапы и тенденции развития. М., Наука.

Фёдоров-Давыдов Г.А. 1965. О датировке типов вещей по погребальным комплексам// *СА*, 3: 50-65.

Форд Дж.А. 1962. Количественный метод установления археологической хронологии// *СЭ*, 1: 32-43.

Шер Я.А. 1966. Типологический метод в археологии и статистика// Доклады и сообщения археологов СССР (VII Международный конгресс доисториков и протоисториков). М, Наука: 253-266.

Шер Я.А. 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., Наука.

Энгельс Ф. 1890/1965. Письмо Йозефу Блоху в Кёнигсберг 21 [- 22] сентября 1890 г.// Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 37: 395-396.

Åberg N. 1929. Typologie. – *Reallexikon der Vorgeschichte*, hrsg. Von Max Ebert. Bd.XIII. Berlin, Walter de Gruyter.

Adams W.Y. 1973. The archaeologist as detective// D.W. Lathrap and J. Douglas (eds.). *Variation in anthropology: Essays in honor of John C. McGregor*. Ann Arbor, Mich., Braun – Brunfield: 17-29.

Anda T. 1951. Recherches archéologiques sur le pratique médicale des Hongrois à l'époque de la conquête du Pays. Trépanation du ci-seau et au foret// *Acta Archaeologica Acad. Scien. Hung.*, I (3-4): 251-316.

- Andrén A. and Baudou E. 2007. Mats P. Malmer, a brilliant archaeologist// *Dagens Nyheter*, 16 Oct. (engl. transl. by Martin Rundqvist in *scienceblogs.com/aardvarchaeology*; reprint. in *Antiquity* 2007).
- Behrens H. 1984. Die Ur- und Frühgeschichtswissenschaft in DDR von 1945-1980. Miterlebte und mitverantwortete Forschungsgeschichte (Arbeiten für Urgeschichte des Menschen, Bd.9). Frankfurt am Main.
- Berghaus R. 1966. Bespr.: Malmers Werke// *Hamburger Beiträge zur Numismatik*. VI (20): 670.
- Binford L.R. 1972. *An archaeological perspective*. New York and London, Seminar Press.
- Brøgger A.W. B. 1926. *Kulturgegeschichte des Norwegischen Altertums*. Oslo, Aschehoug.
- Burenhult G., Carlsson A., and Hyenstrand Å. (eds.). 1987. *Theoretical approaches to artefact, settlement and society: The archaeologist Mats P. Malmer (BAR International Series 366)*. Oxford.
- Chang K.C. 1967. Major aspects of the interrelationships of archaeology and ethnology// *Current Anthropology*, 6 (3): 227-229.
- Childe V.G. 1930. *The Bronze Age*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Childe, V. Gordon. 1956. *Piecing together the past: The interpretation of archaeological data*. London: Routledge and Kegan Paul; New York: Praeger.
- Christiansson H. 1968. *Stone Age// Swedish archaeological bibliography 1960-1965*. Stockholm, Almquist & Wiksell.
- Clarke D.L. 1967. A tentative reclassification of British Beaker pottery in the light of recent research// *Palaeohistoria*, XII (2nd Atlantic Symposium, Groningen, 1964): 179-198 (repr. In Clarke D.L. *Analytical archaeologist*. London et al. Academic Press: 503-523).

- Clarke D.L. 1968. *Analytical archaeology*. London: Methuen (2nd ed. 1971).
- Cohen H. 1883. *Das Prinzip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte: ein Kapitel zur Grundlegung der Erkenntniskritik*. Berlin, Ferd. Dümmler.
- Dymaczewski A. 1968. O systematyzacji typologicznej w archeologii. Uwagi na marginesie pracy R.M. Pepniczki...// *Slavia antiqua*, XV: 263-274.
- Eggers H.J. 1959. *Einführung in die Vorgeschichte*. München, Piper (2. Aufl. 1986).
- Elsner J. 1990. Significant details: systems, certainties and the art-historian as detective// *Antiquity*, 64 (245): 950-952.
- Esparza Arroyo Á. 1996. Por la distinción entre la prehistoria y la arqueología// *Complutum Extra* 6 (II): 13-34.
- Gardin J.-C. 1958. Four codes for the description of artefacts: an essay in archaeological technique and theory// *American Anthropologist*, 60: 335-357.
- Gardin J.-C. 1963. Problèmes d'analyse descriptive en archéologie// Courbin P. (ed.). *Études archéologiques*. Paris, service d'édition et de vente de publications de l'Éducation Nationale: 133-150.
- Gardin J.-C. 1965. Free classifications and faceted classifications: their exploitation with computers. – Atherton P. (ed.). *Classification research*, Elsinore 14-18 sept. 1964. Copenhagen, Munksgaard: 161-168.
- Gardin J.-C. 1967. Methods for the descriptive analysis of archaeological materials// *American Antiquity*, 32: 13-30.
- Gjessing G. 1968. The social responsibility of the social scientist// *Current Anthropology*, 9 (5): 399-400.
- Gräslund B. 1974. *Relativ datering: Om kronologisk metod i nordisk arkeologi (Tor, vol. XVI, 1974)*. Uppsala, Gustavianum.

- Gräslund B. 1987. The birth of prehistoric chronology: Dating methods and dating systems in nineteenth-century Scandinavian archaeology. Cambridge, Cambridge University Press.
- Hägerström A. 1908. Das Prinzip der Wissenschaft. Uppsala, Skrifter utgifna af K. Humanistiska Vetenskaps-Samfundet i Uppsala (12, 3).
- Haury E.W. 1958. Evidence at Point of Pines for a prehistoric migration from Northern Arizona// Migrations in New World culture history (University of Arizona Social Science Bulletin, vol. 29, no. 27). Tucson: 1-6.
- Hawkes C.F.C. 1957. Archaeology as science: purposes and pitfalls// Archaeological News Letter (London), vol.6, no. 4: 93-100.
- Hodder I. (ed.). 1978. Spatial organization of culture. Pittsburg, University of Pittsburg Press.
- Hodder I. and Orton C. 1976. Spatial analysis of archaeology. Cambridge University Press.
- Hrouda B. 1978. Einleitung und Beweggründe// Hrouda B. (Hrsg.). Methoden der Archäologie. München, Beck: 13-17.
- Jamka P. 1949. Osady kultury Łużyckiej czasu Hallstatskiego w Szląsku w świetle metody izoarytmicznej// Światowit, XX (1948-49): 319-326.
- Johansen A.B. 1969. Højfsellsfunn ved Lærdalsvassdraget. Den teoretiske bakgrunn og de første analyseforsøk. – Årbok for Universitetet i Bergen, 1968 (4): 1-159.
- Klejn L.S. 1968. Social Responsibilities Symposium. Comment// Current Anthropology, 9 (5): 415.
- Klejn L.S. 1969. Zum Problem der Aussonderung und Gliederung des Streitaxtkulturkreises// Behrens H. und Schlette F. (Hrsg.). Die neolithischen Becherkulturen in Gebiet der DDR und ihre europäischen Beziehungen. Berlin, Deutscher Verlag der Wissenschaften: 143-148.

- Klejn L.S. 1977. A panorama of theoretical archaeology// Current Anthropology, vol.18, no. 1: 1-42.
- Klejn L.S. 1982. Archaeological typology. Oxford, BAR (intern. series, 153).
- Klejn L.S. 1993. To separate a centaur: On the relationship of archaeology and history in Soviet tradition// Antiquity, vol.67, no. 255, p.339-348.
- Klejn L.S. 1994. Childe and Soviet archaeology: a romance// Harris D.R. (ed.). The archaeology of V.Gordon Childe. Contemporary perspectives. London, UCL Press, 1994, p.75-90, discuss.90-93.
- Klejn L.S. 1995. Prehistory and archaeology// Kuna M. and Venclova N. (eds.). Whither archaeology? Papers in honour of Evzen Neustupny. Praha, Institute of archaeology: 36-42.
- Klindt-Jensen O. 1975. A history of Scandinavian archaeology. London, Thames and Hudson.
- Kossinna G. 1922. Oscar Montelius// Mannus, 13 (4): 309-335.
- Kristiansen K. 1974. En kildekritik analyse af depotfund fra Danmarks bronzealder (periode IV-V). En bidrag til den arkæologiske kildekritik// Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie: 119-160.
- Kristiansen K. 1978. The application of source-criticism to archaeology// Norwegian Archaeological Review, vol.11 (1): 1-5.
- Kristiansen K. (ed.). 1985. Archaeological formation processes: the representativity of archaeological remains of Danish prehistory. Copenhagen, Nationalmuseets Forlaget.
- Kuhn Th.S. 1962. The structure of scientific revolution. Chicago, University Press (revised ed. 1970).
- Laplace, Georges. 1957. Typologie analytique: Application d'une nouvelle méthode d'étude des formes et des structures aux industries à lames et lamelles// *Quaternaria* 4:133-64.

- Leach St. 2010. The Archaeologist and the Detective: from Leningrad to St. Mary Mead (in print).
- Malina Ja. 1977. System of analytical archaeography. Praha, Academia.
- Malmer M. P. 1957. Pleionbegreppets betydelse för studiet av förhistoriska innovationsförlapp. *β Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja – Finska Fornminnesföreningens Tidskrift*, 58: 160-184.
- Malmer M. P. 1962. Jungneolithische Studien (Acta Archaeologica Lundensia, Series in 8°, No. 2). Bonn – Lund, Habelt, XXXVI. – 959 S., 103 Tab. u. 129 Abb.
- Malmer M. P. 1963a. Empirism och rationalism i arkeologisk forskning. – *Fynd (Göteborg, 1963)*: 93-95, English summary 111-112.
- Malmer M.P. 1963b. Metodproblem inom järnålderns konsthistoria (Acta Archaeologica Lundensia, Series in 8°, No. 3. Bonn – Lund, Habelt, 277 p., 12 Tab., 14 fig.
- Malmer M.P. 1964. Synpunkter på Jungneolithische Studien. Svar. – *Finskt Museum*, 71: 75-81.
- Malmer M.P. 1965a. Die Hauptthesen der “Jungneolithischen Studien“// *Helinium (Wetteren)*, 5: 139-142.
- Malmer M.P. 1965b. Methode und Ergebnis// *Meddelanden från Lunds Universitets Historiska Museum 1964-1965*. Lund: 81-201.
- Malmer M.P. 1967. The correlation between definitions and interpretations of Neolithic cultures in Northwestern Europe// *Palaeohistoria*, XII (Groningen, 1966): 373-378.
- Malmer M.P. 1975. Stridsyxekulturen i Sverige och Norge. Lund, Liber Läromedel.
- Malmer M.P. 1981. A chorological study of North European rock art. Stockholm, Almqvist & Wiksel.
- Malmer M.P. 1984. Arkeologisk positivism. – *Fornvännen*, 79: 260-268.
- Malmer M.P. 1991. The mentality of centre and periphery// Jennbert K. et al. (eds.). *Regions and reflections*. In honour of Märta Strömberg. Lund, Almqvist & Wiksell International: 45-50.
- Malmer M.P. 1992. Weight systems in the Scandinavian Bronze Age// *Antiquity*, 66 (251): 377-378.
- Malmer M.P. 1993a. Från Thomsen till Binford. Om arkeologisk teori och ideologi före 1970// Prescott Chr. and Solberg B. (eds.). *Nordic TAG. Report from the Third Nordic TAG conference 1990*. Bergen, Nordisk Museum, Universitet I Bergen: 11-19.
- Malmer M.P. 1993b. On theoretical realism in archaeology// *Current Swedish Archaeology*, 1: 145-148.
- Malmer M.P. 1995. Montelius on types and find-combinations// *Oscar Montelius 150 y ears. Proceedings of a Colloquium held in the Royal Academy of Letters, History and Antiquities, Stockholm, 13 may 1993, KVHAA Konferenser 32*: 15-22.
- Malmer M.P. 1997. On objectivity and actualism in archaeology// *Current Swedish Archaeology*, 5: 7-18.
- Malmer M.P. 1999. How and why did Greece communicate with Scandinavia in the Bronze Age? – Orrling C. (ed.). *Communication in Bronze Age Europe*. Stockholm, Statens Historiska Museum: 33-42.
- Malmer M.P. 2002. The Neolithic of South Sweden: TRB, GRK, and STR. Stockholm, The Royal Swedish Academy of Letters, History and Antiquities.
- Martin P.S. 1971. The revolution in archaeology// *American Antiquity*, vol.36, no. 1: 1-8.
- Meinander C.-F. 1964. Bespr.: *Jungneolithische Studien* von M.P. Malmer// *Helinium (Wetteren)*, 4: 82-88.

- Meinander C.-F. 1965. Synpunkter på *Jungneolithische Studien*, Recension. – Finskt Museum, LXXI (1964): 75-81.
- McGuire R. 1992. A Marxist archaeology. San Diego et al., Academic Press.
- Moberg K.-A. 1969. Introduktion till arkeologi. Stockholm, Natur och Kultur.
- Moberg K.-A. 1970. Archaeograms and historical entities// Norwegian Archaeological review, 3: 21-24.
- Moberg C.-A. 1981a. From artefacts to timetables to maps (to mankind?): regional traditions in archaeological research in Scandinavia// World Archaeology, 13 (2): 209-221.
- Moberg C.-A. (ed.). 1981b. Similar finds? Similar interpretations? Glastonbury – Gothenburg – Gotland, nine essays. Gothenburg, University – Anna Ahrenberg foundation.
- Montelius O. 1880. Spännen från bronsåldern och ur dem närmast utvecklade former. Typologisk studie// Antiquarisk tidskrift för Sverige (Stockholm), 6: 3: 1-194.
- Montelius O. 1903. Die älteren Kulturperioden im Orient und in Europa. I. Die Methode. Stockholm, Selbstverl.
- Olsen B.J. 1991. Metropolis and satellites in archaeology: On power and asymmetry in global archaeological discourse// Preucel R. W. (ed.). Processual and postprocessual archaeologies: Multiple ways of knowing the past. Carbondale, Southern Illinois University: 211-224.
- Pike K. 1955. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior. Glendale, Calif., Summer Institute of Linguistics.
- Pittioni R. 1963. Bespr.: *Jungneolithische Studien* von M. P. Malmer// Archaeologia Austriaca, 34: 88-89.

- Pittioni R. 1965. Bespr.: *Metodproblem...* von M.P.Malmer// Archaeologia Austriaca, 37: 128.
- Pohlhausen H. 1963. Randbemerkungen zu einer neuen Untersuchung über die scgwedisch-norwegische Streitaxtkultur// Archaeologia Geographica, 10/11 (1961/63): 67-82.
- Rouse I.B. 1960. The classification of artefacts in archaeology// American Antiquity, 25 (3): 313-323.
- Rouse I.B. 1972. Introduction to prehistory: a systematic approach. New York et al., McGraw – Hill Book Company.
- Renfrew C. 1970-71. Revolution in prehistory// The Listener, 1970: 897-900; 1971: 12-15.
- Renfrew C. 1973. Before civilization: the radiocarbon revolution and prehistoric Europe. London, Cape.
- Schnapp A. 1996. The discovery of the past. The origins of archaeology. London, British Museum Press.
- Schwartz D.W. 1978. A conceptual framework for the sociology of archaeology. – Dunnel R.C., Hall E.S. (eds.). Archaeological essays in honor of Irving B. Rouse. The Hague et al., Mouton: 149-176.
- Shanks M. and Tilly C. 1987. Re-constructing archaeology. Cambridge, Cambridge University Press.
- Sørensen M.L. S. 1999. Mats P. Malmer. – Murray T. (ed.). Encyclopedia of archaeology. The great archaeologists. Vol.II. ABC – Clio, Santa Barbara et al.: 775-789.
- Sperber E. 1993. Establishing weight systems in Bronze Age Scandinavia// Antiquity, 67: 613-619.
- Struve K.W. 1953. Die Einzelgrabkultur in Schleswig-Holstein und ihre kontinentalen Beziehungen. Neumünster, Wachholz.

- Tabaczyński St. 1995. A future for the Marxist paradigm in Central Europe archaeology? The Polish case. – Kuna M. and Venclova N. (eds.). Whither archaeology? Papers in honour of Evžen Neustupný. Praha, Institute of Archaeology: 69-81.
- Taylor W.W. 1948. A study of archaeology (American Anthropologist 50, no. 3, pt.2, Memoir 69). Menasha, American Anthropological Association (2nd ed. 1967. Carbondale, Arcturus Books, Southern Illinois University Press – London and Amsterdam, Feffer & Simons).
- Thomas S.E. 1964. Review of *Jungneolithische Studien* by M.P. Malmer// *Antiquity*, 38 (151): 234-236.
- Trigger B.G. 1984. Alternative archaeologies: nationalist, colonialist, imperialist. – *Man* (N. S.). 19: 355-370.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3	6. Надёжнее замкнутых комплексов?	89
I. Шведский рационализм и революция в археологии	8	7. Надёжнее стратиграфии?	96
1. Истоки шведского рационализма	8	V. “Рационализм” против “импрессионизма”	98
2. От 2М к 3Н	12	1. Объективность исследований	98
3. Матс Мальмер как трансмиссионист	13	2. Терминология полярности	99
4. Cherchez la femme. Money, money, money ...	18	3. Между логикой и интуицией	103
5. Упущенные лавры	20	4. Дефиниции	106
6. Материал: норманны до норманнов?	25	5. Точность измерений	108
II. Труд и борьба Мальмера	35	6. Сформулированность	111
1. Принципы “Исследований по развитому неолиту”	35	7. Приоритет дефиниций	114
2. Дискуссия	36	8. Требования к дефинициям	117
3. Методические нововведения: изарифмы	41	VI. “Рационализм” против “эмпиризма”	119
4. Методические нововведения: учёт изученности	46	1. Другой фронт	119
5. Методические нововведения: количественные аспекты	51	2. Вещи и отношения	120
III. Реабилитация типологии	56	3. Наши типы адекватны – чему?	123
1. Типология как стержень археологии	56	4. Уступки “эмпиризму”	125
2. Типология и типологический метод	60	5. Модель Форда	128
3. Типология и классификация	63	6. В защиту условных типов	133
4. Гуманитарность и научность	70	7. Отношение к неопозитивизму	136
5. Типология – ключ к пониманию природы археологии	75	8. Без теории?	138
IV. Типологический ряд и замкнутый комплекс	78	9. Априорность культур	140
1. Недостатки типологического метода	78	10. Культуры без чётких границ	145
2. Типологические элементы и градация	79	11. Культура и идеология	147
3. Проверка неслучайности ряда	81	VII. От типа к периоду	149
4. Независимые типологические элементы	84	1. Ещё о требованиях к дефиниции	149
5. Мальмер – продолжатель Монтелиуса	86	2. Вопрос о переходных формах	149
		3. Аналитическая классификация против типологии вещей	151
		4. Деление на периоды	155
		5. Продукционные диаграммы	157
		VIII. Миграция или автохтонность?	170
		1. Предвзятые идеи и миграции	170

2. Аргументы миграции и контраргументы . . .	174
3. Теория или предвзятые идеи? . . .	179
4. Критерии достоверности миграции . . .	181
5. Концепция автохтонности . . .	184
IX. Инвенция и диффузия . . .	190
1. Проблема территориального охвата . . .	190
2. Механизм инновации . . .	193
3. Фактическое обоснование . . .	198
4. Смысл продукционных диаграмм . . .	202
5. Проблема реалистичности . . .	208
Заключение . . .	215
1. Три М . . .	215
2. Полезные просчёты . . .	216
Литература . . .	218
Резюме . . .	232
Summary . . .	239
Именной указатель . . .	246
Предметный указатель . . .	249

CONTENTS

Foreword . . .	3
I. Swedish rationalism and revolution in archaeology . . .	8
1. Background of Swedish rationalism . . .	8
2. From 2M to 3H . . .	12
3. Mats Malmer as a transmissionist . . .	13
4. Cherchez la femme. Money, money, money... . . .	18
5. Laurels omitted . . .	20
6. Material: Normans before Normans . . .	25
II. Malmer's work and struggle . . .	35
1. Principles of Spätneolithische Studien . . .	35
2. Discussion . . .	36
3. Methodological innovations: isarythms . . .	41
4. Methodological innovations: taking into account the level of investigation . . .	46
5. Methodological innovations: quantitative aspect . . .	51
III. The justification of typology . . .	56
1. Typology as a pivot of archaeology . . .	56
2. Typology and typological method . . .	60
3. Typology and classification . . .	63
4. Humanities and sciences . . .	70
5. Typology: a key to the nature of archaeology . . .	75
IV. Typological series and assemblage . . .	78
1. Drawbacks of the typological method . . .	78
2. Typological elements and gradation . . .	79
3. The proof of series' non-randomness . . .	81
4. Independent typological elements . . .	84
5. Malmer successor of Montelius . . .	86
6. More reliable than assemblages? . . .	89
7. More reliable than stratigraphy? . . .	96